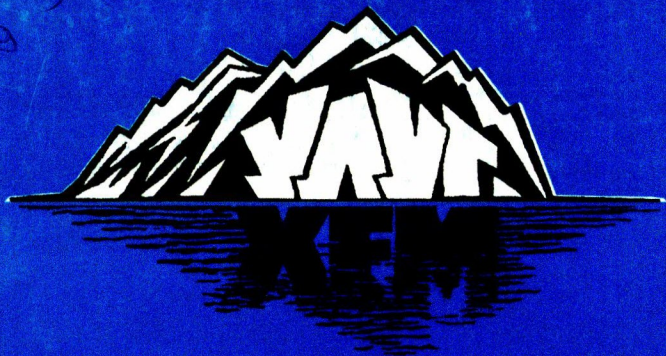

С (Туб)
У 49

№ 4

2011

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

Журнал
тувинских
писателей

Журнал основан 26 августа 1946 года

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Черлиг-оол Куулар

№ 4 (66) 141

2011 г., июль-август

Редакция журнала “Улуг-Хем”
Кызыл — 2011

С (Тув)
у-47

Главный редактор Черлиг-оол Куулар
Ответственный секретарь Ш. Суван.

Учредители журнала: Министерство культуры РТ, коллектив государственного автономного учреждения РТ редакции журнала “Улуг-Хем”.

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати массовой информации. Рег. № Т – 00028.

На обложке портрет одного из основателей тувинской детской литературы О.О. Сувакпита.

М 4702580600 без объявл.
24-13-2004

Маадыр-оол ХОВАЛЫГ

САМДАР

Из повести

Глава третья

Когда Самдар впервые появился на строительстве ТЭЦ — с лошадью и телегой, — русские парни окружили его, бросив работу, и засыпали насмешками:

— Ух ты, снежного человека поймали! Ты, брат, с Гималаев спустился?

— Эй, старик! На крыше общежития заваялись старые валенки с отрезанными подошвами, хочешь — подарим, ногам будет прохладнее!

— А за рукомойником валяются ватные брюки без одной штанины, принести? Твои-то совсем прохудились, уважаемый!

Раздавались раскаты хохота.

— Дай-ка, дядя, порулить твоим автомобилем! Чтоб газануть, надо нажать на дырку под хвостом?

— Поменяемся обувкой? Хочешь мои тапочки?

Самдар хоть и не знал языка, но понял, что над ним насмеваются.

— Что они говорят? — спросил он у стоящих молча тувинских парней и, услышав перевод, беззаботно рассмеялся:

— Переведите им, сынки, что они молоды, как щенки-сосунки, в жизни не видели ни настоящего тувинца, ни настоящей лошади. Но человек знакомится через разговор, а лошадь — через ржание. Так что впереди у нас много времени.

С каждым новым днем рабочие все больше привыкали к странному облику Самдара, все реже слышались насмешки.

Оказалось, что пожилой тувинец в оборванной одежде — трудяга. Усвоив режим, он приходил на работу раньше всех. Его рыжая лошадь похрустывала овсом в привязанном к голове латаном мешке, а сам он либо смазывал оси старой телеги или, сидя на траве, скрестив ноги, ремонтировал выдавшие виды хомут или седелку. В обеденное время, когда проголодавшиеся рабочие мчались наперегонки в столовую или буфет, он отправлялся на пилораму и один разгружал привезенные доски. Никто не видел, чтобы он обедал — все трудился и трудился, как муравей. В конце концов строители не выдержали:

— Самдар, хватит горбатиться, отдохни, пообедай!

А он, услышав перевод, улыбнулся толстыми губами и пробормотал про себя:

— Что они знают о человеке, который утром съел полную пиалу далгана! Видно, желудок у русского человека совсем махонький, как у лошади, только и знает, что ест.

Вечером, перед самым концом рабочего дня, когда строители уже переодевались, Самдар то и дело подъезжал на тяжело груженой телеге, и рабочие ворчали — бригадир обязательно заставлял их разгружать:

— Хватит уже, старый! Всех денег не заработаешь! Или хочешь орден на рваную куртку?

— Ну вы даете, сынки, солнце-то еще высоко! Столько можно еще успеть сделать. Работать по расписанию — это только бить баклуши. Удивительно, что хоть как-то растёт эта стройка. Очень мало времени отведено для работы. Да еще раз в субботу всего полдня работаем, а в воскресенье выходной... — Самдар ворчал, сравнивая строительство со скотоводством, и не переставал удивляться.

Вскоре строители, подтрунивавшие над Самдаром, стали пораньше уходить с работы, чтобы старик не успел «припрячь» их к «сверхсменной» разгрузке стройматериала.

...В тот день работа на стройплощадке кипела: удары молотков и кувалд смешивались с рёвом самосвалов и тракторов, напоминая шум водопадов Алаша. Переговариваться можно было только криком. Самдар задержался у груды досок, меняя ремешок на узде. Над ним, выше, чем самые высокие лиственницы его родного Шыдаяка, рабочие возводили две мощные дымовые трубы. Самдар ежедневно наблюдал, как всё выше становятся эти две трубы, и у

него каждый раз дух захватывало, когда он запрокидывал голову: облака были будто привязаны к небу, и трубы толщиной в десять обхватов, на самом верху которых копошились крохотные люди, вдруг начинали двигаться, уплывать куда-то. Какую надо иметь смелость, чтобы работать на такой высоте — никак не мог уразуметь Самдар.

Он уже было стал завязывать новый ремешок, как с неба раздался душераздирающий крик: «Ма-а-а-ма-а-а!» Самдар взглянул вверх и обмер: на фоне голубого неба падал сорвавшийся с трубы человек! Еще не прервался крик, как он грохнулся на землю, и пыль взметнулась вверх. Те, кто работали рядом, на некоторое время оцепенели, и вдруг разом молча побежали к разбившемуся. И Самдар тоже. Оршээ! На земле лежал кудрявый русский паренёк, который когда-то подшучивал: «Дай порулить твоим авто...» Строители, бригадир, прораб окружили тело товарища. Кто работал на трубе — спустились с помощью лебедки. Откуда-то примчалась «скорая», медики с носилками побежали к телу.

Как жаль молодую погубленную жизнь! Приехать по комсомольской путевке издалека, из Тамбова, и лишиться жизни в юности... что за судьба, у него ведь здесь не то что родных, даже дальних родственников нет, — жалели тувинцы, покачивая головами. По словам напарника, у которого в руке, как ветка в воде, тряслась папироска, рабочие-высотники должны каждый день находиться на высоте, чтобы привыкнуть к ней. А этот парень работал внизу, и только перевелся к ним из-за хорошего заработка, где ж ему за неделю привыкнуть, — закружилась голова, вот и случилось несчастье.

Наутро Самдар сгрузил с телеги два мешка и позвал рослого прораба по прозвищу Тяжеловоз:

— У парня, который вчера погиб, было доброе сердце. Он приехал издалека, чтобы нам помочь. Человек, появившись на этот свет, сам не ведая того, устраивает родным два застолья: пир при рождении и поминки при уходе на тот свет. В этих мешках туша барана и канистра араки². Это на поминки погибшего парня, дарга³.

От слов Самдара, сказанных через переводчика, на жёлтом, угрюмом лице прораба как будто бы заиграли лучи солнца:

— Спасибо! Спасибо! Вы добрый человек, я все передам руководству.

Через несколько дней после этого русские строители стали упрашивать Самдара продать им «тувинское шампанское» — араку.

В один из вечеров, после работы, Самдар вел свою лошадь с телегой по обочине дороги в направлении вверх по течению Хемчика, а в телеге с громким хохотом шумели три русских парня и тувинец-толмач. У юрты возле густых зарослей караганника все слезли с телеги, а навстречу им вышла жена Самдара — Биче, с выдельваемой шкурой ягненка в руках.

— Ох! Товарищи, что ли? — спросила она на родном языке и попыталась поздороваться по-русски. — Здравсчичи!

Те, догадавшись, что это хозяйка, тоже поздоровались:

— Здравствуй, мать!

— Сюда! Сюда садись! — по-русски приглашал Самдар на почетное место озиравшихся русских парней, когда они переступили порог войлочной юрты. Те не знали, куда девать свои длинные ноги, но с помощью друга-толмача «приладили» их кто спереди, кто сзади на войлочном ковре.

— Чуть-чуть надо подождать, — Самдар перешел на родной язык и с облегчением оголил грудь от духоты. — Сначала сварим чай.

Гости, увидев его оголенное до пояса тело, точь-в-точь как при первой встрече с ним, широко раскрыли глаза цвета неба, видного через дымовое отверстие юрты. Спрятанное под рваной, душной одеждой тело Самдара было цвета бронзовой коры лиственничных досок; грудь была широкой, как сундук, возле сосков мышцы образовали квадрат, руки с перекатывающимися на предплечье мускулами были никак не меньше, чем у самого здорового из русских парней. Старик, присев, начал разжигать огонь, и круглые мускулы на плечах стали играть, как раздуваемые пузыри, а когда он ставил котел на железную печку и выливал в него воду из ведра, спинные мускулы выступили как гребень, хребтом. В мгновение ока он освободился от обуви, и босиком, в одних ватных штанах выбежал на улицу. Судя по шуму — колот дрова.

— Ну и дед! — пользуясь моментом, покачал головой самый низкорослый парень, который когда-то при первой встрече с Самдаром острил о валенках с отрезанными подошвами. — Какой мощный!

— Какой он тебе дед! Ему, может, ещё и пятидесяти нет, — вступил в разговор парень с девичьим лицом, когда-то заводивший разговор о ватных брюках без одной штанины. — Ты что, не замечал, как он легко справляется со своими досками? Я-то сразу заметил, что он двужильный. Пашет как бык!

— О чем они говорят, сынок? — поинтересовалась у парня-тувинца хозяйка юрты, моя посуду в ведре, кладя заварку и соль в чай.

— Восхищаются богатырским телосложением вашего мужа, — кратко пояснил тот.

— Он в молодости был самым удалым в округе! В то время, когда управлял сумоном⁴ на Алаше, постоянно побеждал или занимал призовые места в хуреше. Как схватит противника — и сразу оземь бросает. Я тогда была еще девчушкой, все переживала, как бы его не переборол. И кони его на скачках приходили первыми! — с гордостью вспомнила хозяйка, лицо которой будто помолодело.

Самдар занес дрова и со словами: «Сейчас, сейчас!» — снова выбежал. Русские парни, впервые перешагнувшие порог юрты, с интересом разглядывали жилище: его решетки, струганные жерди, деревянный обруч для жердей, гладили стеганый ковер из войлока, обдуваемые прохладным ветерком через приподнятый нижний край войлока сундуки, заглядывали под деревянную кровать; то распрямляя, то подгибая свои длинные ноги, расспрашивали без конца друга-толмача. А зачем нужен этот деревянный обруч с распорками на куполе юрты? А что, в юрте разве не бывает комнат, хотя бы перегородок для отдыха, для приготовления пищи? Зимой, наверное, в юрте не живут, это, наверное только летнее жилище? Да ты что, зимой тоже здесь живут?! А с восемью детьми — как можно здесь уместиться на ночь? Где берут питьевую воду? Из Хемчика? Так здесь расстояние целых два километра! Откуда пьет воду скот? Где туалет? Что... вся степь? Говорят, что дед — богач, почему не купит много юрт? Чтобы была юрта для кухни, для детей, для гостей, для спальни. А как покупают продукты, в магазин ходят? Ни одного продукта не покупают?.. Все свое? Неужели?

Парни, которым матери пели колыбельные в далеких краях, не переставали удивляться, что рядом существует совсем иной мир.

Вскоре перед парнями, не заметившими за разговором, как пролетело время, выставили диковинные блюда. Как есть сухую толченую пшеницу? Вязкое и желтое — это что? Продолговатое и завернутое в круги — это что? Чай с молоком, да еще с солью? Что брать ложкой, а что руками?

— Покажи, как надо кушать, — сказал Самдар парню-толмачу, а сам стал вынимать мясо из котла в корыто. Когда он пододвинул к парням целое корыто с дымившимся паром в нем мясом, те удивились:

— Этого нам троим хватило бы на полмесяца!

Русские гости очень осторожно пробовали невиданные кушанья, а хозяин юрты, достав из-под кровати зеленый эмалированный чайник, стал с шумом наливать что-то в пиалу. Вот оно, диковинное «тувинское шампанское»! Пьётся легко, как вода, а в желудке начинает щекотать, будто цыплята за пазухой, и охота смеяться. А горьковатый вкус — видимо, степень его крепости. По сравнению с русским самогоном — это просто кефир, бедные тувинцы думают, что у них очень крепкое спиртное.

— Хозяин! Как ты можешь жить посреди безводной степи? Завтра мы пригоним грузовую машину и переселим вас к Хемчику. И твоей семье, и скоту будет хорошо, можешь прямо из юрты ловить рыбу удочкой, — сказал один из парней.

— На нашей стройке много старых досок. Завтра же мы привезем их на дрова! — сказал второй.

— Я знаю, где лежит бесхозная чистая бочка водовоза. Возьмем машину, привезем бочку на лето и постоянно будем наполнять водой! — вскочил с места третий и, заикаясь, помахал толстым пальцем.

— А водителями команду я! Какой вопрос о воде, о дровах! Я сам без этих парней привезу, что хочешь. Я все могу! — поднял голос переводчик, до этого момента сидевший тихо, но теперь подбоченившийся, как хвастливый борец.

Самдар любое спиртное только раз отпивал, так поступил и сейчас. Шутками и прибаутками отвечал на несуразные вопросы парней, сам интересовался их родиной, родителями, и в конце концов похлопал по зеленому чайнику, в котором не осталось ни капли:

— Тувинское шампанское кончилось, парни! Завтра всем на работу, пора отдыхать. У меня в городе есть одно дело, поедем, —

и, выйдя из юрты, начал запрягать лошадь в телегу.

— Поох! Бедняги, как бы по пути из телеги не выпали! — забеспокоилась хозяйка за выпивших гостей и вручила каждому бутылку с кипяченым молоком.

Когда солнце, кипя и плавясь, выбилось из сил и теперь, скупясь разбрасывая лучи, в изнеможении закатилось за тайгу Оргу-Ыяш, Самдар, держа за поводья свою лошадь с телегой, направлялся вниз по течению Хемчика, а в телеге сидели, громко смеясь и разговаривая, трое русских парней и тувинец-толмач.

Назавтра после работы Самдар заехал в лес, а выехал оттуда с нагруженным на телегу горелым тальником. Возле юрты он увидел груды всяких досок и большую бочку с водой, в которой плескались дети, как воробьи в летнюю жару на лужайке. Из юрты вышла жена Биче с поварешкой в руке.

— Вчерашние гости приезжали на двух машинах, тебя не дождалась и уехали, — сообщила она.

— Я-то думал, что они болтают спьяну, а они хоть русские, да лучше тувинцев держат слово. Чем отплатила? — спросил Самдар, обходя вокруг и внимательно разглядывая доски, облепленные бетоном и с выступившими острыми гвоздями.

— Я предлагала скот, а они ни в какую, насилу всунула им в руки сливки и чоклек⁵ в стеклянной банке. А деньги-то у тебя же.

— Нельзя безвозмездно использовать человеческий труд. Завтра на работе заплачу сколько надо.

Глава четвёртая

Приближалась осень. Русские парни уже считали Самдара своим: не давали другим ехидничать, кормили его лошадь овсом, поили ее из ключа у Хемчика; в обеденное время один из парней отправлялся с лошадью на пилораму за досками, остальные приучили Самдара чаевничать в буфете. Он еду не брал, а сразу выстраивал три-четыре стакана чая с молоком на стол и на вопросительные взгляды парней отвечал: «Тувинец утоляет жажду только чаем с молоком. Не думайте, что дед жаден на деньги и живет впроголодь. У нас принято наесться, чтоб скрипели мышцы живота, только поздно вечером, когда вся работа сделана: когда скот ухожен и спит». Разговор шел всегда через переводчика, он

пил горячий чай — вернее, подобие настоящего тувинского чая, разбавленное молоком, сваренное городскими поварами — и с таким шумом его прихлебывал, словно рядом гудели перекаты Алаша.

Как-то утром, когда Самдар, встав по привычке еще до восхода солнца, разжигал огонь в железной печи, послышалась заунывная песня пролетавших над Кара-Дашем журавлей, и ему показалось, что кто-то тонкими пальцами заиграл на невидимых струнах, скрытых в его груди. Вдруг скиппула дверь за спиной и:

— Жизнь ваших детей

как Алаш чиста ли,

дорога ваших детей

как Улуг-Хем широка ли, свояк? — послышался знакомый голос. Это был свояк Сот, его слова всегда превращались в стихи. Он был озорным, как молодой, улыбался, сверкая белыми, как фарфор, крепкими зубами. Его своеобразное приветствие послышалось как продолжение только что услышанной мелодии с неба.

— Приветствие твое пророческое видимо, свояк. Река моя Алаш все чаще снится мне, а дети мои здоровы и добры, — ответил он в лад. Сот, как наполненный кожаный мешок, грузно шлепнулся на ширтек⁶, у ног спавших детей и, обернувшись на Биче, приподнявшуюся на кровати, выпалил:

— Жена к вам отправила. Сказала: «Отнеси заказ моей старшей сестры». Сестры родные и братья родные сидят — ладком говорят, безродный и одинокий — лишь горько вздыхает. Братья родные и сестры родные играючи все решат, лишь безродному и одинокому остается украдкой вздохнуть!

— Так что же я заказывала? Не упомню, — хозяйка юрты, привстав, села на краю кровати, у ней моментом пропал сон после мудрых слов зятя, ей послышалась давнишняя песня, спетая матерью, когда та пасла овец.

— Ваш ум, видимо, лиса съела. Огниво это, огниво — медвежья желчь. При недуге — лекарство, при болезни — минеральный источник...

— Да, вспомнила! Вот какой у меня зять заботливый.

— Весь я в услужении народу, а свет ранней звезды — помощь луне, бедный я — всем помогаю, как ранняя звезда помогает светом луне.

— Долго мы не виделись. Каково жить в городе, свояк? — Самдар, улыбаясь слогу свояка, засуетился, разогревая суп. Сот напустил на себя важность, даже уголки губ не дрогнули, но в глубине глаз сверкнула целая куча шуточных тирад. Его нетерпеливый язык в очередной раз выбросил своеобразное словосочетание:

— Жизнь в городе Кара-Даше такая ладная: есть хойтпак⁷, творожок соскребать; есть просо, можно калить; есть жена в постели; есть мясо, есть тесто для лепешек — здорово, свояк!

— Детей у вас куча мала, каждый год прибавляете. Я верну тебе стоимость огнива, — сказал Самдар и стал рыться в карманах выцветших ватных брюк.

— Ойт, ойт, свояк! Не надо мне никаких денег! Лишь бы вы здоровы были! — не на шутку заволновался Сот, как будто на него надвинулась большая беда.

— Нельзя добром разбрасываться. Кто крепко на ногах стоит, должен помогать тому, кого не выпускает нужда. Ладно, сегодня я мало в чем нуждаюсь, а завтра, может быть, ты со мной поделишься. Старики говорят: «Будет и завтрашний день!» — Самдар протянул свояку согнутую пополам красную банкноту.

Сот некоторое время не решался дотронуться до денег, потом махнул рукой:

— Ладно, свояк, пусть будет так! Когда деньги есть, все можешь: можно в воздух разбросать, выйдешь на улицу — женщинам раздашь!

Но в отместку воскликнул:

— Рабочее время подошло, наверное, который час-то? Почему свояк без часов живет? — и, сказав, сидел в ожидании. Самдар в таких случаях не признавал шуток и отвечал метко:

— Часы нужны засоням, свояк, чтоб не проспать начало рабочего дня. Я не нуждаюсь в часах, а если захочу, так я их знаешь сколько нацеплю! — и показал он рукой от запястья до плеч и от лодыжки до бедра.

Сот только теперь расхохотался. Сваяк Самдар все может! У его свояка в рваной одежде денег не меряно!

Когда хлебали подогретый суп, в голову Сота неведомо что взбрело:

— Говорят, что родничок на Эдеее⁸ легче выпить, чем чай сварить. На свидание на Даштыг-Тее легче сходить, чем семью

заводить. Когда перекочуете на свое родное стойбище? — этими словами он невольно задел зарубцевавшуюся было рану Самдара.

С того утра, как состоялся этот разговор, сердце Самдара, связанное со стройкой, стало тянуть в далекие синие скалистые горы с курумниками, на позабытые родительские стойбища. Как будто кто-то шептал ему, что его место, его счастливая тропа на этом белом свете именно там. В последнее время он и в юрте, и на работе слова людей стал пропускать мимо ушей и, всё хорошенько обдумав, в один из вечеров, когда уныло завывал осенний ветерок и все уже спали, он вытащил из-за жердей юрты козью лопатку, заклиная, положил ее на собранные в кучу у дверцы железной печи угли. Когда лопатка обуглилась, он снял ее и увидел на ней знаки радости и ремня подхвостника — неизбежность дальней дороги. Тогда он разбудил жену, чтобы рассказать о своих затаённых мыслях: строительство ТЭЦ завершается, помощи строителям уже не требуется, и человек должен проживать свою судьбу, заниматься тем, что он умеет делать лучше, чем другие.

Назавтра вечером на месте юрты Самдара лишь холодный ветерок Кудугуя⁹ подлетел, подкрадываясь, и, как будто развлекаясь, развеял в разные стороны мягкую, как пыль, золу на месте огня...

Глава пятая

Когда Самдар переехал на Алаш,¹⁰ родимая сторона была пуста: нигде не видно юрт, и скот по тропам своим не ходит, и лая собак не слышно. Народ перебрался в колхозы, перейдя на оседлый образ жизни. И родная сторона будто обрадовалась его черной юрте, снова показавшейся на стойбище Алаша. Даже голодные волки обходили стороной его скот, сами по себе охотились на диких зверей.

Зимнее стойбище он нашел сам много лет назад, после первого снега, когда скота у него было видимо-невидимо. Он поднялся на ровную площадку, заросшую короткой травой и окруженную со всех сторон скалами, присмотренную еще летом. На ней мог разместиться только один аал¹¹. Самдар снял шапку и стал прислушиваться, как человек, ищущий суягную овцематку. Как охотник, высматривающий диких козлов, он очень медленно повернулся в разные стороны, но не услышал даже дуновения

ветерка. Этот уступ на солнцепеке казался подходящим для зимнего стойбища. С северной стороны на скалах природа сама сотворила большую расщелину, места для хранения мягкой травы для молодняка лучше не найти. Чуть выше уступа, под гребнем, есть небольшая впадина, напоминающая перевернутую юрту, где пурга с Большой Кызыл-Тайги¹² превратила толщу снега в сугроб. Из него даже в начале апреля можно набрать снега и растопить. Только юрту при перекочевке наверх, да хворост с лиственниц снизу придется нести на закорках. Это не беда, это привычное дело для жителей высокогорного Алаша.

Когда на хребтах Алаша выпал первый тонкий снег, Самдар погнал через седловину на пастбище свой малочисленный скот. Он целый день проводил со скотом, не понимающим человеческой речи, и поэтому иногда затевал сам с собой спор, в котором иногда почти доходил до рукоприкладства, но чаще мирился и становился сам себе закадычным другом. Бывало, Самдар в сумерки пригонял свою отару, а жена Биче то растапливала снег на железной печке, то при свете лучины штопала обувки сыновей, то обучала их игре в бабки. А сам он при свете луны спускался в низину за хворостом, разрубал ветки, волок вьючный кожаный мешок со снегом в юрту и только после этого, разогревая кровь в жилах горячим чаем, при свете огня в печи вычитывал до единой буковки клочок старой газеты, случайно попавшей в аал, а когда снова выходил — ковш Большой Медведицы клонился в сторону и Плеяды были в зените. Он обходил двор, где не видно было ни забора, ни хлева, ни овчарни, и ложился подремать на полу юрты, на ширтеке, но сердце его бодрствовало, и если даже на улице его рыжий пес скулил во сне, сон будто рукой снимало. А когда Плеяды сдвигались всего на две пяди — он уже был на ногах, разжигал огонь, начинал толочь пшеницу в ступе. Одну ступу, две ступы толоч, а до утренней зари было еще далеко. Поменяв места привязи коня, растопит снег, сварит чай и, выпив его — снова на рассвете шагал со своей отарой. Когда его юрта перекочевывала на весеннее стойбище, одна её сторона, где в другое время сидели гости, превращалась в ясли для молодняка. Детишки не сидели без дела — ухаживали за ягнятами и козлятами, а мать напевала старинную мелодию овце, не подпускающей к себе своего детеныша, и овце казалось, будто к ней, Сарыг-Баштыг —

Желтоголовой, подбежали разом все ее ягнята и нежными губами касались ее раздутых сосков.

Самдар, выпасая овец, не садился на коня, а вел его под узды. На пастбище он щупал соски овец — часто приносил полный инчеек¹³ новорожденного молодняка. Начиналась радостная суэта. Маленькие ягнята и козлята, казалось, прибавляли сил, и от сплоченности детей закаленное от стужи лицо Самдара светлело, как в лунную ночь. А он сам был легок и проворен, как легкий ветерок родных мест, ночью сон даже не шел совсем. Когда он отдыхал — это было неведомо никому, знала разве только Биче, спавшая на его руке, как на подушке.

Черная юрта кочевала по родным горам вместе с временами года.

Год прошел, два, три — одинокая юрта слилась с природой. Годы пролетели, как клинья журавлей над хребтами Алаша и Большой Кызыл-Тайги. Скот Самдара, не разгибавшего спины, раскинулся как разноцветный альпийский ковер: красно-пестрые быки, ревя, бодались друг с другом; рядом с ними шли без конца и края коровы, телята их были в основном чалой масти. Огромные волы с рогами, напоминающие обручи юрты, в засушливое лето могли осушить горную речку, выпивая всю ее воду. С оранжевых скал, как шаловливые малыши, сбегали трусцой разномастные яки со своими телятами, хрюкая, словно свиньи и косясь на другой скот; жеребята рыжей и гнедой мастей резвились на хребте. Священные гривы табуна легонько касались ярких трав, и один среди них — жеребец по кличке Свирепый Гнедой, который не отдавал волкам ни одного жеребенка, как борец-хвостун по два-три раза обегал без причины вокруг табуна; подходившие вереницей к аалу овцы напоминали плывущие в небе летние облака; когда резвящиеся на синих скалах черные, желтые, пегие, серые козы сталкивались рогами, как в древности войска мечами, это было подобно гулкому шуму камнепада; мычание телят, бляение козлят и ягнят перекрывало шум пенившихся перекатов реки Алаш,

За все эти годы Самдар ни разу не отлучался от своего скота: когда даже шел затяжной, морозящий дождь или гремела гроза, даже промокнув до нитки, он ни разу не произнес «эчигей! — брр! как холодно!», а только искоса взглянув на Курбусту —

Небесных богов, глубоко вздыхал; когда на Алаше жара напоминала пламя в железной печи, а овод становился невыносим, он, поправив на голове свою зимнюю шапку, надел наизнанку рваную куртку из шкуры, лишь потуже затягивал пояс ватных брюк; когда завихрит таежная пурга, он, загнав скот в защищенную от ветра впадину, всю ночь ходил кругами, окрикивая его, а сам, побелевший от инея, напоминал снежного человека; как бы ни бесновалась природа, он не вздрагивал и не роптал, наоборот — буран и пурга, ливень и гроза, жара и холод удивительно окрыляли его, прибавляя сил. Но об этом Самдар никому не говорил.

Он загодя знал повадки и мысли каждого животного, денно и ночью неразлучного с ним, и поэтому в безлюдных местах разговаривал, советовался с ними, от души журил их, заботился и умилялся ими, а ночью, когда скот в загоне засыпал, он разговаривал с мириадами звезд во Вселенной. Очертания его черной юрты были нарисованы древностью. В старой, рваной куртке, в дырявых штанах, на одной ноге — резиновый сапог, на другой — кирзовый с дырявым носком, он днем брел за скотом, ночью охранял его покой.

Однажды уже женатый старший сын, приехав вместе с женой, радостно сообщил ему: «Отец, мы тебе купили и привезли новую одежду. Невестка твоя сама выбирала, померь». Самдар, еввший далган¹⁴, оставил чашку, бережно взял одежду и, как бы наставляя, сказал:

— То, что об отце беспокоишься, хорошо, сынок. Только счастье мое и моего скота — не в одежде. Даже в молодости, когда я управлял сумоном, не ходил нарядным. Запахом одежды, пахнувшей навозом и потом, скот наслаждается. Магазинная-то одежда пахнет дурно, скот сразу чувствует другой запах. Лучше детям одежду покупайте.

Самдар каждый весной, запрягшись в телегу, с весенней стоянки гнал коз и овец, четверо суток спускался к чию в верховья Кудугуя, а по пути его скот плодился. Родившийся молодняк он загружал на телегу, а скот на три-четыре дня загонял на солончак и обратно переваливал на Алаш. Родившийся по пути молодняк теперь сам уже бежал за скотом. Вскоре численность его мелкого скота перевалила за тысячу, а крупного — за полторы сотни.

Но всё чаще Самдар задумывался: почему стали запрещать разводить скот — корень жизни тувинца? «Э, если хотят изменить образ мыслей человека, достаточно запретить заниматься тем делом, которое тебе передано по наследству, по крови».

Перевод Игоря Принцева.

Вячеслав БУЗЫКАЕВ

УЗНИК ГУЛАГА

«Бабушка. Опять ты. Зачем пришла?»

«Молись Богу, унучек, и он тебя избавит от бед».

«Крестика нет. Того, что ты дала на прощанье, потерял где-то. Как молиться-то?»

«Про себя молись. В уме молись: «Прости мя, Господи, за грехи мои». И Он тебя не оставит...»

— Отходит бормотун-то. Что будем с ним делать?

— А на мороз вынесем, быстрее окончится.

Двое уголовников — бригадир и его помощник — берут за ноги зека и тащат по мерзлому полу, будто куль с картошкой. Через широко распахнутые дверцы выволакивают беднягу наружу, с размаху бросают в наметенный недавней пургой сугроб. Торопливо возвращаются назад, к теплому боку «буржуйки», напрочь вычеркнув из списка живых обреченного.

«Бабушка, опять ты? Холодно мне».

«Молись, унучек».

«Согрей меня».

«Согрею».

Жаркое дыхание касается лица зека. Не бабушкино, знакомое с детства, такое родное и теплое, а чужое, зловонное. Не отдышаться, и зек устало трясет головой, медленно приходит в себя. Рядом возится что-то большое, темное, страшное. Медведь! Выгнал его из берлоги шум большой стройки, рядом с ней пролегла новая дорога. Потрявоженный, голодный, он днем прятался в кедровом стланике, а ночью вышел на охоту. Людоедствовать. Пировать на трупах замерзших зеков. Обессиленные от постоянного недоедания и неподъемной работы, приговоренные к «сыхому расстрелу» (непрерывный труд на лесоповале до полного

изнеможения), они замертво падали в снег. Такие же обреченные чуточку оттаскивали их в сторону, слегка присыпали снегом. Колымская трасса продвигалась все далее и далее на север на людских костях.

Зек мысленно перекрестил лоб, уже смирившись с тем, что наконец-то отмучается. И лишь сторонняя мысль, что не похристиански это — быть съеденным зверем до погоста — лишь она одна заставила его собрать последние силы, перевернуться на живот и медленно поползти туда, откуда недавно вышвырнули. Зверь ухватил его за ногу и сильно рванул к себе. В тот же миг тишину нарушил хлопок, и медведь с глухим рычанием тяжело свалился на зека, вдавил его в сугроб.

Из барака выбежали люди, оценив ситуацию, тут же принялись свежевать медведя. Вертухай, уложивший метким выстрелом шатуна, сложил губы в брезгливой усмешке и подался в свою будку.

Кто-то из сердлбольных подхватил обреченного подмышки и затащил в барак. От неожиданно свалившегося ночного пиршества чуточку досталось и доходяге, едва не ставшему жертвой зверя. Впрочем, мало ли таких случаев было в последнее время: вокруг развелось немало шатунов; раз отведавши человечины, они уже более не отказывали себе в этом удовольствии.

А лагерному начальству было наплевать на то, вооруженное, оно могло постоять за себя. А то, что шатун кого-то из заключенных схарчил, так какая разница, от чего он сгинул: сам по себе или от кровожадного зверя? Мало ли зеков похоронила под собой колымская трасса? И еще немало похоронит. Вот их сколько, врагов народа, идут этапами с материка тьма-тьмущая! Ну да ничего, у Колымы жернова отменные, не один этап перемелют...

За ночь зек окреп настолько, что на утреннюю перекличку смог без посторонней помощи подняться с земляного пола. Все же его сильно пошатывало, до места работы целых три версты — он вряд бы дошел. Спасение пришло в лице начальника санчасти. Проходя вдоль шеренги зеков, он ткнул пальцем в троих из них. Надо же было кем-то **заполнить** полупустую палату, тем более что высокое начальство **грозило**ся на днях **поретить** их «точку».

Ну, а эти доходяги ни у кого из проверяющих не вызовут подозрений в симулянстве. Какое уж тут симулянство, коли с них, с живых, кожа слазит.

... Второй год идет война, много золота надо стране. По обе стороны колымской трассы выросли прииски. Подлатали малость зеков и общим конвоем отправили на прииск «Партизан» — добывать стране золото. Первухин попал в бригаду штрафников, не выполнявших дневной нормы на отгрузке агробарок — кубовых вагонеток. Саботажники! Пятнадцать часов работы без передыху, остальное время суток — в изоляторе. Изолятор сложен из жердей, нары в нем тоже из жердей, а на улице мороз за минус пятьдесят. Люди ложились на нары вповалку, остатками тепла старались согреть друг друга. И хотя все в бригаде знали, что из этого изолятора никто живой не вернется, все же смертельная усталость валила зеков с ног. Многие после такой ночевки уже не просыпались.

Первухин не спал. По всей ночи прыгал, стараясь согреться. Приляжет на сколько-то минут и снова — кто его шилом в бок — соскакивает с нар, прыгает по мерзлой земле. Видно, бабушкина молитва охраняла его, заставляла каждой клеточкой изношенного тела цепляться за жизнь. И он выжил всем смертям назло. Когда на третьи сутки начальство в сопровождении стрелков переступило порог изолятора, из всей бригады навстречу ему поднялся с нар лишь один штрафник.

— Ты гляди, живой! — удивился начприиска Наумов и грязно выругался. — Как фамилия?

— Пе... пе... певухи, — едва пошевелил губами зек.

— Певухи, так Певухи. В стационар его! — приказал он свите.

Второй раз смерть обошла Первухина. Начальник прииска, едва зек оклемался, вызвал его до себя:

— Ну что, герой? Жив? Благодарю Бога. Освободилось тут одно тепленькое место для тебя. С конями имел дело? Хорошо. Дадим тебе коня с бочками под солярку.

Ничего себе — тепленькое место! Три бочки на санях и ездок верхом на них: на раскатах разойдутся сани, встанут боком — и ездок, и бочки в сугроб! Вылезай, коли жив, отряхивайся от снега в купе с соляркой, грузи бочки обратно. А каждая по 200 литров,

хорошо еще, если далеко от дороги не укатились. Порой до темноты провозишься с ними, пока уложишь на сани. С ног до головы в солярке — поднеси огонек, и вспыхнешь живым факелом! Вонница от зека за версту, дневальному приказано «чумазого» в общий барак не пускать, пускай-де ночует, где хочет. Одно место оставалось — в конюшне, пристроится зек к лошадиному боку, так и проведет ночь, выстукивая зубами звонкую дробь, да и зубов-то осталось меньше половины. Лезут в голову навязчивые воспоминания, картина за картиной предстают перед мысленным взором зека.

Вот он, семилетний пацан, везет в город Бийск на маслозавод... молочные фляги. Рыжка, лениво помахивая хвостом, едва переступает ногами. И прут не помогает юному ездоку, весь измочалит его о лошадиные бока, но мерин так и не прибавит шагу; а то и вовсе станет: не нравится, мол, вези сам. Парнишка — в слезы, проплачется, возьмет за недоуздок упрянца и таким манером — шаг за шагом — дотянет воз до маслозавода.

А вот Леньке десять лет отроду, ему впервые доверяют литовку, ...он, промучившись первые три дня, наконец-то приноравливается к косьбе, все ровнее и ровнее кладет валок, все чаще оставляет за собой стерню. Дед Кузьма удовлетворенно хмыкает в бороду, вот и вся его похвальба. Бабушка Маня тяжело вздыхает, глядя на то, как управляется любимец, но и перечить деду не может. Да и как перечить: почитай, все пацанье в их Березовке так же ухайдакивается в покосную пору. Кузьма Кузьмич за трапезой в полуденный час строго говорит: «Мне-то годков меньше было твоих, Ленька, а ништо, справлялся с литовкой не хуже батьки». Бабушка при этих его словах лишь вздыхает, украдкой гладит вихрастую голову внука, норовит сунуть ему в ладонь сладкую коврижку.

Коллективизация! Дед Кузьма заупрямился вступить в колхоз, и его вместе со всем семейством и такими же упрямцами со всей округи погрузили на подводы, на пристани пересадили в баржу и отправили вниз по реке Томь. По пути нацепляли к пароходишке еще с десятков подобных барж. На далеком от родного Алтая таежном берегу сгрузили «кулацкое отродье» — на сто верст вокруг ни единого жилого места. Ложись и помирай!

Привыкшие к тяжкому труду, люди, однако, взялись валить лес, корчевать пни, устраивать временное жилье. Едва зарылись, как кроты, в землю, наступила зима. С голоду померли бы в тех краях, кабы не оленные люди, наткнувшиеся на те землянки. Отощавшие новоземельцы мигом расправились с их провизией. Но и потом оленеводы нет-нет да навещали бедолаг, делились с ними олениной. Так и прошла та бесхлебная первая зима — на грани голодной смерти. Баба Маня от себя отрывала последний кусок для «унучика», тринадцатого по счету в их большом семействе. К лету многих не досчитались, померли братец Ванька, сестрица Маня, дедушка Кузя, отец Иван. Не обошла «косая» и другие семейства.

В 1932 году власти отпустили на Алтай помирать стариков. Бабу Маню, 92 года от роду, взялся сопровождать на родину внук, да так и остался там. Пять лет никто и не вспоминал о нем, а на шестой год власти спохватились, а где же тот малец-то? «Мальцу» уже девятнадцатый год. Арест, каталажка, скорый суд, и вот «враг народа» уже следует этапом на Колыму.

«Колыма ты, Колыма, — чудная планета. Двенадцать месяцев зима, остальное — лето».

... Пришло к зеку Первухину лето освобождения 1944 года. От звонка до звонка отбыл он свой семилетний срок. На материк бы, на родной Алтай, да на какие шиши — за душой ни гроша. И пошел Леонид взрывником на рудник имени Матросова, что на золотой Теньке. Работа не тяжелая, но опасная. Бригадир не уставал ежесменно повторять: «Взрывник и минер ошибаются только раз», — вот и весь инструктаж по технике безопасности.

Поправился бывший зек на вольных хлебах, поднакопил малость денегат и отправился в обратный путь: до Магадана на полутках, далее — на морской посудине, которая вся трещала и от хорошего шторма вполне могла развалиться по швам; ну, а от порта Находка — поездом «Пятьсот-веселым», как прозвали его сами же бывшие зеки.

Из Бийска до Березовки за 150 верст ни машин, ни подвод, и пошел ранним утром Леонид Иванович пешочком. Две ночи пути провел в знакомых селах и уже к вечеру третьего дня ступил за поскотину родного села. Баба Маня, подслеповато щуря глаза,

разглядела все же, кто к ней пожаловал, горестно всплеснула руками: «Дождалася родного унучика! Таперича можно и на погост».

«Погодь, баба Маня, поживи еще. Век тебе благодарен – молитвы твои спасли на клятой Колыме».

«Погожу, родной, погожу. Потерплю не то неделку каку!»

И ведь как в воду глядела старая: ровно через неделю представилась. В возрасте 107 лет. Горестно утер одинокую слезу бывший зек над свежим холмиком под староверским крестом.

«Мертвое – мертвым, живое – живым». Вскоре обзавелся Леонид Иванович семьей, стал жить-поживать с песенной молодухой Луизой Степановной.

Напевал свои песни и Первухин, только в отличие от жениных были они какие-то горестно-нескладные: «Мы сколько ни бились, в рай Божий свалились, меня одного в ад ведут. А Север сияет, по трупам шагает, и звонко морозы поют...»

Владимир КАҢ-ООЛ

СТРОИТЕЛЬ (глава из повести)

Сереет небо в сеточке дождя,
Не видно гор, но знаю, там они.
Стоят вершины, звездами дрожа,
В снегах столетий ловят эти дни.

А может, дни соткнутся в полотно
Безверья, веры, прошлых лет, крови?
Стучу я сердцем в каждое окно,
Чтобы о жизни пели соловьи.

Они в лесах забытого села,
Где в избах жить учились на века.
Слезами снилась ночью и звала
В грибных туманах теплая река.

Где все имел, подобно королю,
Богатой звездами и тьмой страны,
И вот для малой родины молю:
«О боже мой, спаси и сохрани!»

Не надо, боже, «сильного» вождя,
А тех, кто просит, в шею их, гони!
Сереет небо в сеточках дождя.
Не видно гор, но знаю, там они.

Моя Родина, моя деревня, в которой я родился и вырос... такая далекая... Строительный институт, в котором я учил статистику сооружений, сопромат, учился проектировать... Столько лет прошло... кем я только не был: мастером, прорабом, директором — строил и строил. Создавал ту основу для бытия, которая выростала из кочевых степей. Домики, школы, дома культуры, комбинаты, целые деревни, целые города...

Почему оказалось утопией то, во что мы верили, то, во что мы вложили свои жизни? И готовы были отдать без остатка себя? И, только по прохождении лет, я начал понимать, что плана нет, что были одни благие пожелания. Расчетов для строительства нет, теории упругости и пластичности для жизни никто не создал, а жизнь, как ухмылки недоброжелателей, скользит мимо нас, глупых, голосующих за негодяев, вершителей демократии. Как они нас обманывают, чтобы получить кусок пирога, от которого нормального человека стошнит. Сколько желающих поуправлять нами! Живой обезьянник.

Как же тревожат:
Голые ветви,
Старая лошадь —
Осени сети.
Осени горькой
Кудри седые
Свистнет осокой
Ветер блудливый,
Стреплет с осины

Листик последний...
Дайте ж мне силы
Молнии летней!
Молнии с громом,
С запахом хлеба —
В мире огромном
Зябну, как верба.

В мире огромном зябну, как верба, мне так хочется сказать, что рождаемся мы голыми и почти голыми уйдем в мир иной. И много ль заработаем? Смешно... В могиле считать деньги и нести за собой козлиную шкуру. Перед господом создателем. И ту капусту, которую мы не доели, капусту мелкого недалекого человека, променявшего такую красивую, единственную возможность стать человеком, полубогом... и капусту. Зеленую... Весь мир горит на этой зелени. Не надо пропускать во власть любителей этой зелени, а они сплошь и рядом рогами бьются сквозь совесть, готовы стоять на вытяжку. Создать что-либо другое мы еще не умеем, не родились еще дети совести, дети иммунитета. А большое общество еще не способно к такому деторождению. Хотя признаки есть, они обозначились.

Над людского глушью
Из замшелых крон,
Вниз сойдутся души
С четырех сторон.
Там твоей деревни,
Пашни полоса,
Песни звонниц древних —
Хрупки голоса.

Как бы их услышать —
Даль и чистый звон?..
Голубая крыша...
В ней висит мой стон.
То не купол неба —

Память всех времен.
О дожде и хлебе
Там мольба племен.

Пусть гремят там грозы
Над судьбиной гнезд,
Не застынут слезы
Капельками звезд...
Над людскою глушью...

Над людскою глушью... вспоминаю, что было, когда были совпарткомы. Этот поиск коммунизма был бы очень интересен, если бы коммунистическое всевластие не задавило в корне зародыши «плановости» народного хозяйства в угоду партийности. Хотя дело было не в партии, а в отдельных субъектах. Ах, эти субъекты. Примазавшиеся к здоровому телу... их было столько, что и смешно, и грустно. Идея была светлая...

Ну, так на светлых идеях, без расчета, можно смело шагать только в ад. Благими намерениями...

И вся наша коммунистическая пропаганда выродилась в перед юниорства. И лагеря, лагеря... от пионерских до Гулага. От миллиардеров до сидельца в иркутской тюрьме, а механизмов защиты общества от саморазрушения нет. Продажность депутатов и политиков так далеко зашла, что «коррупционер» — обиходное слово, ни пройти, ни проехать. Мечта придурка — полосатая палочка. Даже сословие железных большевиков проржавело, а нам нужен сопромат. Такой расчет, чтобы приостановить саморазрушение общества. Способности к самоизлечению, предотвращению заболевания. Дети индиго... что будет?.. Вырастим ли мы в мечту? О светлом обществе полубогов, способных жить любовью, способных жить в пятом измерении. Во глубине добра и зла найти выход и равновесие божеского и человеческого. Сумеет ли гражданское общество самовосстановиться, сможет ли самоочиститься. И Путин, и Медведев способны на это. Нам нравятся и Медведев, и особенно Путин. Ни при чем здесь системы, ни капитализм, ни коммунизм. Нам хорошо между системами. Принимаешь ли ты себя таким, какой ты есть? Да, хотя с этим очень трудно согласиться. На твоих глазах разрушилось то, во

что ты верил, что казалось незыблемым. Жизнь перемалывала все. Железобетонные дома, проект которых ты заказывал в Сибниизпе. Сколько труда было вложено проектировщиками, строителями в этот экспериментальный проект, чтобы довести его до жизни. Переиначили, а потом вообще развалили комбинат. Строители коммунизма переродились, превратились в изгоев новой системы. Пошли «пирамиды»...

Но будущее требует еще большего строительства и иного качества. Обновление жизни идет через строительство. Помню старый музей, где часами ходил и удивлялся его экспонатам. Великолепные экспонаты из запасников выставились только на десять процентов, помещение старое деревянное. Не дай бог, случится пожар, и все эти веками накопленные ценности кочевого народа сгорели бы вмиг. Сколько пробивал строительство нового музея и сколь долго проектировали, а потом и строили...

Музей стоит, а комбинаты пропали, растворились в зыбучих песках равнодушия. Что Тувакобальт, что домостроительный... А стояли, выдавали продукцию на многие миллионы рублей. А к руководству пришел директор совхоза. Ему было плевать на народ и его хозяйство, ему нужны были миллионы, которые не успел он собрать с народа. Из-за обмана, в котором поднаторел, играл в вождизм и... прогорел. Но не синим пламенем. Это еще предстоит.

Директора совхозов... Сколько в этих двух словах лукавства?.. Сколько способности! Это целая глава, в которой за этим тянется сколько родственников, тещ, зятьев... Ужас! Сколько лукавства там, можно ставить целые пьесы, трагедии, комедии. Это наша действительность. Разве это опишешь? Так что оставляем директоров совхозов в покое.. целое сословие мелких вороватых, жуликоватых вершителей судеб людских. Все наше коммунистическое сословие из двадцатипяти тысячников да секретарей выродилось в сословие приспособленцев — мух на навозе. Пустые магазины и мужик на танке, расстрелявший Верховный Совет.

И мы шагнули в демократию. В магазинах все есть, но проклятый кризис тут как тут. Началось общее гниение. Теперь мы всем миром живем в обществе потребительства и самоедства. Землетрясение на Ганти, в Чили; цунами; проигрыш на Олимпиаде в Канаде — и жирные рожи, не признающие ничего. И усталая от нас, от всех планета.

Холод. Январская стужа.
Выстрелит лед вдалеке.
Грезятся теплые лужи,
Радуги отсвет в реке.
Ты не согреешь глазами
Нити промерзшей души.
Может, к весне они сами
Выйдут из этой глуши?
Свиться бы нитям в канаты,
Крепкими стать на разрыв,
Чтобы с утра до заката
Петь, как весенний арык.
Только не свиться им, тонким,
Нежным, как родины дым...
Буду горячим и звонким —
Нет же, не стать мне другим.

Будь всегда самим собой, не становись исполнителем чужой воли, а жизнь учит тебя автоматизму исполнения своих обязанностей, иначе не охватишь всего, что окружает тебя. В этом и есть чужая воля, ты просто не поймешь, что тебя используют вслепую. Начиная со школы, в тебе вырабатывают исполнительскую дисциплину, иначе ты не выполнишь то во что ты предназначен включиться, осознаешь ты это или не осознаешь. По большому счету, в демократические выборы, в игры больших дядей. А когда сам станешь дядей, это в тебя так всосется, что ты даже не будешь иметь представления о том, что ты полубог, а превратился в самого заурядного исполнителя чужой воли. И не бог в тебе сидит, а демократ, живущий в своей «свободе» и готовый перегрызть горло любому за свою «свободу».

Тонет февральская ночь.
Что за тревога во мне?
Должен кому-то помочь,
Должен спешить, как во сне.
В горле срывается крик
В вязкую тишь, как в тоннель,

И, зарядившись на риск,
Я попаду на панель.
Вновь принимаю удар —
Пишет начетчик письмо,
Нервный чиновный угар,
Черный, как угольный смог.
Стисни зубами, держи
Душу свою, эту нить
В спелом ты колосе ржи
Будешь рождаться и жить.
Тонет февральская ночь,
Что за тревога во мне?
Должен себе я помочь.
Должен спешить, как во сне.

Свобода... от кого? Или от чего? От самого себя или от бога?
Если от бога, то на кого свалишь потом все свои беды? А так все
от бога... Я-то ведь молился, а он даже не помог! Удобно... Веками
привитое послушание. А бог ведь создал тебя не для тупости, а
для развития. Он дал тебе такой сложнейший аппарат для того,
чтобы ты развивался, становился по образу и подобно полубогом.
А церковное послушание — для церкви, только для церкви.
Использование тебя вслепую. Чтобы ты служил: сеял хлеб, растил
детей, служил пушечным мясом, служил Родине.

Я, как загнанная лошадь,
Жизнь, пристрели меня!...
Стынут жилы... снег, пороша
Похоронную звонят.

Я от святости и тлена
Амулет храню (брелок)
Мне не вырваться из плена
Дальних и древних тревог.

Пусть судьбою загнан в угол,
Давит груз надежд на нас,

Раскаляй в горниле уголь,
Мать-земля, роди алмаз!

Годы б скинуть, лет на десять —
Не поймать вам стремени...
Усмехнулся криво месяц
На уздечке времени.

Утопая в ласке лета,
У косых дождей, да в зной,
В алых ниточках рассвета
Вспыхну радугой резной.

А душа стонет, она болеет. И почему она такая, слепая? Почему ее так воспитали? Почему она, получая высшее образование, изучив высшую математику, сопромат, не умеет сопротивляться? Видимо, так нас учили... Неспособными осмыслить простые, элементарные вещи. Запутывали. Готовили к серой, плоской жизни послушника. А свобода объемна, трехмерна. Свобода души в четвертом и пятом измерении. Глубина космическая. Во глубине добра и зла. И порой так хочется понять, осмыслить. Почему так много зла? Почему самых элементарных вещей мироустройства мы не понимаем? Предпочитаем пройти мимо. А социум тычет нас носом — нет концепции! Есть только благие пожелания. Нет плана построения общества благоденствия. Хотя только у бога есть план. Мы это знаем. А мы накрепко привязали себя к материальному миру и, отдалившись от себя, от своего внутреннего бога, забываем нашу двоякую сущность, забываем, что мы — душа. И главное душа, а не тело. Крутимся в этой сансаре, притягиваем всякие болезни, зарабатываем карму, создаем сами себе ад. И, отягощенные всей этой грязью, не можем раствориться в чистом духе создателя и раз за разом возвращаемся к жизни на земле, терпим несметные страдания, так ничему и не научившись, и в конце концов теряем свою бессмертную душу, растворившись в черной материи. Ведет нас к деньгам, привязанность к ним, рабская привязанность. Деньги сами по себе нужны, но надо уйти от привязанности к ним. И тогда сия чаша нас минует и не раствориться нам в черной материи, а быть светом божьим — бессмертной душой.

ТЕПЛО ЗЕМЛИ

Снега, снега
Мой теплый дом —
Земли горячая ладонь.
Над проводами тонкий звон —
Пульсирует земной огонь:
Тепло твое и нежный свет
Струится белым молоком,
И материнский твой завет,
Души неписанный закон,
В сплетенье дней тая узор,
Над прелью хвои и листвы,
Звездой висит над цепью гор,
Пока о нем поют клесты,
Пока продрогшая сосна
Хранит тепло для семени,
В снегах рождается весна,
И ждет во льдах до времени.

Идет весна, время любви и надежд. Мы надеемся на лучшую жизнь, а не на депутатов, у которых совсем другие интересы, другая психология. Их к этому толкает система, несовершенство которой мы на своей шкуре чувствуем. Знаем, что надо менять эту систему.

Дозур-оол ТИНМЕЙ, к.э.н., профессор
ТГУ, член СЖ РФ, член СП РТ.

МААДЫ ЛОПСАН-ОСУР

История - это изначально рассказ о прошедшем, об узнанном. Переиначивание, перелицовка ее в угоду какой-то концепции или конкретным лицам - занятие неблагодарное и предосудительное. Сознательное умолчание исторических фактов имеет такое же значение.

Из этих соображений я хотел бы рассказать о Маады Лопсан-Осуре -

чагырыкчы Маады сумона, который был избран в августе 1921 года на Учредительном Хурале **Заместителем Председателя** Центрального Совета Правительства ТНР, назначен в начале 1922 года **Председателем Совета Министров ТНР**, избран на I съезде ТНРП 1 марта 1922 года **Председателем ее ЦК**.

Факты эти ранее, правда, в узком кругу, были известны, для общества же и истории они оказались табуированными.

В жизни и деятельности этой незаурядной личности все таинственно и загадочно.

Летом 2001 года, когда в республике широко отмечали её 80-летие, я опубликовал в газетах «Тувинская правда» и «Шын» довольно основательные статьи о Маады Лопсан-Осуре, которые нашли в обществе понимание и поддержку.

Народный писатель Тувы, доктор исторических наук, обладатель почетного звания «Живое сокровище мира» М.Б.Кенин-Лопсан в своем романе-эссе «Буян-Бадыргы», не в пример историкам – бывшим коммунистам, подробно и объективно рассказал о Лопсан-Осуре (стр.455-456 и в т.д.), характеризуя его как крупного деятеля, личность прогрессивную. А в двухтомной «Истории Тувы» (Москва, 1964г.) его имя упоминается лишь 2 раза: на стр.94 второго тома сказано в скобках, что в феврале 1922 года «председателем Совета Министров был назначен бывший чагырыкчы Маады сумона Лопсан-Осур» (забыли, что на Всетувинском Учредительном хурале 13-16 августа 1921 года он был избран Заместителем Председателя Правительства ТНР), на стр.107 о том, что 10 июля 1923 года исключен из рядов ТНРП «махровый контрреволюционер» Лопсан-Осур. В «Очерках истории Тувинской организации КПСС» (Кызыл, 1975г.) не удосужились даже назвать имя своего первого генсека, ограничившись общими рассуждениями-домыслами. Конечно, так не годится.

В новой редакции тома II Истории Тувы (Новосибирск, 2007 г.) имя Маады Лопсан-Осура упоминается 6 раз, везде в положительном ракурсе. На стр.318 читатель увидит его фото и прочитает следующие 3 предложения: «На I съезде ТНРП (22 февраля – 1 марта 1922 г.) в Туране Центральный Совет преобразовали в Совет Министров. Одним из четырех министров

в его составе стало и Министерство иностранных дел. Избранный Председателем влиятельный чиновник Маады сумона Лопсан-Осур назначен одновременно министром иностранных дел. Менее чем через полгода его сменил на этом посту нойон Салчакского кожууна Идам-Сюрюн». Ярлык «махровый контрреволюционер» и другие негативные оценки деятельности Маады Лопсан-Осура сняты, не упоминаются.

Загадочное происхождение

Автобиографических данных о Маады Лопсан-Осуре обнаружить мне тогда не удалось. В указанной публикации я высказал свою догадку о том, что он родился и жил до 20-22 лет где-то на западе Тувы, исходя из трех позиций. Во-первых, известно, что он в молодости получил в Тибете духовное буддийское образование, был большой лама, хорошо владел монгольским и тибетским языками, что было доступно в основном представителям западных хошунов, а в Пий-Хеме практически хурээ-то не было. Русским языком он овладел, видимо, уже в Пий-Хеме. Во-вторых, близких родственников Лопсан-Осура и тогда, и позже не объявлялось. Сын Шыванак-Кок был одним из первых двух учеников-тувинцев в Туранской русской школе, пришедших учиться в 1908 году. Школьный журнал 1912 года с его фамилией обнаружила позже Заслуженная учительница РСФСР, многолетний директор туранской школы № 2 Селина М.В. Возможно, думал я, и жена Лопсан-Осура прибыла в Пий-Хем вместе с ним. В-третьих, фамилия Маады, по всей вероятности, у них не родная. Иначе обязательно были бы известны их родичи из маады как по его, так и по его жены линиям.

Однако, услышав в 2001 году сведения от журналистов Биче-оола Маады и Сандро Маады, поэта Болата Маады, я несколько усомнился в своей версии. Биче-оол Маады встречался в 1994 году с кухаркой Иннокентия Сафьянова в его мараловодческом хозяйстве на Хуте, с 94-летней Торулбаа Маады, которая сказала, что Маады Лопсан-Осур родился в местечке Билелиг, которое находится между Тураном и Хутом, она часто видела Лопсан-Осура у ее хозяина, иногда с тоджинским нойоном Тонмит. Можно предположить, что Лопсан-Осур первоначальное духовное

образование получил в хурээ Тоджи, откуда пролег его путь в далекий Тибет.

О том, что Лопсан-Осур родом из Билелига, подтвердил Сандро Маады, которому при встрече в апреле 1998 года об этом сказал ученик Лопсан-Осура Бай-Кара Далай-Серен Самданович (Серенов Далай Самданович). Интересна судьба этого человека. В 1927 году его вместе с Бай-Кара Санчаем, который впоследствии стал зятем Сата Чурмит-Дажы, отправили в Улан-Батор со слитком золота в мешочке в качестве платы за обучение. Проучились они там 2 года. После Далай-Серен работал писарем в военном министерстве, политруком в армии, секретарем в тувинском посольстве в Москве, секретарем ЦК ТРСМ, заведующим отделом кадров ЦК ТНРП. В 1938 году, когда учился в КУТВ в Москве, был отозван и репрессирован, много лет был в заключении, умер в августе 1998 года в возрасте 90 лет.

Поэт Болат Маады поведал о том, что его дед Даадыр Чотчу из рода Маады в 80-х годах 19 века получил высшее духовное образование в Тибете (возможно, вместе с Лопсан-Осуром), несколько лет работал в Улан-Баторе, вернувшись на родину, общался с будущим автором книг «Чингис-Хан», «Бату-Хан», «К последнему морю» Василием Янчевецким, рассказывал ему о Монголии, Чингис-Хаане, умер в начале прошлого века.

А на стр.77. Книги «Лучшие люди Тувы XX века» сказано: «Видный государственный и политический деятель ТНР Маады Лопсан – Осур родился в 1876 году в местечке Билелиг Пий-Хемского кожууна в семье мелкого чиновника. От рождения спокойный, умный, добрый, простой и исключительно трудолюбивый Лопсан –Осур с юных лет свободно владел русским языком.

Первоначальное образование он получил в Тоджинском хурээ, затем высшее духовное – в одном из тибетских монастырей, где выучил монгольский и тибетский языки».

Что касается родни Лопсан – Осура, мне представляется, что родственники, как было в ряде аналогичных случаев, отвернулись от него, когда его ославили как контрреволюционера и репрессировали. Старики, видимо, не говорили детям о своем родстве с Лопсан-Осуром.

Похожая история была и с моим дедом по отцу, который еще в конце XIX века появился в Пий-Хеме, скорее всего, из Хемчика и

обосновался в нашем роду Маады. Умер он в 1936 году, так и не познакомив жену и 10 детей со своей родней. А встретился я с ним в июле 2001 года, работая в материалах госархива, в списке 1923 года 319-ти первых партийцев Маады кожууна. Маады Сумбаа 46 лет в республиканском списке значится под № 2469, а всего членов ТНРП тогда было 2651 человек.

Лопсан-Осур прослыл человеком образованным, мудрым, еще в молодые годы стал чагырыкчы (правителем) Маады сумона. Он близко знался с Иннокентием Сафьяновым, который в то время вел активную торговую деятельность в сумоне, разводил маралов в местечке Хут, являлся человеком передовых воззрений.

А юрта Лопсан-Осура стояла круглый год в местечке Кудук (Колодец) у подножия горы Кудургун недалеко от г.Турана. Когда Лопсан-Осур стал большим даргой, местечко в народе нарекли Нойон-Кудуком. Там он открыл артезианский источник и отрыл незамерзающий ручеек. Такие же источники он открыл в Шивилиге и местечке Суглуг-Оо, что в северном углу Долины царей недалеко от с.Аржаана и пещеры, в котором Лопсан - Осур прожил более 7 лет, о чем расскажу ниже. Кстати, на источнике в Суглуг-Оо совхозные умники в 60-х годах хотели устроить водоем, сунулись туда с бульдозером, и вода пропала.

Трижды дарга

До народной революции 1921 года Лопсан-Осур был правителем Маады сумона. А с какого времени, неизвестно. Очевидцы давно отошли в лучший мир.

Можно полагать, что Лопсан-Осур пытался преобразовать Маады сумон в хошун. А дело это было непростое. В архиве сохранилось письмо, относящееся к 1919 году, амбын-нойона, правителя Тувы Соднам-Балчыра правителю Оюннарского сумона бейси Ажыккаю и Даа ламе Балдару об отказе в преобразовании Оюннарского сумона в хошун, мотивируя тем, что в этом проявляются сепаратистские устремления некоторых чиновников в связи с создавшимися сложными условиями времени (ф. 1. оп. 1., д. 16).

Лопсан-Осур убедил делегатов Всетувинского Учредительного Хурала в необходимости преобразования Маады сумона в хошун,

и в съездовских материалах и поздних документах уже фигурирует Маады хошун.

Вместе с Буян-Бадыргы, Иннокентием Сафьяновым и другими Лопсан-Осур принял непосредственное деятельное участие в подготовке и проведении Всетувинского Учредительного Хурала в Суг-Бажи 13-16 августа 1921 года, в президиум которого в числе 11 человек был избран и он. На Хурале создана Тувинская Народная Республика, а Лопсан-Осур избран одним из 6 заместителей Председателя Правительства (Центрального Совета).

Лопсан-Осур говорил на съезде, что «он является давнишним сторонником России и от имени всего хошуна заявляет, что они соглашаются принять Конституцию, проект которой предложен представителями Советской России» (ф.1.,оп.1.,д.29).

Избранный Председателем Правительства амбын-нойон Соднам-Балчыр даже на Хурал не явился, отказался от должности. Из письма Соднам-Балчыра делегатам хурала (перевод с тувинского языка мой): «... в настоящее время в связи с обострением хронической болезни спины и почки, я, не говоря, о том, чтобы заниматься важными государственными делами, даже в юрте не могу часа усидеть без лекарств, да и в случае выздоровления не смогу выполнять возложенные задачи» (ф.1.,оп.1.,д.30). До конца 1921 года и в январе 1922 года исполнял обязанности Председателя Правительства Буян-Бадыргы, один из его заместителей.

После Учредительного Хурала Лопсан-Осур открыл в конце 1921 года в местечке Хаак-Адаа Пии-Хемского хошуна курсы обучения представителей Пии-Хема, Каа-Хема и Танды монгольской грамоте и преподаванию политических знаний и сам на них преподавал. Есть основание утверждать, что Маады Лопсан-Осур явился первым тувинским учителем в современном понимании этого слова.

В феврале 1922 года Центральный Совет ТНР переименован в Совет Министров ТНР и его Председателем назначен на полгода Маады Лопсан-Осур. Таким образом, он стал первым официальным Председателем Правительства страны. На вторую половину года функции Председателя исполнял назначенный на это правитель Салчакского хошуна нойон Идам-Сюрюн (“История Тувы», т .II, стр. 94-95).

А правил Лопсан-Осур страной из Турана, превратив его фактически в столицу республики.

Лопсан-Осур принял деятельное участие в создании Тувинской народно-революционной партии. Он был одним из организаторов первого партийного совещания 29 октября 1921 года в местечке Кара-Ыяш (в Истории Тувы почему-то названо «Тыттыг-Арыг») Маады хошуна в заимке Софрона Медведева (тувинцы называли его «Сапран-ашак») - отца советника Правительства Павла Медведева, на котором было создано Оргбюро по созданию ТНРП.

28 февраля - 1 марта 1922 года в Туране Оргбюро созвало 1 съезд ТНРП, где председателем ЦК (с 1925г. Генеральный секретарь ЦК) был избран Маады Лопсан-Осур, заместителем Монгуш Нимажап, правитель Шеми сумона Даа хошуна. Следовательно, первым «генсеком» ЦК ТНРП опять же был Маады Лопсан-Осур. Кстати, об этом факте тувинские историки умолчали даже в «Истории Тувы» (II том, 1964 г.).

Через год и 4 месяца, 6 июля 1923 года состоялся II съезд ТНРП, на котором основными докладчиками, как ни странно, выступили заместители Лопсан-Осура по Правительству Идам - Сюрюн и по партии Нимажап также Советник правительства и ЦК Павел Медведев, то есть те, которые должны были нести ответственность за дела ЦК и Правительства наравне с Лопсан - Осуром, но выступили в качестве обвинителей.

Сменивший Лопсан-Осура на посту Председателя Совмина Идам-Сюрюн говорил: «...и если по партийной работе у нас имелись ошибки, то они объясняются нашей безграмотностью и неопытностью» (ф.1, оп. 1, д.45, п.7), а Нимажап, пробывший с марта 1922 года Заместителем Председателя ЦК партии, следовательно, отвечавший за дела в партии наравне с Маады Лопсан-Осуром, вынес странный вердикт: «...Но так как ЦК был избран небольшой группой, то ЦК был распущен, как не авторитетный и не являющийся действительным представителем широких масс населения. В этом и заключается причина роспуска ЦК» (ф. оп.1.,д.45,л.10).

Идеологи партии 60-80-х годов, говоря о съезде ТНРП, на щит поднимали выступление на нем Оюна Саарбая Оюннарского

хошуна. А в протоколе буквально сказано: «высказывается Саарбай о том, что мало принимал участия в работе старого ЦК, так как его притесняли, как, например, Лопсан-Осур» (ф. 1, оп. 1., д. 43, л.8). О выступлении Лопсан-Осура на этом же листе написано: «Освещает кратко работу Оргбюро с самого начала. Он говорит, какие работы были проведены при его участии и что он работал по мере сил. Ему сначала было предложено быть Предсовмина и Предцека, потом по неизвестным причинам удалили из Правительства и ЦК. С Саарбаем он сталкивался только в работе и относился к нему так же, как и к остальным работникам».

Имя Оюна Саарбая в новой редакции II тома Истории Тувы не упоминается.

В свете этого необъективной представляется оценка доктора исторических наук Ю.Л.Аранчына: «Оюн Саарбай, например, разоблачая антипартийную деятельность пробравшихся в ЦК чиновников, рассказал о Лопсан-Осуре, притеснявшем и отстранившем его как представителя бедноты от работы ЦК» («Исторический путь тувинского народа к социализму», Новосибирск, 1982 г., стр.101). Ведь на съезде не шла речь о антипартийной деятельности, об отстранении Саарбая от работы, о «пробравшихся» в ЦК». Причинами роспуска ЦК называли «абсолютную бездеятельность ЦК партии, его совершенно пассивное отношение к партийной работе, неумение объединить вокруг себя революционный народ и провести в жизнь защиту интересов беднейших масс» (ф.1 оп.1, д.45, л.11).

В этих оценках безошибочно просматривается рука представителя райбюро ВКП (б) Я.С.Чугунова, который в альянсе с Монгушем Буян-Бадыргы и Оюном Курседи, грубо говоря, выбросил за борт политической жизни Маады Лопсан-Осура. А его друг Иннокентий Сафьянов был отстранен от всех дел еще в 1922 году в результате доносов в Центр члена Реввоенсовета Сибири Бориса Шумяцкого.

Несмотря на очевидность катастрофического исхода для его политической судьбы, Лопсан-Осур на съезде обосновывал необходимость осуществления налоговой политики в интересах развития страны (ф.1.,оп.1,д.45,л.24). Съезд принял резолюцию «считать необходимым введение госналога, причем главная тяжесть его должна лечь на богатые и состоятельные слои населения». На II съезде Председателем ЦК был избран Оюн Курседи,

которого через год и 2 месяца на III съезде не избрали. Умер он неожиданно в конце 1925 года в юрте своей сестры в долине Элегеса. В народе говорят, что его отравили. В 50-60 годах историки сделали из него основателя ТНРП.

А на втором заседании ЦК 18июля 1923 года исключены из партии (вообще правомерно ли исключать из уже распушенной партии?) Ажиккай «ввиду его нежелания работать, притеснений по отношению народа, нежелания уплачивать повинностей и податей, сопротивлений, а в особенности притеснения партийных товарищей, вообще действий, противоречащих идеям партии», Лопсан-Осура - за то, что, «ранее приняв должность Председателя ЦК Народной партии, не исполнял свои задания и не провел программы партии, а также будучи на должности Председателя Правительства истратил большое количество казенного товара, что совершенно противоречит партийной программе» (ф.1, оп.1, д.54, л.4-5).

В протоколе съезда ни один факт траты казенного товара не отражен.

Непонятно, почему Маады Лопсан-Осур, «истративший большое количество казенного товара», мог работать в 1925 году министром внутренних дел (ф.1, оп.1, д.657, л.9).

Жизнь изгнанника, смерть отшельника

Ошельмованный, оказавшийся вне партии и государственной службы Маады Лопсан-Осур откочевал к пещере в местечке Кошпай в верхнем углу Долины царей между селами Хадын и Аржаан. На площадке под пещерой он поставил юрту, а скот содержал в самой пещере, в которую впритирку можно загнать около ста овец. Прожил он там более семи лет.

Пещера эта в моем детстве была известна как пещера контрреволюционера. Взрослые шепотом наставляли детей, что туда ходить нельзя. Родился я в 7-8 км. от этой пещеры. А побывал там только 14 июля 2001 года. Со мной были директор Туранского краеведческого музея Т.Е.Верещагина, зав. сектором Тувинского гуманитарного института З.Б.Самдан и ректор Тувинского института развития педобразования О.М.Дамчай.

Наш гид К.Т.Шыырап, хозяин единственной семьи,

проживавшей в Кошпае рядом с пещерой, охотно показывал и рассказывал о ней. Оказалось, что его супруга Зинаида является дочерью Ховалыга Назыты, который носил 8-летним ребенком по ночам изгнаннику Маады Лопсан-Осуру, жившему недалеко от их юрты, еду, приготовленную матерью. С «контрреволюционером» в дневное время старались не встречаться. У старика Ховалыга Назыты сердце остановилось накануне, когда он был на охоте в тех же родных местах, похоронили его в Усинске 9 июля 2001 года. Таким образом, мое желание побеседовать с ним о Маады Лопсан-Осуре, появившееся за два месяца до этого, не осуществилось.

Маады Лопсан-Осур, хотя уже лет 7 был не у дел, видимо, представлял для властей опасность и в 1932 году был сослан в труднодоступное место в Урбюнскую тайгу. Его сына Шыванак-Кока сослали в Дзун-Хемчик, откуда он бежал дважды. Во второй раз после поимки содержался в кызылской тюрьме, стирал белье заключенных, сослан еще дальше в Барун-Хемчик. Известно, что он работал конюхом райпо и умер в этом кожууне в начале 60-х годов.

Место проживания Маады Лопсан-Осура в изгнании тоже спорное. 21 октября 1994 года тетка моей жены Кыргыз Балчырооловна Долгар говорила писателю Монгушу Кенин-Лопсану о том, что избушка Лопсан-Осура стояла в местечке Ынгыржак на речушке Шавылыг, а Кара-оол Оолчугаш (газета «Тыванын аныктары» от 15-21 сентября 2001 года) называет местечко Ак-Дон, где Лопсан-Осур также нашел подземный родник.

Если бы я знал раньше, то мог бы до подробностей узнать все, ибо почивших К.Б.Долгар и Ховалыг Назыты я знал лично.

Жена Лопсан-Осура умерла некоторое время спустя после приезда на место ссылки.

А смерть его самого тоже остается загадкой.

Бытует мнение, что Маады Лопсан-Осур по обычаю старых и святых лам сел в одну из пещер и, молясь, медитировал себе смерть. В таких случаях лама насыпал в деревянную пиалу тару (особо приготовленное просо) и понемножку в течение многих дней постепенно съедал ее, по крошке стачивая освободившиеся края пиалы, пока не отойдет в лучший мир.

Кара-оол Оолчугаш на основе показаний репрессированного Баян-оола 8 сентября 1940 года называет годом смерти Лопсан-Осура 1934 год.

Возможно, это так. Но проверить это сейчас не представляется возможным, ибо эти архивные материалы с 1995 года закрыты и откроются лишь в 2015 году. По-видимому, в 1990-1996 годах «демократы» настолько набардачили с использованием «жареных фактов», что пришлось запретить доступ к материалам по репрессированным. Теперь архивные работники дают только анкетные данные близким родственникам. Я в статье ориентировочно называл годом смерти Лопсан-Осура 1937 год. Эту дату я не оспариваю.

Насчет пещеры, в которой или около которой умер Маады Лопсан-Осур, тоже единого мнения нет.

К.Б.Долгар сказала, что пещера эта находится на речушке Будулуг, Ховалыг Назыты - в местечке Куйлуг-Хем на реке Ортаа-Хем, а Кара-оол Оолчугаш - в устье Ортаа-Хема.

Бывший фельдшер народной армии Кыргыз Ламажай за год до смерти в 1999 году рассказывал бывшему председателю Пий-Хемского райисполкома К.М.Дамчаю о том, что он в 40 - х годах в пещере в местечке Куйлуг-Хем видел скелет без головы в сидячей позе. А Кара-оол Оолчугаш пишет, что летом 1961 года у одной из пещер в этом же местечке видел человеческие кости без головы, и утверждает, что человек, выбросивший скелет из пещеры, сразу же сломал ногу, после ничего путного в жизни не видел, жил в тяжелобольном, неподвижном состоянии в г.Кызыле.

Одним словом, и место смерти таинственного Маады Лопсан-Осура представляет собой большую загадку.

Маады Лопсан-Осур был ошельмован как феодал, контрреволюционер.

Был ли он крупным собственником? Посудите сами: выше я сказал, что в пещеру его можно было загнать от силы 100 овец. В книге М.Кенин-Лопсана (стр.303) сказано, что Буян-Бадыргы имел 135 бода скота, или в переводе, 1350 годовалых овец. На стр.131 книги К.С.Шойгу «Перо черного грифа» (г.Кызыл, 1998г.) можно прочитать об относящемся к тому времени: «Араты, раньше работавшие на баев, постепенно становились на ноги. Жизнь налаживалась. поголовье скота росло, и наша семья стала жить

не хуже, чем другие. Мы имели несколько коров, около шестидесяти овец и коз, двух лошадей». А на стр. 118: «Баям оставляли 10 голов крупного рогатого скота, или около 100 овец и коз». Выходит, Лопсан-Осур имел примерно столько скота, сколько арат-бедняк в Бай-Тайгинском Кара-Холе, и отбирать-то у него было нечего.

Что касается контрреволюционной деятельности, то в биографии Маады Лопсан-Осура ни единого подобного факта не числится.

Послесловие

Поэт Болат Маады, прочитав в газете «Шын» от 09.08.2001 года мою статью о Маады Лопсан-Осуре, приехал ко мне и поведал о том, что Народный писатель Тувы С.Б.Пюрбю, репрессированный в 1949 году и безвинно отбывавший заключение в лагерях Приангарья вместе с его репрессированным братом Семеном в 50-х годах, как-то сказал ему: «У вас, пий-хемцев, есть настоящая гордость - удивительный Лопсан-Осур. О нем пока молчат. Будет возможность - поинтересуйся им основательно». Болат благодарил меня за то, что я частично выполнил завещание Сергея Бакизовича.

На научно-практической конференции, посвященной 80-летию образования ТНР, 11 августа 2001 года и сейчас я говорю, что попытался приоткрыть тщательно заклеенную страницу истории, будущие исследователи досконально изучат документальные материалы, особенно не переведенные с монгольского языка, скажут исчерпывающее слово о таинственном Лопсан-Осуре и его времени.

Во втором томе «Истории Тувы» в новой редакции дана в основном правдивая и объективная оценка жизни и деятельности Маады Лопсан-Осура.

Я предлагал администрациям Пий-Хемского и Чаа-Хольского кожуунов пещеры в Кошпае, где жил Лопсан-Осур, и Урбюне, где он умер, переименовать в пещеры Маады Лопсан-Осура, одну из улиц г. Турана назвать его именем. Но они не окликнулись на мое предложение.

Просил также Комиссию рассмотреть вопрос о включении имени Маады Лопсан-Осура в книгу «Лучшие люди Тувы 20 века». Кстати, в тех же номерах газет «Тувинская правда» и «Шын» от 09.08.2001 года был обнародован список 116 достойных этой

чести, в том числе под № 69 Оюн Курседи (Сайын-Белек) Кенден-оглу. проработавший один год на должности Преседателя ЦК ТНРП и под № 80 Соднам-Балчыр - последний тринадцатый амбын-нойон (1916-1921г.г.), выступавший за вхождение Тувы в состав Монголии, отказавшийся от поста Председателя первого Правительства ТНР в исторические дни августа 1921 года и утонувший в реке Тес при бегстве в Монголию после хемчикского контрреволюционного мятежа 1924 года как один из его вдохновителей. В государственную книгу «Лучшие люди Тувы XX века» занесены имена 275 человек на 341 странице, а Маады Лопсан-Осур Далай-оглу там занимает 77-ю страницу в разделе «Государственные деятели».

Ныне рассматривается вопрос о строительстве памятника в г. Кызыле Монгушу Буян-Бадыргы и Иннокентию Сафьянову. Я думаю, что исторически справедливо поставить памятник в г. Туране единомышленникам - друзьям, сыгравшим ключевую роль в создании тувинской государственности в 1921 году: Маады Лопсан-Осуру и Иннокентию Сафьянову.

Анна ХАДАХАНЭ

СОН ДУШИ – НЕ ЕЕ СТИХИЯ

*К 75-летию Марии
Андреевны Хадаханэ —
педагога, критика,
литературоведа*

Мария Андреевна.
На лекции. Ноябрь, 1987 г.

Как-то в пору моего отрочества мы возвращались из кинотеатра «Найырал». Какой был фильм, уже не помню, но обсуждали бурно игру актеров и перипетии сюжета. С нами была моя подруга. Позже она мне сказала, что завидует нашим с мамой отношениям. Тогда я не очень поняла ее, так как не знала, что бывает иначе. Я привыкла обсуждать все

свои проблемы с мамой и никогда не встречала непонимания, в отличие от своих ровесниц. Воспитание же протекало как-то незаметно, без нотаций. Лишь спустя годы я поняла его суть.

Моя мама была авторитетом и для меня, и для моих школьных учителей и подруг. Все любили, когда она вела у нас классные часы. Девчонки разглядывали ее с интересом. Мама приходила элегантно одетая, пахнущая духами, с серебряными украшениями, с маникюром. Начиная разговор о жизни, о любви, мама незаметно уводила нас в мир большой литературы и рассказывала так, что переживания далеких по времени и возрасту героев становились понятными и близкими. Меня при этом распирала необычайная гордость. На выпускных экзаменах в школе родители должны были кормить нас во время написания сочинения. Выбрали маму. Во время разноса бутербродов она успела многим моим одноклассникам дать все необходимые советы. Было смешно наблюдать, как светлели у них лица, когда она стояла рядом, и как они лихорадочно начинали что-то писать.

В доме нашем была огромная библиотека, которая уже не вмещалась на сделанных папой многочисленных стеллажах, а хранилась в коробках по всей квартире. Соседи и друзья приходили запросто и брали почитать книги а выбор их рекомендовала мама. По вечерам родители устраивали чтения вслух — эпос «Манас», «Давид Сасунский», «Два капитана», Айтматов, Шукшин, Лондон. Это были минуты единения семьи, и их мы ждали с нетерпением. Все это сопровождалось стихийными обсуждениями прочитанного, и именно тогда у детей складывались понятия честности и порядочности, подлости и трусости. Это и были уроки нравственности. Позже читали уже сами, запоем, иногда с фонариком по ночам. Нам незаметно подсовывали лучшее, согласно возрасту и интересам: мальчишкам — Твена, Верна, Ремарка, Гюго, мне — Цвейга, Бальзака, Мопассана, Роллана.

Нас записывали в разные кружки в надежде открыть спящие таланты. Музыкальная, балетная, художественная школы, спортивные секции — все это было в свое время. Покупались пианино, скрипка, гитара, краски и бумага, альбомы художников — Гогена, Дега, Мане, Ренуара, Сикейроса, Рембрандта, книги о балеринах Майе Плисецкой и Галине Улановой, приборы для выжигания и выпиливания. Увлечения менялись, но навыки и

знания остались и не раз пригодились в жизни. Вообще родители бережно относились к нашим пристрастиям. Вместе с нами коллекционировали марки и открытки, значки и фотографии, помогали делать героев кукольного театра и мастерить поделки. Под Новый год клеили многометровые бумажные цепи и делали ледяные игрушки. На дни рождения обязательно выпускали праздничную веселую газету. Регулярно в доме появлялась и исчезала всякая живность — котята, щенки, черепахи, ежик, рыбки, канарейки. Мама всю жизнь вела дневники, и мы любили читать о том, как были совсем маленькими, какие слова и как произносили, как учились ходить.

Когда мы были маленькими, родители много путешествовали, объездили всю страну, были во Франции, Италии, соседней Монголии. Привозили много книг и сувениров. Для нас и для наших друзей их возвращения были настоящими праздниками. Все приходило к нам, как в музей — разглядывали игрушечную венецианскую гондолу, статуэтку химеры — маленькую копию той, что украшает Нотр-Дам, волчицу, вскармливающую двух близнецов — символ Рима, разных чертиков, альбомы по искусству, ну и, конечно, игрушки, и слушали удивительные рассказы о далеких странах, о чужих нравах, о приключениях. Отец был изумительным рассказчиком, с огромным чувством юмора. Хохотали все, слушая его рассказы о покорении азиатской супружеской парой зарубежных просторов. С ранних лет и нас, троих детей, стали брать с собой. Вместе ездили к Черному морю, к родне в Улан-Удэ и Москву, и каждый год на озеро Азас. Только сумасшедшие родители могли тащить детсадовского возраста детей на катере через пороги «за туманом и за запахом тайги». Там нас учили плавать. А по выходным, заправив нас бабушкиными пирогами, родители вели нас то в пещеры с наскальными рисунками, то на гору Ленина, чтоб запечатлеть вид города сверху, то на станцию «Тайга» — заряжаться энергией. С нами часто ходили соседские дети. Их брали с собой и в дальние путешествия, жили в палатках на озере Чагытай. Мама придумывала разные конкурсы, а по вечерам мы пели песни про Чапая и Щорса. Эти же песни поют и все мамыны внуки до сих пор.

Мои родители умели дружить и обрастали новыми друзьями, где бы ни находились, уезжая, поддерживали связь долгие годы. Письма шли нескончаемым потоком из Прибалтики, из Парижа, из

Семья М.А. Хадаханэ

Японии и Австралии, и со всей страны. И сейчас кто только не пишет — это и просьбы журналов об анализе статей и публикаций своих авторов, и заказы на отзыв о диссертациях, и просто исповеди. Писатели присылают свои книги, надеясь на рецензию. И на каждое послание — ответ. Недавно, перебирая книги, нашла у нее автографы и послания Астафьева, Нагибина, Евтушенко, Гранина и Дудина.

Дружба возникла легко. Как-то раз мама сидела на Ярославском вокзале в ожидании поезда. К ней подошел ее бывший студент. Разговорились. Оказалось, парень, бросив учебу, колесил по всей стране, перебивался случайными заработками, смотрел на мир и много размышлял о жизни. В Туве бывал наездами. Мама дала свой адрес. В очередной приезд он стал бывать у нас. Приходил по вечерам и подолгу беседовал с мамой, делился впечатлениями. Мама свела его с телевизионщиками, те сняли нем программу. Непривычный образ жизни и мыслей — вот что привлекало интерес. Позже мама написала о нем рассказ «Бродяга». Но бывали и другие случаи, с другим финалом.

Однажды к маме за помощью обратился земляк из колонии. Мама была президентом бурятского землячества и считала своим долгом принимать посильное участие в судьбе земляков. Бывший колонист был накормлен, одет, снабжен деньгами на дорогу. Утром он исчез, выпив при этом дорожные французские духи, подаренные маме братом. Естественно, ушел, не попрощавшись и даже не поблагодарив за приют. Но даже такое не поколебало мамину веру в людей.

У нас дома часто собирались друзья родителей, хохотали над папиными рассказами, пели. Это были совершенно разные люди, разных профессий и образования, но все они были щедры и чисты душой, многое знали и многое умели, а, главное, мыслили широко и независимо. Наш дом всегда был открыт для них. Приехавший на гастроли артист балета Цыден Бадмаев танцевал у нас дома восточный танец и показывал фокусы. А соседи со всего подъезда однажды были изумлены арией в исполнении бурятского оперного певца Линховоина, доносившейся из нашей квартиры. Позже, когда отец умирал в московской клинике, Линховоин приехал туда и в палате пел для него любимые арии. Отца не стало, но друзья остались на всю жизнь.

После смерти отца мама долго не могла придти в себя. Она сидела опустошенная, безвольная, равнодушная ко всему, глядя в одну точку. Ее мир рухнул. Отец унес с собой весь смысл ее существования. Мы — дети — тогда были не в состоянии понять маму. Меня обижало ее равнодушие, мне казалось, что это игра — несправедливая и жестокая. Моя хорошая учеба и другие успехи не замечались. Я потеряла вместе с любящим отцом и мать. Потом мать долгие месяцы лежала в больнице, а мы жили с бабушкой. И именно тогда баба Тася стала моим утешением, моим самым близким и дорогим человеком. Бабушка и мама были противоположностью друг другу. Бабушка была властным, невероятно практичным человеком, она умела прекрасно вести хозяйство, была чистюлей, прекрасно шила, вязала, вышивала, готовила. Она взвалила на себя заботу о трех детях своей неродной дочери. Бабушка тоже не понимала маму, она считала — какое бы горе ни свалилось на человека, нужно жить дальше, нельзя распускаться. Сама она пережила смерть двух своих детей и мужа.

Постепенно мама возвращалась к жизни, к нам. Бабушка корила ее за лень. В ее понимании главным для женщины должен

был быть порядок в доме, а не бесконечная писанина, чтение каких-то книжек. Хотя именно эти мамины занятия и обеспечивали всю нашу жизнь. Ссоры возникали по пустякам. И я металась меж двух огней, понимая и жалея обе стороны, но не в силах примирить их. Это было столкновение двух мировоззрений — материи и духа. Мама не умела приспособливаться к изменяющимся условиям. Она боялась быть обязанной кому-то. Помню, как однажды студенты-заочники в ее отсутствие принесли к нам в дом огромный пакет с фруктами. Я обрадовалась и села все это уплетать. Мама, застав меня за этим занятием, устроила мне страшную выволочку и заставила унести пакет на улицу. Она сказала, что таким образом ее пытаются заставить поступить против совести, а она себя этого позволить не может. Кто приносил пакет, мы так никогда и не узнали. Мама не умела экономить, не умела просить.

После смерти отца она с головой ушла в работу. Позже мы часто говорили с ней о том периоде жизни. И, только став взрослой, я поняла, что настоящая любовь — это подарок судьбы и дается он не каждому. Мама шла к своей большой любви долго. Уже все подруги были замужем, а она все искала свой идеал и нашла в 29 лет, во время поездки в Ленинград. Это был Джим Карпович Хадаханэ — человек огромного обаяния, интеллигент, спортсмен, душа компании, но при этом скромный и ранимый. Это не была любовь с первого взгляда, скорее с первого слова. Почувствовать в другом человеке родную душу, когда, кажется, знал его всю жизнь, но при этом не перестаешь удивляться его мыслям — это дорогого стоит. Они не могли наговориться всю жизнь. Они всегда старались быть в месте, а когда расставались, писали письмами, в которых заново узнавали друг друга. Для счастья судьба выделила им 14 лет. Когда муж умирал, она думала, пусть лежит, пусть не говорит — только бы жил. А он, всю жизнь ревновавший, просил ее выйти замуж после его смерти, будто стыдясь, что не успел сам вырастить детей и вот оставляет ее одну. Сейчас мама понимает, что не всякому выпадает даже такой малый срок для счастья. Тогда это невозможно было понять.

Началась новая жизнь, жизнь без отца. Появились новые друзья, а старые — не забывали.

До сих пор меня удивляет мамина способность притягивать к

себе чистейших, добрейших, умных людей. Отдыхали как-то на озере Чагытай, по соседству жила пожилая туристка из Голландии. Стала общаться с мамой на смеси языков немецкого и английского. Подружились. Мама написала о ней в газете и послала ей статью. Нора прислала футболки с нашими фотографиями. Человек из другой страны, с другим уровнем жизни, с другими интересами нашел здесь, в Туве, умного и понимающего друга. У мамы — это обычная история. Как-то, навещая ее во время творческого отпуска в Переделкино, я была поражена, с какой именитых писателей, да и вообще творческих людей. Достаточно двух-трех фраз и внимание приковано. Как они говорили, как точно давали характеристики, какие делали комплементы! Мы все говорим на одном языке, но как по-разному он может звучать.

Сейчас она плохо ходит, все реже бывает в обществе, но люди сами идут к ней за советом, за добрым словом, за помощью и просто с желанием быть услышанным ею. Теперь, когда местом встреч все чаще становится ее дом, мама стала стесняться неустроенности своего быта, который раньше не имел для нее большого значения. Но разложенные по полу рукописи и заваленный черновиками стол, видимо, мало смущают посетителей. На все попытки провести уборочные мероприятия ответ у нее один — вы все мне перепутаете, потом ничего не найти. Читали ее гороскоп и смеялись над точностью портрета. «Может сидеть среди горы невытой посуды и писать стихи о любви». Казалось бы, сидишь на пенсии — отдыхай, радуйся жизни, занимайся внуками. Но этого маме слишком мало. Если у нее на столе нет архивов, каких-то срочных заказов, нескольких находящихся в работе статей, то жизнь ее скучна и пресна. На вопросы, «почему не откажешься сделать то или другое», всегда одно и то же — не могу отказать, я должна, должна написать, должна выступить, должна ответить.

Часто приглашают на разные мероприятия, но она выбирает те, куда в силах пойти. Сожалеет, что много интересного из-за этого проходит мимо — выставки, встречи, новые постановки театра.

У мамы просветительство в крови, она не может прочитать книгу или посмотреть спектакль для себя, ей обязательно нужно рассказать об этом всем, поделиться мыслями. Она хочет, чтобы все знали о начинающих поэтах, о новых интересных авторах, о вычитанных ею рецептах здоровья или новых идеях. И пусть

самой ей это не пригодится в жизни — она найдет того, кому это нужно знать. Библиотека — это ее храм. Память ее цепка на любую информацию. Мозг ее подобен компьютеру с миллионами файлов, на которых имена, лица, истории, стихи и проза. К ней многие обращаются, как к бесплатному справочнику по литературе.

Мы по-разному оцениваем людей. Таланту она прощает многое. Ее раздражают сплетни о творческих людях, копание в чужой личной жизни. Истина для нее — не пороки человека, не то, как он живет или ведет себя в жизни, а его духовный потенциал. Она не терпит обывательских оценок, проявлений мещанства. Ей больно, когда о талантливом человеке говорят, что «он такой-сякой», она отвечает: «Зато как он пишет!». Она очень расстраивается, когда умные и способные люди зазнаются. Она в людях хочет видеть хорошее, умеет искренне восхищаться чужими успехами. Ей чужды зависть и лицемерие. Она никогда не умела прогибаться. Моя мама — редчайший экземпляр идеализма, со всеми его плюсами и минусами. Я часто ругаю и критикую ее (видимо, эта черта передается по наследству) за разбросанность мыслей, за желание успеть сделать все и сразу, упрекаю за взваливание на себя чужих проблем, за равнодушие к своему быту, но все тщетно. Каждый вечер по телефону мы подводим итоги дня, ее продуктивность всегда превышает мою. Обидно за себя. Такая работоспособность, видимо, дар божий. Но бывают и другие времена, когда мозг, не справляясь с объемом информации, с накалом эмоций, отключается, не выдерживая напряжения. Даже компьютер порой зависает от нещадной эксплуатации. Что уж тут говорить о хрупком человеческом организме. Но иначе жить она не умеет.

На каждый день у нее запланирована масса дел. Мама не может спокойно пройти мимо интересного человека, судьбы, все записывает на бумагу. У нее постоянно в работе чьи-то архивы. Порой бывает обидно, что на своих родных у нее не находится времени. На ее столе десятки записных книжек с сотнями телефонов и адресов, груды лежат фотографии из чужих семейных альбомов, кипы бумажек, на которые она записывает мысли, чтоб не забыть, прочитанные и только что взятые из библиотеки книги. Она может забыть поесть, забыть сходить в магазин за продуктами, когда пишет. В квартире, которую

регулярно заливают пьющие соседи с верхнего этажа, она пишет о человеческой доброте, о силе духа, о значении слова. Нельзя достичь своей вершины и спать на ней, нужно двигаться вперед и по мере сил вести за собой других. Сон души — не ее стихия.

Игорь ПРИНЦЕВ

ХЛАМ

Один мальчик любил копаться в отцовском ящике с инструментами. Сколько же всего в нем было! И интересного, и занимательного, и непонятного. Порой сын мог провести весь день, разглядывая детали неизвестно чего и диковинные шурупы. И то и дело задавал отцу вопрос:

- Пап, а почему ты из этого всего ничего не соберешь? Машину? Ракету? Робота?

В ответ отец лишь посмеивался и трепал его по голове.

Прошло много лет, и мальчик, став старше, чем даже его отец в те годы, оглянулся на свою жизнь и вдруг увидел ее как тот же ящик с инструментами.

Дни серой рутины представились крепкими болтами, их было много, но нечего было ими крепить. Дни праздности — гнутые гвозди без шляпок.

Попадались красивые блестящие шутовины - как закат у моря или первый поцелуй. Такие блестяшки были красивы, их хотелось вертеть в руках, но не к чему было приладить.

А встречались совсем непонятные детали с микросхемами и пучками оборванных проводов, такие, как потеря близкого, крах отношений. Разбираться в их устройстве было мучительно.

И можно было со спокойной душой сказать себе, что человек не обязан ничего из этого собирать, ведь нигде нет ни списка нужных деталей, ни точной инструкции, только инструменты были здесь же.

Бывший мальчик провел пальцем по лезвию интеллекта, затупившемуся о тривиальные задачи, стер пыль с рукояти стремления, коснулся новехонького, ни разу не использованного воображения. И глубоко задумался, подперев подбородок кулаком.

Тут он заметил собственного сына, уже давно и с жадным интересом наблюдавшего за отцом.

- Пап, - вкрадчиво обратился малыш, - а ты сейчас что-то сделаешь, да? Самолет? Машину? Смотри, сколько у тебя всего!

Тогда давно уже не мальчик взъерошил сыну волосы жестом, запомнившимся с детства, и сказал то, о чем его отец только думал:

- Сынок, из этого хлама не собрать ничего.

ЖЕЛЕЗНЫЕ КРЫЛЬЯ

Раз в краю летучих людей родился мальчик с железными крыльями. Крылья переливались на солнце полированными гранями железных перьев и звенели, как колокольчики.

Шли годы, ребятишки в деревне один за другим вставляли на крыло, мягкость перьев увлекала их ввысь, навстречу неизведанному. Железные же крылья год от года становились больше и тяжелее. словно причудливое изваяние, которое изо дня в день нужно носить на спине. Мелодичный звон сменился лязгом и бряцанием.

Вскоре мальчик даже не мог подтянуть свои крылья к спине, и они безвольно волочились за ним по земле, со скрежетом бороздя ее острыми кончиками.

Пожалуй, каждый в деревне порой являлся поглядеть на диковинного мальчика. Кто помоложе, поглупее, смеялись над тем, как он падает в пыль, зацепившись крылом за камень, кто постарше — сочувственно качали головами и помогали, когда мальчик поднимался, опираясь ладонью на расцарапанную коленку.

Небо так же манило мальчика, как и других, а его недостижимость вместо отчаяния породила неодолимое упорство. Каждый день посреди деревни у колодца вновь и вновь он пытался превозмочь свои крылья, раскрыть их, поднять над собой, хоть для этого и нужна была титаническая сила.

«Гляди, опять к колодцу», - показывали пальцем насмешники. А мальчик, не знавший победы в этой войне с собственными крыльями, не видел и своих поражений.

Снова он склонился, словно бегун перед стартом, глубоко вздохнул. С металлическим скрипом и воем натуги и боли крылья стали дюйм за дюймом приподниматься над землей. Побелевшие пальцы распахали утоптанную сухую землю, и поднявшаяся пыль осела на покрытом испариной лице.

Спина молила о пощаде, а мальчик в ответ умолял ее поднять еще хоть немного повыше. И еще немного. Вдруг натужный скрип сменился тихим шипением, словно сработал механизм, и крылья раскрылись, показав свой исполинский размах, погрузили в настороженное молчание тех, кто летал невысоко и недолго.

Сверкнув отточенными гранями, железные перья закрыли собой солнце. Сейчас могучий взмах сдует солому с крыш и унесет хозяина необыкновенных крыльев на невиданные высоты.

Вместо этого железные суставы жалобно застонали и в следующую секунду погребли своего обессиленного обладателя бесформенной грудой металла.

Облегченный вздох раскатился над деревенской улицей. Но этот вздох и предшествовавшее безмолвие были слаще любой музыки для мальчика с железными крыльями. И от усталости не в силах даже подняться из пыли, он лишь с улыбкой закрыл глаза и прошептал:

- Теперь — взмахнуть.

Эдуард МИЖИТ

Из книги

«СУРОВое ЧУДО ЗЕРКАЛ»

* * *

Ищу я тайную неведомую нить,
Что даст моим прозреньям дерзким право
В одной обыденной строке соединить
Бесплотное с реальностью шершавой.

Так, чтобы странная и хрупкая их связь
Держалась не на прихоти случайной,
Чтоб не фантазии причудливая вязь
Вплетала их цветы в венок венчальный.

Но так, чтобы она явила миру лик
Бесхитростною детскою слезою,
Тумана скрывшегося верной из улик
Сверкающей в рассветный час росою.

Чтобы судьбы мастеровитая рука,
Выстругивая образ мой бесстрастно,
Хоть смутный план свой приоткрыла бы слегка,
Чтоб стружка дней горела не напрасно.

Чтобы надежду можно было бы узреть
В руках лучей, протянутых сквозь тучи,

Чтобы любви зерно успело бы созреть
И дать росток на веры почве ждущей.

Чтобы она меня сурово повела
По лабиринтам сердца и сознания
Туда, где в истины незримых зеркалах
Себя найду я в свете узнаванья.

ПЕРВАЯ ВОЛНА

Как тот пловец, нырнувший в глубину
И вынырнувший снова на поверхность,
Сознания оком встретил я волну
Земного бытия, ее безмерность.

А было это года в полтора,
Когда я понял вдруг, что существую.
А что там под водой и как нырял, —
Все в омуте времен, где дна не чую.

Та первая волна, навстречу мне
Сверкнувшая, как зеркало, взметнула
Над чувствами, что жили, как во сне.
И в мысли первой чуть не утонул я.

Увидел, что есть тайный мир во мне
Отдельный и свободный от наружной
Реальности и, что она — вовне...
И треснул мир, где жил со всеми дружно...

Но все же пуповина, что меня
Соединяла с миром, уцелела,
И хоть тончайшей стрункой, но звеня,
Природы песни, как мои мне пела.

Мне бабочки садились на плечо,
Крылом, как опахалом, остужая —
Ведь в салочки играли только что,
Ведь ни одна из них мне не чужая.

Когда тянул я руки к воробью,
Он, круглым взглядом пыл мой умеряя,
Чирикал мне: «Не видишь, я же пью?!.»
И я пил с лужи, взрослых удивляя.

Я был и бабочкой, и воробьем,
Почти не видел разницы меж нами.
И, как вода, которую мы пьем,
Друг в друга плавно мы перетекали...

Но все ж та трещина прошла
По крохотному сердцу, как расплата
За ту ступень, куда душа взошла.
И в этом та волна все виновата.

Ведь в зеркале ее увидел я,
Что мир и я не так уж вовсе слитны.
А там вторая, третья, все деля,
Плеснули мир в глаза стеклом разбитым...

* * *

Любовно целовала ноги
Мне пыль родимой Матери-Земли,
И взглядом охраняя долгим,
Черемухи весенние цвели.

За холмик вдаль вела тропинка,
Открытый дивных мне сплетая вязь,
И нежно каждая травинка
Лодыжки щекотала мне, смеясь.

Цветы навстречу улыбались,
А шмель шуточно гнал меня, жужжа.
На зов мой птицы откликались,
И дождь, как ангел, надо мной дрожал.

И в их любви я младшим братом
Купался, словно воробей в пыли,

Пока меня лучи заката
В плененной мысли край не увели...

ПОДОРОЖНИК

Ну как вы, подорожники мои, живете?
Узнали вы во мне того мальчика или нет?
Да вижу я, что хоть с трудом, но признаете,
Свидетели моих бродяжих детских лет.

О. сколько раз в пути я припадал к вам тайно,
Вдыхая горьковатый запах ваш и пыль
Земных дорог, мне в жизни ставших талисманом,
И вы меня хранили, да степей ковыль.

Я не был городским и деревенским тоже,
Хотя и здесь, и там следов моих полно.
Я был и там, и здесь чужим для всех прохожим,
Да, в сущности, как все для мира под лунной.

Хоть не был беспризорным, и домашним тоже,
Как не был и ребенком с самых малых лет,
Я, как и вы, бродягой был с разбойной рожей.
Видать, был выдан мне скитальческий билет.

И тот билет, как жребий, выпавший на долю,
До самого взросления был выдан мне.
И я познал все прелести дорог и волю,
И бесприютностью своей я сыт вполне.

Мне помнится, тогда с трибун высоких «пели»,
Цветы, мол, жизни — дети, что все для всех детей.
Наверно, так и есть, коль так звенели трели,
Наверно, кто-то рос в довольстве и тепле.

А мне лишь степь все жаворонка трели пела,
Когда в пыли дорог спешил я мимо вас,
Да ночь сверчком в чужих углах тайком звенела,
Когда уснуть не мог, как лунный круглый глаз...

К чему мне вам рассказывать о том, что все вы
Итак уж видели и знаете давно.

Уж лучше вспомним-ка тех пыльных лет напевы
И вспомним дни, когда мы были заодно.

Те дни, когда, упав стесненной грудью оземь,
Я вам шептал горячечных вопросов бред,
Когда моей невыплаканной грусти слезы
Не щеки мне, а сердце жгли до самых недр.

Когда вне зон и тюрем познавал запреты:
«Не верь, не бойся, даже крошки не проси!»
Когда друзьями были птицы лишь да ветры,
И от отчаянья лишь вы могли спасти...

Так вспомним и споем, и выпьем же за встречу,
Росы рассветной капельки собрав на лист.
Закуской будет мне ваш горький запах вечный,
И пусть звучит ветров тоскливый рваный свист.

Ведь горький запах ваш — родной мой запах детства
Ведь, как и вы, я врос корнями в грунт дорог.
И, думаю, когда мне смерть придет повестку,
Одним из вас хотел бы стать на долгий срок.

* * *

Легко танцуя, жизни пламя
Игрой веселой подманило.
Душа ладошку протянула.
И вмиг наивность опалила.

Так мысли дух — двуликий Янус
Своей двуглавою секирой
Рассек и сжег мою слиянность
С душой своей и с этим миром.

С тех пор стоит он, вперив очи
Вовне и внутрь одновременно,

Следя за сменой дня и ночи
В моей душе и в мире бренном.

Секиры лезвие двойное
Анатомирует природу
И духа внутренней войною
Меня безжалостно изводит.

Так мысль моя, как страж у двери.
Что некогда была открытой,
Стоит и ничему не верит,
И проверяет все под пыткой.

И до единого все чувства
Сквозь строй анализа все тащит
И разлагает красок буйство
На составляющие части.

У дела всякого вначале
Сомнений роет рвы без счета,
В конце, равняя с идеалом,
Пристрастно требует отчета.

В прошедшем видит она горько
Лишь тьму падений и ошибок,
В грядущем обещает только
Тупик бессмысленности гиблой...

Так ясная прозрачность мира
Сгустилась темным лабиринтом,
А с лезвий алчущей секиры
Стекает кровь незримой битвы.

ПОЭТ

Как ты хотел привить любовь
К свободе, чести, милосердию всем нам,
Во все века давал им кров
В своей душе, когда весь мир их изгонял!

Ты песней сладкой увлекал
В сады любовных возвышающих страстей
И радугой всех красок звал
К лугам заоблачных прекрасных областей.

Святым стихом увещевал.
Став добрым пастырем заблудших в мире стад,
И смехом грозным обличал
Зажравшихся святош двуличный маскарад.

Ты глаз своих не опускал,
Когда тиран тебя взбешенно бичевал,
На бой людей ты поднимал
И вместе с ними ты в окопах умирал.

От боли ты не раз кричал,
Когда топтала в кровь безумная толпа.
Но всех, как праведник, прощал
И не шатал основ призвания столпа.

И хоть не требовал никто,
Во все века ты слово клятвенно держал.
Лишь небо призывал с тоской,
Ты, видно, там кому-то что-то обещал.

А ведь тоскуешь ты глядя,
Как на стихи все равнодушной смотрит мир
И, как до сердца не дойдя,
Застряли те там, где души трясется жир.

А мир как прежде жрет да спит.
Ему не хлеб души милей, а хлеб телес.
Торговой марки яркий вид.
И не искусства сад, не светлый зов небес.

И даже те твои слова,
Что призваны сердца всем жечь, уже давно

Всё славят сытый их товар,
Как мухи роем, облепившие ...но.

...Уж опустел весь арсенал,
Слова, как пули, израсходованы все,
Но все ж поэт, как обещал,
Стоит как воин на последнем рубеже...

И хоть он сделал все, что мог.
И даже пули для себя не приберег,
Успешней пули свалит с ног
Вся сытость мира, и безжалостней, чем рок.

СВЕЧА СРЕДИ ЗЕРКАЛ

О всех делах и ожиданиях, и днях
О прошлых и о будущих своих,
И память и мечту за плечи приобняв,
С пристрастием допрашиваю их.

Я совести своей пытаю их огнем
Свечой средь двух зеркал она горит,
В них прошлое тоскливым видится мне сном,
Грядущее отчаяньем грозит.

Вот так в минувших днях увидел я мечту,
Как лебеда со сломанным крылом,
А в том, что ждет меня — лишь страх и суету,
И как в урочный час иду на слом.

Так между будущим и прошлым трепеща,
Душа моя пылает, как свеча.
А думы о простых, да непростых вещах,
Как лезвие дамоклова меча...

ПОЭЗИЯ МЕНГИ ООРЖАКА

Поэт в жизни далеко не всегда соответствует облику, созданному его стихами, а порою и совсем не похож на то, что о нем говорят его стихи.

Менги Ооржак в этом смысле — образец слияние творчества и человеческой личности.

Удивительно жизнерадостный, он полон огня, сил и веры. Видимо, и учителям, и ученикам школы, в которой он работает, доставляет радость одно его имя — Менги, звонкое имя. Когда я захожу в здание школы № 2 города Турана и спрашиваю, где мне найти Менги Ооржака, от коленопреклоненной технички, старательно протирающей пол коридора, до пробегающего мимо пятиклассника, как бы волной проносится: Менги, Менги. И чувствуется всем радостно от эти звуков «нги», «нги».

Такою радостью веет и от стихов поэта. Вот я записываю по-русски перевод его стихотворения-признания:

*Тобой разорван мой портрет.
Теперь клочки в проточной луже
Кружатся, вертятся и хуже
Мне наказанья в жизни нет.*

А как-то хорошо становится, радостно. Тем более, что в следующем четверостишье совсем иное настроение. Лежит парень в юрте на спине и видит в дымовое отверстие темное звездное небо, усыпанное звездами, и среди звезд — звездой видится ему его возлюбленная.

Любовь — естественная тема в творчестве молодого поэта. И хорошо, что не единственная. Тема Родины звучит у Менги Ооржака не менее ярко.

*Пусть исчезла дорога моя,
Утонула в глубоких снегах.
Но упрямо в родные края
Пробираюсь я днем и влотьмах.*

Поэт задумывается над проблемами философского толка:

*Годы уходят...
Подобно змее
Жизнь ускользает,
Блестя чешуею...*

Творчество Менги Ооржака на подъеме, оно обещает многое. Вниманию читателей предлагаю стихи молодого поэта в моем переводе по подстрочнику В. Ховалыга.

Менги ООРЖАК

БЕЗДОМНЫЙ ЩЕНОК

Увязался за мною бездомный щенок,
Не отстанет, за пятки кусает.
Вот еще одинокий, неожиданный дружок!
Взять с собой, обогреть призывает.

Взгляд молящий и грустный:
— Возьми же, возьми!
Словно душу мою понимает,
Что росую прозрачной в зеленой тени
На травинках алмазом сверкает.

В РОДНОМ КРАЮ

Пусть исчезла дорога моя,
Утонула в глубоких снегах,
Но упрямо в родные края
Пробираюсь я днем и впотьмах.

Крутизна. Все вперед и вперед
По нагорью к истину реки,
Где зимой — не вода, только лед,
Только камни кругом, ледники.

Вижу: блещет вдали огонек.
Сквозь чащобу увидел друзей.

Там охотники сели в кружок,
У костра им теплой, веселей.

В небе месяц, как спелый арбуз,
Недоеденной долькой висит.
В колыбели небесной, бутуз,
Под охраной Шолбана он спит.

И зимовье уснуло мое.
Двери юрты давно не скрипят.
Отработали люди свое,
Даже псы у порога молчат.

ВЕРЛИБРЫ

Моему учителю Э.Б. Мижигу

Город в поле
Тускло светит огоньками.
Точно бусы.
Так и кажется,
Что дети
Будут бусами играть.

Заснул я
Над какой-то чашей.
Во сне умчался
Вихрем вдаль.
И наяву
Стремлюсь куда-то
Один, без лошади,
В печаль.

Жучка раздавить
Не смог я,
Вот ведь какое дело...
Может быть,

И меня что-то
В этот миг пожалело.

Наши дыханья
Все ближе.
Встретились губы...
И дрожь...
Кажется, по телефону
Ты издалека зовешь.

Чай попиваю
Без молока.
Тоска без тебя
Не изжитая.
Вот и моя пиала
Грустит на столе
Не обмытая.

Нить
Пришивает пуговицы,
Дырки в одежде моей
Латает.
Нить,
Обернувшись лекарством,
Раны мои заживляет.
Нить
От пустого мира
В дали
Меня увлекает.

В даль
Вечных синих,
Тихих гор
От поля и степей
В осенний холод,

Замерев,
Мне хочется уйти.
И горы выгнули хребты,
И шапки ледников
Надели набок старики...
И падает снежок.

Годы уходят...
Подобно змее,
Жизнь ускользает,
Блестя чешуею.
С треском сломалось,
Лежит на земле
Древо с трухлявой корою.
Что же осталось
От этой беды?
Сердце от жалости ноет.
Лишь муравей
Лабиринты-ходы
В ней с наслаждением
Роет.
Зверя искавший
В родимой тайге,
Старый кузнец
«За пурпурною солью»
Тихо ушел,
А ребята, э-ге,
Делят наследство...
Я думаю с болью:
Предков заветы
Забыты уже...
Хватит,
Конец всяким спорам.
Смерть перед нами
Стоит на меже
Жутким и страшным
Укором.

ОЖУК ДАЖЫ
Тувинские трехстишия

Река, как желтая божа, угомонилась после половодья.
На берегах отлогих хаос из коряг и ветвей.
Так и душа в тревоге выглядит, ей же ей.

Надежда живет в человеке,
Это ему покрывало,
Как для ягненка тепло в иначееке.

Если впросак попаду в поисках и в ненастье,
Пусть никудашным меня назовут.
Я недаром храню за пазухой пиалу счастья.

Я не ведал, что жизнь, кан и досадно,
Калканом станет передо мной и будет смеяться насадно.
Жаждет проклятый ворон вырвать глаза мои.

Душа, как степной жеребенок:
В радости — бег и прыжки,
И даже ястребом в небе часто она летит.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

Тобой разорван мой портрет...
Теперь клочки в проточной луже
Кружатся, вертятся и хуже
Мне наказанья в жизни нет.

Не спится... Ночи напролет
В дундук уносятся мечты.
И вижу звездный небосвод,
И среди звезд звездой ты.

Узоры следов на снегу моих коз и овец.
Как кости игры на цветном покрывале,
Как будто бы только игру отыграли
И бросили наземь их все под конец.

Письмо твое жесткое, властное...
Оно в непогоду шальную пришло,
В погоду большую, ненастную...
О, лучше б оно до меня никогда не дошло!

Перевод Ю. Некрасов

— — — — —

Поэзия Артык Ховалыг, прежде всего, несет в себе удивительный сила в мужества души и сердечной исповедальности, раскрывая перед читателем нелегкий путь преодоления — и социальной несправедливости, и личной драмы лирической героини, которая, даже преданная и брошенная любимым человеком, все же не покорилась судьбе и обрела новые душевные силы.

Повсеместные коммерциализация в издательском деле больше всех ударила поэтов. Не только в местных, но и в ведущих издательствах страны сегодня беспощадно сокращаются, а то и ликвидируются вовсе позиции для поэтических книг.

Артык ХОВАЛЫГ

Случается порой: обида вспыхнет вмиг!
И сердце защежит,
Рванется к горлу крик.
И, кажется, что нет спасенья для души.
Неудержимость слез готова задушить...
«Что, мамочка с тобой — меня вдруг спросит дочь.
И слез уж нет в глазах,
Ушла обида прочь.

ЧЕТЫРЕ ДАРА

Блаженства и славы искать я
 Не стану.
Людскую хвалу — не пророчу
 Судьбе.
Беречь слово правды стремлюсь
 Неустанно, —
Лишь это поставлю в заслугу
 Себе.
Чудесную мудрость — извечно,
 Доныне, —
Земля в наша души вплетает,
 Как нить!..
Запомни их суть, чтобы в сердце
 Хранить,
Богатства дороже —
Гореть отчей землицы.
Свой род постарайся детьми
 Одарить.
Будь верен друзьям, чтоб тобой им
 Гордиться.
Сумей от измены любовь
 Оградить.

Цветок завянет — не жалея,
Весной он снова зацветет.

Уходят годы — не жалея,
Ведь дочь — наследница растет.

Ошибку сделав — не жалея,
Ошибка учат жизни нас.

Уходят милый — не жалея,
Он пожалеет сам сто раз.

«Зачем сажаешь этот сад?
Ведь ты уж — стар и сед.
И до зимы не доживешь,
Оставишь белый свет!». —
Однажды старца упрекнул
Завистливый сосед.

Но мудрый дедушка Эргил
Сказал ему в ответ:
«Подушкой скоро станет мне
Родимая земля.
Но облепиху — для людей
В саду сажаю я.
Пускай под солнцем деревца
На радость всем растут
И людям ягодой своей
Здоровье принесут».

Перевод В. Гордеева.

Нина СЕРЕНОТ

ЗВЕЗДА

С пасмурного неба нет ответа,
Из-за туч совсем не видно звезд.
Но я ждала с тревогой и надеждой,
Опять зовя полночную звезду,
А тучи, хмуро по небу кочуя,
Собою заслоняли небосвод.
И на призыв опять мне нет ответа,
С печалью в сердце я иду домой.
Как только вечер снова наступает,
Я, как охотник, ждущий дичь свою,
Гляжу на небо в ожидании света
Моей одной немеркнувшей звезды.
Луна на небе ясном веселится,
Сплетая звезды в дивный хоровод.

На мой немой вопрос, смешав все звезды,
«Найди свою», — промолвила она.
А звезда надо мною так искрется,
Подмигивают, светятся, горят.
Свою звезду высматривая долго,
Я все ж ошиблась, указав не ту.
Я по устали ищу одну звезду.
У семицветной радуги спросила,
У ветра узнавала, у луны.
Немало времени прошло с тех пор,
Уплыло много вод — но каждый вечер
Я мечту зову. В полночном небе
В час урочный я опять ищу свою звезду.
Небесные светила, видя это,
Меня вдруг пожалели, и в руках
Однажды загорелась ярким светом
Назначенная только мне звезда.

Перевод Саяны Ондур.

Инна ПРИНЦЕВА

ЗНАКИ СУДЬБЫ ДИКОГО МАЛЬЧИКА

Почему я Черлиг-оол

— Наш аал перекочёвывал четыре раза в год. В ноябрьский день 1940 года семья готовилась к очередной перекочевке из местечка, что в нескольких километрах от посёлка Хорум-Даг, в Дзун-Хемчике, на зимник. И не раньше, не позже, пришел мой черёд появиться на свет. Врачей в те времена в Туве было мало. Старшие мои сестра и брат родились в юрте. А мной мама никак не могла разродиться, долго мучилась.

Приехал друг отца Черлигеш. Дословно его имя значит — Дикий товарищ. Он был кайгалом, с партизанами ездил, лихой был человек. И вот этот Черлигеш сказал, поглядев на маму, что больше ждать уже нельзя, и надо везти в Чадан к русскому доктору.

Дед и Черлигеш на телеге повезли маму, но когда уже показался Чадан, у двурогой горы она сказала, что не доедет. Дед завесил телегу шубами, огородил лошаадьми, принял роды.

Тем временем стемнело, снег пошёл. Добрались они до ближней стоянки, она называлась Зелёная зимовка — там росла Олен-трава, которая зеленеет до снегов. Все мужчины аала были на охоте в Саянах, а женщины посмотрели на разношёрстную нашу компанию, услышали, что женщина родила при двух мужчинах, и засомневались — неприветливо встретили. Дед попросил сани — снегопад был знатный, перепряг уже лошадей, но тут с охоты вернулись мужчины, сказали — «Мы с богатой добычей, и у вас радость, оставайтесь, ночуйте». Такая вот история. Меня назвали

в честь Черлигеша Черлиг-оолом – Диким мальчиком. А в свидетельство дату рождения записали позже и другую – 10 декабря.

Дед, к слову, не только у моей мамы роды принимал, ему частенько приходилось быть повитухой. Это тоже история. Однажды в молодости он увидел змею, которая неподвижно лежала на дороге. В её пасти виднелся хвостик мыши. Дед, придерживая змею за голову, погладил её, она проглотила мышь и уползла. Сведущие люди, узнав об этом случае, сказали, что теперь он может принимать роды. Дед и бабушка принадлежали старой культуре, верили в знаки судьбы.

Маму свою Тары я не помню, она умерла через год – сказались тяжелые роды на морозе. Меня воспитали дед с бабушкой по матери, остальных детей забрали родители отца.

Помню случай – мне было лет пять – шесть, – к нам в аал приезжали сёстры с зятьями, с подарками: варёным мясом, кедровыми орехами. Вместе выпили они араки. Бабушка горевала по дочери, вспоминала, какая она была добрая и трудолюбивая, громко плакала, причитала. Нет ничего горше, чем потерять своего ребёнка. Я в тот вечер убежал, чтобы не слышать её крика. Первый раз бабушку такой увидел, обычно её характер соответствовал её имени: Манмаа – спокойная, постоянная.

Сохранное число Манмы и Чашкынмая

Дед Чашкынмай был трудягой, хозяином. Его прозвали Несуетливым. Упорный он был. Помню, пора было перекочёвывать, но деда что-то задерживало. И он каменное ограждение сделал, чтобы вешние воды с гор не повредили стоянку. У нас была семистенная большая юрта (обычные – шестистенные), более тысячи скота. И очень много скота он отдал фронту.

У деда с бабушкой было девять детей, это считалось «сохранным» числом. Потом один мальчик умер. Потом они усыновили меня. Семья была зажиточной, но это относительное благополучие давалось большим трудом. Дети с малолетства были приучены к работе. Я с шести лет пас ягнят и козлят, с семи лет – работал на пашне, шкуры выделывал. Не было такого, чтобы человек мог 20 – 30 минут без дела посидеть.

План сдачи мяса, шерсти, зерна государству был неподъёмным. Как же тяжело было хлеб убирать! Себе не хватало — а государству сдавали. Чуть не выполнишь — по 58-й статье закрывали людей в Черный дом, Кара-Булун. И было раз такое, закрыли деда. Как же трудно было без хозяина! Но быстро его выпустили, видно, учли заслуги. Позже нашу семью приняли в колхоз имени Калинина в Алдан-Маадыре.

В 1949 году меня приняли в 1 класс Хорум-Дагской школы. Я считался сыном состоятельного арата, поэтому в интернате спальное место дали, а кормить отказались, мол, продукты свои везите. И одежду тоже свою надо было иметь. Такие вот мы были зажиточные — разношёрстно одетые, со своими харчами. Нас дразнили — воробьи, просо клюют. Говорили — отдельно стройтесь. Сначала обидно было, потом уши привыкли.

До пятого класса я урывками учился — то болел, то по хозяйству надо было помогать. Где семья кочевала — там и учился. И только с пятого класса решился остаться в Суг-Аксынской школе-интернате. И начались мои счастливые годы.

В шестом классе я написал свой первый рассказ «Эзер-Чазар», про мастера, который славился по всему Хемчику своими сёдлами. Рассказ опубликовали в «Сылдысчыгаш». Я до сих пор эту вырезку храню. И гонорар тогда по почте прислали, не помню, сколько, но на эти деньги я купил рубашку и к деду приехал с конфетами. Кстати, тогда же я начал записывать тувинские сказания и легенды.

С седьмого класса у нас в школе появилось электричество.

Во время каникул помогал деду. Кто занимается скотоводством — бывает, подхватывает опасные болезни. В 9 классе я заболел бруцеллезом. Долго лечился народными средствами, но спина болела всё больше. Вылечил меня русский врач. Тогда вакцину было трудно достать, но он нашёл.

В 10 классе я впервые прочёл стихи Байрона на тувинском языке в переводе Юрия Кюнзегеша. К тому времени я уже посещал литературный кружок.

Поиск пути. Книга-подсказка

Окончив школу, устроился библиотекарем в Алдан-Маадыре и подрабатывал воспитателем в интернате, позже — судебным

приставом. Много читал, рисовал, и решил поступить в художественное училище. Знакомые мне подсказали — показать свои рисунки Ланзы. Я приехал в Кызыл, нашел его. Кудрявый он был, симпатичный, молодой, как я теперь понимаю. Взглянул на мои рисунки и вдруг как захохочет! Просто заливается, по плечам меня хлопает. Посоветовал — иди работать или учиться, только не на художника. Я эти работы у него вырвал, думаю — врёт старик, все равно поступлю в художественное. В Красноярск полетел. Там земляки учились в мединституте, к ним в общежитие и прибыл. Пригласили институтского художника, он имел медицинское и художественное образование, мастерил наглядные пособия по анатомии... хохотал он так же громко, как Ланзы.

Но я и тут не сдался, пошёл на творческий конкурс по рисунку в Красноярское художественное училище имени Сурикова. Рисовали эмалированную кастрюлю. Вокруг — много девушек и ребят. Я по сторонам поглядываю — как хорошо рисуют! Позже понял, что многие учились в художественных школах. Все за два — три часа нарисовали, сдали работы. Я упорно рисую. Один из преподавателей подошёл, взглянул на работу, на ухо мне шепчет: «Брось это дело». Я отвечаю: «Почему бросить? Я издалека приехал». С намёком, что представитель малого народа, из отсталой республики... (Смеётся). Продолжаю рисовать. Преподаватели устали, ушли. Девушка-секретарь мою работу забрала, взглянула, хихикнула. Все надежды у меня пропали, одна осталась: может быть, пожалеют меня, бедного чабана?

Вывесили результаты экзамена. Двойка. И у многих других двойки, кому я завидовал. Конечно, мне надо бы уйти, но я остался. И пошел сдавать экзамен по живописи. Там у меня получилось лучше, но вновь получил «пару». Абитуриентам уже открытым текстом сказали: «Кто не сдал — можно ехать». И снова бы мне собраться и уехать, но я опять остался и пошел на сочинение и историю, за которые получил тройку и четвёрку. Объявили, кто поступил. Я говорю: «Что за безобразие? Где у вас тут крайком?»... (Хохочет в ладони, качаясь на стуле).

Конечно, ни в какой крайком я не пошел, а пошёл в магазин купить подарки родственникам на оставшиеся деньги, то да сё... Вижу — два мужика держат медвежонка маленького. И таким

родным мне этот таёжный ребёнок показался, что все свои беды я забыл. Хотел погладить, а он вдруг как хлопнет лапой по моей руке! (Показывает шрамы). И тут горе.

Выручила меня книга Тендрякова с рассказом о парне со сходной судьбой — со счастливым концом. Читал её в зале ожидания аэропорта, в самолёте, залпом прочёл! И решил, что попробую поступить в Кызылский пединститут.

В педагогический экзамены в августе, на дворе — июль. Денег на жизнь нет. Нашел преподавателя Салзынму. Про все свои мытарства рассказал, что мой рассказ публиковали в газете, показал экзаменационный лист из Красноярска, попросил принять экзамены заранее. Она хохотала. И согласилась дать мне задание.

Первая песня. Встреча с друзьями души

Я поступил на историко-филологический факультет Кызылского педагогического. Там же ходил в изостудию, состоял в студенческом научном обществе, организованном Шулуу Сатом. На втором курсе наша группа выиграла институтский конкурс — и нас наградили поездкой в Ленинград.

В институте музыкальные часы для будущих учителей начальных классов вёл Ростислав Кенденбиль. Мне очень хотелось с ним познакомиться. Раз заглянул в аудиторию — он сидит один за фортепьяно. Подошел к нему, показал стихотворение «Мой конь». Он прочитал, с радостью сказал, что искал текст песни. И тут же наиграл, напел.

Тогда же в институте стали набирать хоровую группу. У кого был голос, слух и желание петь, в него вошли, и я в том числе. Я познакомился с Лесняковым. Он потребовал перевод стихотворения «Мой конь», и я впервые увидел Светлану Козлову. Мне объяснили, как делать подстрочник, а она очень быстро сделала песню на русском языке. Утром затеяли — в три часа уже репетировали.

Потом создали драматический кружок, выбрали для постановки акт пьесы Тока «Осуществлённая мечта». Это было незадолго до ноябрьских праздников. Тут уж стало не до учёбы, поскольку на одну из репетиций должен был прийти Салчак Калбаххорекевич. И действительно, где-то через неделю после начала репетиций Тока пришёл. Много нам рассказывал, в частности, о строительстве Самагалтайской дороги. Со всеми

знакомился. Ко мне подошел, спросил — как зовут? Говорю — Черлиг-оол. Как он смеялся! Хлопает меня по плечу, как когда-то Ланзы и хохочет. Не обидно, по-доброму.

7 ноября в театре (он располагался в теперешнем здании филармонии) состоялся концерт и спектакль, всё хорошо прошло.

На четвертом курсе я впервые «опубликовался» в «Шыне». Это изначально была курсовая работа «В слове остролова — богатство мудреца» — о поэзии М. Кенин-Лопсана. Шумели про эту статью, говорили, что новое слово в науке. И тоже прислали гонорар, целых 29 рублей (хлеб тогда 14 копеек стоил, кажется).

В студенческие годы я похоронил своего деда, Чашкынмая-Несуетливого. Он прожил 75 лет.

...Сдали выпускные экзамены. Распределяла нас комиссия облоно. Ректор Хомушку Сайын-оолович Алдын-оол нам сказал: государство потратило на ваше обучение деньги, и вы обязаны эти деньги отработать. Меня поначалу планировали направить в Аянгаты Барун-Хемчикского района. Но пришел Салим Сюрюн-оол, попросил меня в издательство — редактором детской и юношеской литературы, вместо Монгуша Кенин-Лопсана, который ушел в музей.

Двадцать дней дали на отдых, потом практически все в издательстве ушли в отпуска, а я начал работать. Юрий Кюнзегеш дал задание отредактировать вторую книгу «Повести о светлом мальчике» Степана Сарыг-оола. Сюрюн-оол просил особенно внимательно просмотреть главы об участии красных партизан в подавлении восстания на Хемчике — что-то там усмотрели «идеологически неверное». Я не мог просто «порезать» книгу Сарыг-оола, конечно же, пошел к нему советоваться. Он смеялся над опасениями Салима, но всё же две главы убрал.

В те годы я встретил многих близких по духу людей, своих истинных друзей.

ПОЛИТИЧЕСКИ НЕВЕРНЫЙ ШАГ

Через два месяца секретарь обкома комсомола Дозур-оол Тинмей (он, кстати, на первом курсе преподавал нам политэкономия) предложил мне на девять месяцев поехать в Высшую комсомольскую школу в Москву с тем, чтобы потом занять его

место — секретаря, курирующего идеологию. Обещал, что сразу получу квартиру, хорошую зарплату. Мы с женой обсудили, и так заманчиво была мысль о собственном жилье! Согласился. Поехал.

Комсомольская школа находилась при высшей партийной школе в Черёмушках. Роскошные бытовые условия, люди со всего света; студенты из Африки ночи напролёт галдят и танцуют, короче говоря, праздник жизни!

Первые дни я исправно ходил на лекции. Понял: это я уже всё проходил, особенно про мудрую политику партии и т.д. И пошел я, конечно, по музеям и театрам.

Приближались ноябрьские праздники, и мне очень хотелось домой. Созвонился с женой — пришлите телеграмму-вызов. Я отпрашивался на праздники, но уже знал, что не вернусь в ВКШ. И не думал о том, что обком — это очень серьёзно, не боялся.

С радостью вернулся в Туву, поехал устраиваться учителем в Аянгаты, куда меня и должны были изначально направить из института. Устроился совершенно не по специальности — учителем алгебры и физики в 6 — 7 классы. Ничего, справлялся, даже опыты мы с детьми какие-то делали. Позже появилась вакансия педагога по внеклассной работе, и по литературе часы взял.

Конечно, в обком меня вызвали, «чистили». Я сидел, терпел. Вежливо ответил словами ректора — пять лет государство тратило на меня деньги, и сейчас я эти деньги отрабатываю в дальнем районе. Мол, был на курсах, убедился, что это — не моё. Сделали выговор с занесением в личное дело. Легко отделался.

НА ВСЕЙ БОЖЬЕЙ ВОЛЕ

С 1966 по 1969 год я жил счастливо: на всей Божьей воле, занимался с детьми, охотился, рыбачил, орехи бил, в тайгу уходил далеко. Не обращал внимания, что в посёлке случались драки, поножовщина, воровство, что пили многие.

Там, в Аянгаты я продолжил собирать тувинские сказания и легенды. Мой тесть Шавыраа Монгуш был ламой. Его очень почитали. И я к нему часто ходил. Помню, пас тётчиных овец, и забрался с ними высоко, к пещерам. Там увидел его — он сидит, будто из камня высечен, медитирует. Я тихонько рядом примостился, но больше чем на двадцать минут меня не хватило.

Потом оказалось, что медитировать-то он медитировал, но меня заметил.

И я к нему домой приходил, расспрашивал. Шавыраа было 9 лет, когда он ушел на обучение в Тибет. Из Тувы семь мальчиков ушли. Он рассказывал — шли по степи, когда наступал вечер, делали привал и по направлению к Тибету клали палку. Там он узнал, что если человек сидит у костра, согнувшись, набросив на голову тон — его не трогают ни шакалы, ни волки.

Семь лет тесть учился в монастыре, из девяти человек в конце всего три человека осталось. Первого вернули в Туву, потому что не выдержал и поел мяса (мяса нельзя было есть два года). Лекарь к нему подошел, по запаху понял, что тот оскоромился. У тестя был каллиграфический почерк, когда пропали отдельные страницы священной книги «Канчыыр», он их восстанавливал. Много знаний я от него почерпнул. Работал я со сказителем Саая Амыраком, знавшим знаменитых сказителей Чанчы-Хоо и Шара-Хоо Ооржаков.

С августа 1969 я работал в ТНИИЯЛИ. Работал вместе с Эрес-оолом Ооржаком, Дармой Ондаром. С ними мы привели в порядок рукописный фонд, составили научные паспорта 1800 сказок и легенд. Научные фонды были огромными — с 1936 года. Но эта кропотливая работа в архиве, в пыли сказалась на здоровье: появилась аллергия, измучила бессонница, начались проблемы с алкоголем, болела печень. Привык к таблеткам, глотал их без меры. Тем не менее, готовился к поступлению в аспирантуру.

Мой научный руководитель, ученый секретарь ТНИИЯЛИ Николай Алексеевич Сердобов был фронтовиком, человеком добрым и наблюдательным. Он посмотрел-посмотрел на меня и отправил на научную конференцию в Ленинград, где я делал доклад по тувинскому фольклору. В Ленинграде я получил медицинскую консультацию хорошего врача. Он рекомендовал мне все интеллектуальные нагрузки перенести на ночное время. Сказал: до изнеможения работай ночью, у тебя особый ритм жизни, и ты его должен придерживаться. Запретил все таблетки. Рассказал о йоге.

Из Ленинграда я приехал другим человеком. А Николай Алексеевич ещё посоветовал принимать холодные ванны, летом

чаще купаться, зимой голодать. Плавал я в Енисее до конца сентября, соблюдал все рекомендации и полностью восстановил здоровье.

В 1974 вышла книга легенд и преданий. Тувинские сказания издавались на монгольском, бурятском, немецком языках. В 1975 — первая моя книга стихов. В 1976 я понял, что в аспирантуру поступать не хочу, что дело моей жизни — это литература. С тех пор вышло десять книг стихов и поэм, три книги прозы.

Со своим переводчиком Карповым я познакомился лично в 2003 году. А сотрудничаем мы с восьмидесятих. Это удивительный человек. Он парализован, прикован к постели. Стихи, переводы для него — это выход в мир. Он частенько приговаривает: «Есть в жизни многое гораздо важнее денег».

Что важнее денег

Аранчын мне рассказывал — около четырёх тысяч тувинцев погибло, когда тюрки воевали с китайцами. Чума и оспа косили наш народ. Вера — степная, таёжная, в какой-то степени страшная и дикая — язычество, шаманизм. Но эта вера — в природу и от природы, от Космоса. Всегда мы черпали силы у природы, и род выживал. Поэзия — явление культуры, но поэт черпает вдохновение прежде всего не в культурных наслоениях, а в самом Космосе. Поэт — язычник. И связан с силами, неизвестными большинству.

Земля, народ, древняя культура, которая началась, когда мать спела своему ребёнку первую колыбельную, когда человек после охоты нарисовал на скале её сцены, или вместо ужаса перед молнией испытал восторг — далеки от человека рационального. Но народ не может выжить, забыв всё это. Он рискует раствориться.

Я объясню на примере музыки. Для меня Дунаевский, Чыргал-оол, Кенденбилъ — это целый большой мир, чистый снег, журчание воды. Бах, Бетховен — это Вселенная. И мне ничего не говорят поп-песенки, «выросшие» на синтетической почве. Я сейчас говорю не только о Туве: ребёнок отрывается от генетической матери. Поколение стоит на краю духовной пропасти.

Люди (многие бессознательно) ищут пищи для души. Находят религию. Может быть, это и неплохо. Но кроме религии есть

целый мир искусства: музыки, живописи, поэзии, сущность которых — жизнь, а не синтетика.

Что важнее денег? Жизнь дороже денег. Поэзия важнее денег. Родина важнее денег.

Уран ДОНГАК, ф.э.к.,
ТГШИ-ниң чечен чогаал секторунуң эргелекчизи;
А.Т. Дугаржап,
ТГШИ-ниң аас чогаал секторунуң эртем ажылдакчызы.

САЛЫМ-ЧАЯАННЫГ ЭРТЕМДЕН — ЗОЯ БАИРОВНА САМДАН

Тыва Республиканың эртемниң алдарлыг ажылдакчызы, филология эртемнериниң кандидады, Россияның Чогаалчылар эвилелиниң кежигүнү. Тыва Республиканың Чазааның чанында Гуманитарлыг шинчилелдер институтунуң аас чогаал секторунуң башкарыкчы эртем ажылдакчызы Зоя Баировна Самдан бо чылын апрель 22-де 60 харлаан юбилейин демдегледип эртирген. Ол 2000 чылда «Национал бот-тускайлаң чорукту камгалаарыга база Россияның чоннарының чаңгыс эвин бажыглаарыга улуг үлүг-хуузу дээш» деп Россия чоннарының Ассамблеязының Диплому-биле, 2001 чылдың Тываның «Агальмотолитовое перо» деп мөөрейиниң лауреады деп ат-биле, 2003 чылда хам чүдүлге шинчилээр Фондунуң Европада салбырының мөңгүн медалы-биле, 2006 чылда Тыва Республиканың «Шылгараңгай күш-ажыл дээш» деп медалы-биле шаңнаткан.

Зоя Баировна Самдан Тес-Хем кожууннуң Самагалтай суурга бухгалтер Баир Амырдаевичиниң база даараныкчы Оюу Булчуновнаның өг-бүлезиниң ортун кызы бооп төрүттүнген.

Эртемден кижиниң бүгү-ле угаан-бодалын, сагыш-сеткилин чүмү-биле хаара туда бээр чымыштыг ажылынга улуг деткимчени берип чоруур чоок кижилериниң дугайында чугаалап тура, З.Б. Самдан дараазында солун медээлерни чугаалаан. Бир-ле дугаарында ол болза авазы — Аракчаа Оюу (Кама) Булчуновна 5 оолду, 2 кысты төрээш, оларны доруктуруп-кижизидип каан буянныг ие. Ол ус-шевер чаяанныг ие Самагалтайның дааранылга мастерскаязынга быжыкчы-даараныкчы бооп ажылдап чораан.

Зоя уруу 12 харлыг турда, авазы 49 харлыында аар аарый берген, ол 22 харлыг турда, авазы бурганнай берген. Авазы уругларын ажил-ишке кызымак, харыысалгалыг кылдыр кижизидип чораан.

Авазындан чарылганының соонда, ачазы Аракчаа Баир Амырдаевич Зоя Баировнаның өг-бүлезинге 20 ажыг чыл, ооң соонда угбазы Светлана Баировна Данзын-оол, акызы Николай Баирович Аракчааның өг-бүлезинге чурттап чораан.

Эртемденниң ачазының адазының адазы өг-бүлезин Чооду Чыргал-Чочу дээр (1869-1930). Ол Самагалтай хүрээзиниң ламазы чораан. Кырган-ачазының өөнүң ишти энезин Амагалан дээр, Амырдаа кырган-ачазының төөгүзүн ачазы бо-ла чугаалаар, ооң дугайында чогаадып алган ырызы-даа бар. Кырган-ачазының ады — Натпит. Ооң хеймер дуңмазы Күнзек — Чооду Кара-Күске Күнзекович чогаалчының адазы ол, кыс дуңмазы — Чооду Өшкү-Саар — ырда, төөгүде кирген Эзир-Караның ээзи ол. Ол өгбези Ак-Эриктен аъттыг оларның аалынга бьо-ла чедип кээр, кезек үеде аңаа чурттап-даа турган. Ынчан ол бичи Зояны Ызыыкай деп чассыдып адаар.

Ачазының, авазының кайызының-даа ук-ызыгуурун угбазы Светлана Баировна Данзын-оол тургузуп доозуп турар кижини. Ол республикада билдингир журналистерниң бирээзи, аас чогаал шинчээчилеринден дудак чок. Тыва телерадиокомитетке 35 чыл ажылдаан. Журналист ажылынга дыка ынак. Боду бүдүжүндөн чончу, эрес, дузааргак кижини. Пенсиялай бергеш-даа, ажыл чок олурбаан. Бөгүн Сукпак школазында база кожууннуң «Эврика» деп төвүндө аныяк корреспондентилер каттыжыышкынында башкылап турар. Ада-иези улуг угбазының өг-бүлезинге бичиилерин чоорту дамчыдып берген. Угбазы С.Б. Данзын-оол Сепээ-мама, честези К.Д. Данзын-оол — Ким-ачай апарганнар. Олар арткан 6 кижиге ада-иези ышкаш эң-не эргим кижилеридир. З.Б. Самданның чугаазы-биле, олар дуңмазын өөредип, Иркутскиниң университетинче, Москваже аспирантураже аъткарып, ТДЛТЭШИ-ге ажылга киирген, бөгүн-даа ырак черлерден уткуп манаар төрээннери ол болуп турар.

Улуг акызы Седип Баирович Аракчаа Москваның Күрүне Университединиң геология факультедин дооскаш, геологтап ажылдааш, ооң соонда Дээди Хуралга, Обком профсоюзка удуртур ажылдарга ажылдаан, ам хүндүлүг дыштанылгада. Тыва

Республиканың Күш-ажыл яамызының сайыдынга хөй чылдарда ажилдаан. Ол яамының бирги оралакчызы бооп ажилдап турган үезинде, 1993-94 чылдарда Москвага 3 ай дургузунда туржуп тургаш, Тываны соңгу чүкке деңнээрин үстүкү даргаларның даалгазы-биле чедип алган, улустуң шалыңынга соңгу чүктүң коэффицентизин немээрин чедип алганын чоокта чаа дуңмаларының аразынга чугаалаанын дыңнааш, ооң туруштуг маадырлыг болганын чаа билгеннер.

Бодундан улуг акызы Николай Баирович Аракчаа Тес-Хемде чуртун ээлеп арткан. Тускай эртемниг аңчы кижини, кожууннуң чону ону аажок хүндүлээр. Чеңгези Оюу Чорбааевна-биле пенсиялааш, Куранда мал өстүрүп, ногаа тарып чурттап орарлар. Бөгүнге чедир акызы бөрүнү-даа, адыгны-даа аңнаар, тайга-даскылга турбасшылаас, аныяктарны тайгага өөредип чоруурунга чоргаарланыр.

Хеймери Сергей Баирович Аракчаа Иштики Херектер яамызының курлавырда подполковниги, амгы үеде Республиканың уруглар эмнелгезиниң ГО ЧС-тиң эргелекчизи. Ол акы-угбаларының эрге-чассыг хеймери, гитара ойнаарынга ынак, чээннери, чуржуларының кол кижизидикчизи.

З.Б. Самданның эң-не кол чөлеңгиижи — оглу Самдан Сайдаш Николаевич, ус-шевер, дарган мергежилдиг дизайнер-чурукчу ажилда. Керни Рая экономистке өөренип турар. Оглуунуң оолдары — ачылары — Саша биле Чиңгис. Сайдаш, үр үеде сайгарлыкчы ажилга ажилдап чораан болгаш, рынок үезиниң амыдыралынга авазын «өөредип» сургаар, «башкызы» апарган сүмелекчизи. 1970 чылдарда төрүттүнген салгалдың угаан-медерелинде мурнуку салгалдарга бодаарга, улуг-ла өскерлишкин болганын авазы оглуунуң бодалдарындан, ажил-херээнден билип чоруур. Оларның экинде дыка-ла улуг харыысалга чүктеттинген. Бо салгалдың аныяктары кончуг шимченгир, угаан-сарыылдыг, бурунгаар чүткүлдүг кижилер болурун үе албадапкан.

Ачазы З.Б. Самданның чанынга чоок чурттап чорааш, даадыла «Менден аас чогаалын, солун төөгүлерни база бижидип ап көрөм» деп дилээр турган. А чайчок ажилдыг уруу ону херекке-даа албайн, ырак-узак булуңнарже тоолчулар, төөгүчүлөр дилеп чоруп каар. Совет үеде ынчан ажилдакчыларга негелде ындыг турган: өскөн-төрээн черлеринче ажилдап чорбас, чоок кижилерин бижитпес. Зоя Баировна ол чазыын чүгле ачазы 2000 чылда, 88

харлап тургаш, кызыл-тустай бээрге, чоктап, медереп билген. Ынчан баштайгы ачызы Саша чаа төрүттүнгөн чыл. 2010 чылдың төнчүзүндө чырыкче үнгөн «*Тыва улустуң бурун чугаалары болгаш тоолчургу, төөгү чугаалары*» деп номунга ачазының сактып бижээн «*Улуг-Хайыракан, Биче-Хайыракан даглар болгаш Тес хем*» деп мифти болгаш ачазының чуруун киирген.

«*Бүгү төрээн кижилеримге деткимчези, арга-сүмези дээш черге чедир мөгөйдим*» деп Зоя Баировна чугаазын доосту.

З.Б. Самдан Самагалтай ортумак школазын дооскаш, улаштыр Иркутск хоорайның Күрүне университетиниң филология факультетинче өөренип кирген. 1974 чылда университетти доозуп келгеш, ол-ла чылын Тываның дыл, литература болгаш төөгүнүң эртем шинчилел институтунуң (ТДЛТЭШИ) литература болгаш аас чогаал секторунга биче эртем ажылдакчызы бооп ажылдап эгелээн. 1977 чылдан 1981 чылга чедир Россияның Эртемнер академиязының чанында Бүгү-делегей литератураларының Институтунга (ИМЛИ, Москва) аспирантурага өөрөнгөш, 1983 чылда «*Литература болгаш аас чогаал чаңчылдарының тыва прозага салдары*» («Взаимодействие литературных и фольклорных традиций в тувинской прозе») деп ажылынга кандидат диссертациязын камгалаан.

Зоя Баировна 1990 чылдан 2003 чылга чедир ТГШИ-ниң (ТДЛТЭШИ) чечен чогаал секторун эргелекчилеп эгелээн. Ол чылдарда В.С.Салчак, У.А.Донгак, Л.С. Мижит, А.С. Донгак, Э.Б. Мижит суглар чогаал шинчилекчилериниң коллективин тургускан, олар эртем-шинчилел ажылын тус-тузунда эгелеп, амгы үеде дараазында номнарның авторлары болганнар: «*Тыва чогаалчылар дугайында демдеглелдер*» (В.С. Салчак, 2000, 2005), «*Уран сөстүң ужуу*» (В.С. Салчак, 2010); «*Ожук дажы: тыва үштээн одуругларның антологиязы*» (Л.С.Мижит, 2004); «*Тыва шүлүктүң тургузуу*» (У.А. Донгак, 2006); «*Индотибето-монгольская обрaмленная повесть в тувинско-сказочной традиции*» (А.С. Донгак, 2010).

1995-1996 чылдарда институттуң оралакчы директору бооп, организатор талантызы көстүп, 2003 чылда Тыва Республиканың Культура болгаш националдар херээниң ямызының оралакчы сайыдынга, оон дараазында чылдарда сайыттың хүлээлгезин күүседир эрге-дужаалга 2007 чылга чедир үре-түңнелдиг ажылдаан.

Уран чогаал биле аас чогаалдан аңгыда Зоя Баировнаның эртемге сонuurгалы делгем болгаш оларны ханыладыр шинчилеп, эртемниң өске адырларынга чонга ажыктыг талаларны шилип, орта бодунуң ханы бодалдарың арттырып чоруур эртемден. Ынчалдыр ол Орхон-Енисей бижииниң, шажын-чүдүлге айтырыгларынга, очулга, хөөмей, театр болгаш өске-даа уран чүүлдүң айтырыгларынга эртем ажылдарын бижээн. Ооң чогаадыкчы ажылының түңнелинде чырыкче *«Аас чогаалындан литератураже»* деп ажылы 1992 чылда, тыва бурун-чугаалар чыындызы *«Чылбыга айны канчап сыырыпканыл?»* 2004 чылда Кызылга, *«Сибирниң болгаш Ыраккы Чөөн чүк улустарының аас чогаалының тураскаалдары»* деп 60 томнуг академиктиг серияның санынче кирип турар ийи тому *«Тыва улустуң тоолдары»* 1994 чылда, *«Тыва улустуң бурун чугаалары, тоолчургу болгаш төөгү чугаалары»* Новосибирскиге, эртеги тюрк поэзияның *«Кюль-тегин»* (1993, 2003, 2004) үш үндүрүлгезиниң чыындылары, тыва аас чогаалының болгаш литератураның айтырыгларынга хамаарышкан үш номдан тургустунган эртем статьяларының чыындылары *«Тыва чогаалдың шырайлары»* 2001 чылда Кызылга, оон-даа өске номнар болгаш литература-критиктиг, публицистиктиг чүс ажыг статьялар үнген.

З.Б. Самдан тыва дылче буддист литератураны очулдуруп *«Ринчен Санпо»* деп бөлүктүң удуртукчузу болуп база ажылдаан. 1990 чылда Падма Самбхаваның *«Араганың хоразының дугайында»*, 1999 чылда Геше Джампа Тинлейниң *«Поова, өлүм соонда чуртталга»* база ооң редакторлааны-биле элээн каш брошюралар үнген. Амгы үеде Зоя Баировна тываларның бурун чугааларынга (миф) тураскааткан монографтыг ажылды бижип турар. Бо чылын «Бурун-чугааларның» ному Новосибирскиге үнген.

Эртем болгаш күрүне ажылын башкарып чорааш, Зоя Баировна Тываны хөй-хөй чурттарга болгаш республикаларга төлээлеп келген. Ону Сибирьниң болгаш өске-даа чурттарның, регионарның эртемденнери үнелээр, оларның аразында ол мурнуку одуругда чоруп олурар. Тываның барык бүгү булуңнарынга командировкалап, экспедициялап четкенинден аңгыда, ол Моолга 5 удаа эртем-шинчилел экспедициязынга

ажылдап, Хакасияга, Даглыг Шорияга база Алтайга чоруткан Саян-Алтайның эртем экспедицияларының киржикчизи бооп чораан.

Кижилер-биле чугаалажып, улус-чонну хүндүлөп билири, улусчу болгаш академиктиг билиглериниң делгеми — Зоя Баировнаның аажы-чаңының бо талалары кандыг бир чугула айтырыгны кымдан мурнай эскерип, ону канчаар шиитпирлээринге шын харыыны тып шыдаар кылдыр дузалап чоруур. Биче сеткилдиг, дузааргак, сагыш-човаачал, бодунга база өскелерге негелделиг боорга, ону улус-чон, эш-өөрү хүндүлээр.

Ооң өөреникчилери тыва эртемде З.Б. Самданның бүзүрелдиг чөлеңгииштери: Л.С. Мижит — Институттуң эртем секретары, филология эртемнериниң кандидады; У.А. Донгак — литература секторунуң эргелекчизи, филология эртемнериниң кандидады; В.С. Салчак — Институттуң Архивиниң эргелекчизи; А.С. Донгак — Институттуң моол дылдар шинчилээр секторунуң башкарыкчызы эртем ажылдакчызы, филология эртемнериниң кандидады.

Тыва Республиканың Культура ямызынга ажылдап тургаш, Зоя Баировна үш улуг делегей чергелиг симпозиумну башкарынга киришкен. Ол дээрге хөөмей, хам чүдүлге, Орхон-Енисей бижииктеринге тураскааткан хемчеглер болур. 2003-2004 чылдарда ооң башталгазы-биле Республиканың культуразының 2004 чылдан 2010 чылга чедир хөгжүүрүнүң сорулгаларының дугайында концепция-программа хүлээп алдынган база Литература болгаш уран чүүл талазы-биле Тыва Республиканың Чазак Даргазының тыпсыры Күрүне шаңналының Доктаалы (2005) бадылаттынган.

З.Б. Самдан республиканың хөй-ниити амыдыралының идепкейлиг киржикчизи. Ол хөй чылдарда Чогаалчылар эвилелиниң баштаар чериниң кежигүнү, В. Көк-оол аттыг Хөгжүм-шии театрының уран-чүүл чөвүлелиниң кежигүнү, Тываның ном үндүрер чериниң болгаш «Улуг-Хем» журналдың редакция чөвүлелиниң кежигүнү бооп бодунуң үлүг-хуузун кирип чоруур. Тыва литератураның, аас чогаалдың хөгжүлдези дээш шудургу

ажылдап, чогаалчылар, тоолчулар-биле чоок харылзажып, оларның юбилейлеринге эртем статьяларын бижип, аныяк эртемденнерге, методистерге, башкыларга улуг дузазын көргүзүп чоруур салым-чаянныг эртемден.

Сайлыкмаа Комбу,
чечен чогаал шинчилекчизи

«БОДУМ ҮНҮМ ДУНУК-ДАА БОЛ, ҮНДҮР ЫРЛАДЫН...»
(Артык Ховалыгның шүлүктеринден эскериглер)

Тыва чогаал делегейинде Артык Ховалыгның ады билдили-биле илереп, туружун тыпкан.

Ол хөй-хөй номнарның автору. «Чалгын» (1979), «Дөрт хайыра» (1987), «Преодоление» (1992), «Билзекте хээ» (1994), «Таныжын танываан» (1994), «Сеткил чечээ» (1995), «Шонуг» (1997), «Мөңгүн дамды» (1999), «Сүзүүм болган Сүмбер-Уула» (2001), «Алдын Херел айызалы» (2001), «Бодал чаштаа» (2010), «Өндүр сеткил» (2010). Артык Ховалыгның очулгазы-биле Омар Хайямның рубаилери «Чүс рубаи» деп ат-биле 2000 чылда парлаттыганын. Бо номнар Артык Ховалыг — шүлүкчү, прозачы, очулдурукчу дээрзин бадыткаан.

Артык Хөм-Оттуковна Ховалыг Сүт-Хөлдүн Бора-Тайга чурттуг. Ачазы — чылгычы. Ол Хан-Дээр, Уру, Хүүректиг дээр ыдык, чараш черлерге чай-кыш чок чылгы күзеттеп, кадарып чораан. Чоок-кавы аалдарның улузу ооң адын-даа адавас, а чүгле чылгычы дээр турган. Артык Ховалыгның шүлүктеринде ачазыга тураскааткан одуруглар кайы хөй: «Ачамга», «Чылгы», «Чаңчыл», «Ачамның чазыкканы», «Кажан шагда бодум ышкаш» — Амыдыралда кол күш — ачазыга чоргааралы, идегели оларда илереттинген. Ол шүлүктерде мынчаар бижиттинген:

*Чыраа аъттыг мээң ачам ай-даа чедир
Чылгы дозуп, ээлчег халап аъттаныптар.
Хойнунга удуп, өөрөнгеним ачам сактып,
Хонуктарны авам-биле санап кээр бис.
(«Кажан-шагда бодум ышкаш»).*

*Сыдымыңны
Сыыладыр октаарыңга, дезиг малдар*

Дээктигге дузакталыр.
(«Ачамга»).

Кол тема, идеязы чылгычы ачазының ажыл-ижин, аңаа ынакшылын чырыдарындан аңгыда, поэзияга национал онзагай хөөннү күштелдирип турар шүлүктөр дээрзи илергей.

Шүлүкчүнүң авазынга тураскааткан шүлүктеринден («*Эл өскөн эргим ием*», «*Авам холу*») «*сарыг шайын сөңнеп кудар, чазык-чаагай, аьштыг-чемниг, идик-хепти уран даараар, илдик-даа чок, эрес-кежээ*», «адыштары хаварыктыг» ава кижиниң омур-хевири онзагайланып көстүр. Аваны чурттуң, аалдың чырыткызы дээн тодарадыышкын чаа. Авазының-даа, ачазының-даа ук-төөгүзүндө Ак, Алаш, Хемчиктин Дээр уктуг хамнары бар. Ол харын Артык Ховалыгның шүлүкчү чаяалгазынга улуг салдарлыг болган хире. Чүү-даа чүве ук дазылдыг болур.

Артык Ховалыгның шүлүктери онзагай хөөннүг, сорунзалыг уян-сырынныг. Шүлүк чогаалынга баштайгы шенелделерни Артык Ховалыг Кызылдың күрүнениң педагогика институтунуң филология факультетиниң студентизи тургаш эгелээн (1970-1975). Ол үеде «Тываның аныяктары» солуннуң чанынга чогаалчы Салим Сазыгович Сүрүң-оолдуң удуртканы чогаадыкчы аныяктарны бодунче хаара тудуп, ажылдап турган «Дамырак» чечен чогаал каттыжыышкыны эгелеп чоруур шүлүкчүге улуг өөредигни берген. Артык Ховалыг — «Дамырактан» ужуп үнген чогаалчыларның бирээзи. «*Дамырак 1*» (1978) чогаадыкчы аныяктарның чыынды номунда ооң баштайгы сөңүн номчукчулар четтирген. Оон улаштыр шүлүкчүнүң үнүнүң хөнүгүп келгениниң демдээ — 1979 чылда баштайгы «Чалгын» деп номунуң чырыкче үнгени болур.

Ооң бодунуң хар-назыны быжыккан, чогаалдарының таалыңы ишкир, олча-омактыг. Бодап чоруурга, поэзия дээрге шүлүкчү кижиниң сеткил-хөңнүнүң демдеглелдери боор чүве. Бодунуң үезинде Гете бир катап Эккерман-биле чугаалажып тургаш, мынчаар чугаалаан болгай: «*Уран чүүлге болгаш поэзияга шүлүкчү боду — ол шупту чүүл-дүр*». Шүлүкчүнүң амыдырал-чурттал-газының оруу узун, «хат-чаьстыг, долу-шуурганниг», кадыр-бертиг болган тудум, ук демдеглелдер ишкир болгаш солун, онзагай болур.

Артык Ховалыгның шүлүк делегейин «*Чалгын*», «*Дөрт хайыра*», «*Сеткил чечээ*», «*Шонуг*», «*Мөңгүн дамды*», «*Преодо-*

ление», «Бодал чаштаа», «Өндүр сеткил» деп номнарындан ожаап көөр болзувусса, төрзэн черинге, төрел чонунга ынакшылы, хандыкшылы кол черни ээлеп турар. Ук тема чогаал бүрүзүндө онзагай илереттинген. Ылаңгыя «Үш үнө» деп шүлүү бодалдарның чигези-биле үнелиг. Шүлүкте үш үнө мээң черим — мээң чүрээм, мээң чонум — мээң ханым, мээң дылым — мээң ыдыым деп билиишкиннер-биле тодараттынар. Поэтиктиг чуруушкуннуң күжү сеткилге чоргаарланчыг миннишкинниң одун хөрлээледип турар:

*...Дамырларым хемнер болуп сени куржаар,
Даглар дээрге — өрү сунган ийи холум...*

*...Бөдүүн болгаш ажыл-ишчи, мерген, шевер,
Мээң чонум — салым-чолум, үнген дөзүм...*

*...Эвээш-даа бол, чиге сөглээр өгбелерниң
Эртине дег төрзэн дылы — чалгыннарым...
(«Үш үнө»).*

Артык Ховалыгның шүлүктеринде бодалдар национал көрүүшкүнү-биле делгем, бай. Тайгаларны ачылыг дээр баганазы, чер-иени — чемгерикчи, хөлдөрни — ынак черим караа деп чоннуң билиишкиннерин поэзияның чечен дылы-биле, ооң күжү-биле улам ханыладып, поэтиктиг окур-хевирлерни уран тургускан.

Тыва чурттуг шүлүкчүлерниң кайызында-даа Тыва чер, төрзэн Тывазының дугайында шүлүктер элбек болгаш бодунуу-биле онзагай. Артык Ховалыгның база бир көскү чогаадыкчы чедииш-кини Тыва чериниң дугайында шүлүктериниң бодунуң чаазы-биле, поэтиктиг бодалының күштүү-биле солун. «Алыс чуртум — Тыва черим» деп шүлүкте сөстөр бөдүүн ышкаш көстүр, ынчалза-даа тайга черниң соок аржааны дег, угаан-медерелге дораан дээптер күчүлүг. Мында «Азияның чүрээ болган», «Хиним-биле тудуш» дээн ышкаш хөй-ле шүлүктерге таваржып турар билиглер бар-даа болза, олар бо шүлүктүң сүүзүнүн кошкатпайн турарлар. Шүлүкчү каас-коя сөстөр-даа чыып биживзэн, бар-ла турган арыг сеткилинден аттыкан сөстөр-биле поэтиктиг бодалын илередип каан. Бөдүүн дыл, харын-даа чамдык черлерге кандай дыңналыр болза-даа, тыва кижиниң сеткилинче өрүмнелип кире бээр бедик утка-шынар бар. Ол шынары-биле шүлүк шүлүксүг, сүүзүннүг болгаш байырымныг:

*...Эң-не арыг энергиялыг,
Эге угу Чыргал чурттуг,
Улуг угаан моон тараан,
Угулзалыг уран Тывам.*

*Дээрлери буян сөңнеп,
Дескиндир-ле кадагалаан,
Ыдыктыы-ла, буянныы-ла
Ылап-ла шын Тыва черим...*

Ооң чогаалдарында Даг — кол омур-хевир, билиишкин болуп бирги номундан-на билдинип кээр. «*Даглыг черниң кижилери*», «*Даглар чыды*», «*Дагда орук*», «*Өлчейлиг даг - өскен черим*» деп шүлүктөрдө кижиниң дагларынга ынакшылы, чоргааралы билдинер. Ону автор «*Өлчейлиг даг - өскен черим*» деп шүлүүнде мынчаар илереткен:

...Өлчейлиг даг авам ышкаш меңээ эргим.

Өзүм-баарым ол дээш саргыыр, дүймеди бээр.

Бойдус чурумалы шүлүкчүде бодунуң көрүжү, билиишкини-биле өскелерден ылгалдыг. Чечен чогаалда долгандыр турар бойдус дугайында чеже одуруглар чогул! Үргүлчү чаа хевээр турар, төнмес-даа болгаш төттүнмес-даа тема болур. Маңаа чүгле бодунуң онзагай, өскелерге дөмейлешпес бодалы, үнү херек. Бойдус чурумалын көргүзүп тура, тыва поэзияда шаптыланып калган, эрги-ле омур-хевирлерни, сөстөрни, көрүштү Артык Ховалыг катаптавайн турар. Шүлүкчүнүү-биле «*Чедер хөл аккыр булут хээленген*», «*Кыштаг черде аалы хартыга куш дээскинген хаяларга бүзээлеткен*», «*Довурзак ак өөр өглер доңгаяртыр салгылап каан аяктар дег*», «*Меңгилер каткылыг*», «*Меңгилери аккыр диштер кылаңнашкан*». «*Чүген-суглук мөңгүн үннүг*» дээш оон-даа өске. Хөй-ле шүлүктөрүнде бойдус дириг боду чуруттунган («*Чашкын*», «*Диңмирээшкин*», «*Даңгына час*», «*Долу*», «*Күску бойдус*»...). Ылаңгыя «*Суглук безин шыңгырт дивес*» деп шүлүүнде эзремде балыктарның чуруушкуну, эрик черден хараан хадыңның салдырады бажын чайып турар шимчээшкини, Кула-Дайның чоруу... — ол-ла олчаан каракка көстүп, кулакка дыңналып кээр:

*Эзремде балыктарны
Эрик черден хараан хадың*

*Санын санап чадаан ышкаш
Салдырады бажын чаяр.*

*Кула-Дайым кежигге кээп,
Кулаан кызып, хере тепкеш,
Думаалайзыг чалгыгларже
Тура дүжүп, оожум базар.*

*Байлаңнарны хойгуспас дээш,
Суглук даажын дыңнаалаан дег,
Бажын углааш кеденгирлээр,
Суглук безин шыңгырт дивес.*

(«Суглук безин шыңгырт дивес»).

Артык Ховалыгның поэзиясында база бир онзагай чүүл бар. Ол ооң баштайгы номундан-на эскертине берген: философчу бодалдың күштүү. Баштайгы ному «Чалгын» 1979 чылда чырыкче парлаттынып үнгенде, Артык ынчан хып дээн аныяк турган. Ол хире аныяк кижиниң көрүжүнүң ынчан-на хевирлеттине бергени анаа эвес таварылга-дыр. Чамдык кыс уругларның ол хире назылыында бижээн шүлүктери-биле деңнээр чүве болза, оларда «сен, мен», «ырадың, ынакшыдым» дээн чергелиг килеңнер көвөй көстүр-дүр. А «Чалгын» бодунуң аныяк авторунуң туружун, хөөнүн, поэктиг бодалдарының бедин херечилеп турар ном. «Чалгын база чаптылгаштың ийи болур» деп, Артык ынчан-на ажыдып шыдапкан болгаш ооң философчу бодалдары ам-даа сайзыраар дээрзин херечилеп турган.

Сөөлүндө Артык Ховалыг улуг классик шүлүкчү Омар Хайямны анаа эвес тудуп алган. Ооң бижиир аян-хөөнүндө бир-ле чүүл Омар Хайямныынга чоок. Ам Артык Ховалыгның «Дөрт хайыра» деп шүлүүндөн каш одуругну көрүптээлиңер:

*Черде дөрт-ле хайыра бар,
Черле утпа.
Төрээн чериң кара довураа —
Хайыралыг.
Төлдүг кижги чоргаар болгаш
Каас-чараш.
Эжишкилер хүндүлелден
Эви быжсыыр.*

*Ынакшылга турум боорга,
Ынаныштыг.*

Артык Ховалыгда бо чергелиг шүлүктер кайы хөй. «Бодалдарың кем, бак чокта», «Түрээриң шын», «Хомудава», «Шынны тывар — эки чорук», «Сеңээ келир», «Берге өйде», «Дажыг хемге эжингештиң», «Дамды», «Бузуттуглар нүгүлү - хай», «Челээш — сеткил», «Хөөн үнү хөлчок уян», «Ажы-төлү — салгалы ол» деп шүлүктери ындыг дөлем шынарларлыг. Бодунуу-биле онзагай, уран-чечен деңнелдери аңгы-аңгы шак бо шүлүктерде амыдырал дугайында угаашкынар, чуртталганың шыйыгларының янзы-бүрү өңнериниң дугайында бодаашкынар кол черде.

Шүлүкчүнүң демир-үжүү поэзияның хөй янзы хевирлеринге база самнап, ойнаан. Лириктиг шүлүктерден аңгыда, поэзияның эң-не турум, нарын хевири болур сонет жанрын бижип чоруур. Чоокта чаа көстүп келген «Өндүр сеткил» деп номунда «Сонеттер боодалы» деп эгеде 80 чыгам сонеттерни киирген. Ук сонеттерни шүлүкчү бижиттинген темазының аайы-биле база бөлүктээн: «Өлчейлиг даг - өскөн черим», «Алдын херел айызалы», «Угаан орталандыраар уран сөстөр» азы очурлуг сонеттер. Артык Ховалыгның сонеттеринде сеткилиниң мөңгүн дамдызының чайынналыы илереп, кээргелди, уяралды оттуруптар күчүлүг. Дараазында бо одуруглар ооң барымдаазы:

*Чуртталганың каржы баштаа кээргел чокка
Шуудаваандан адырылбайн шаг-ла болур...
(«Чуртталганың баштактаныы»).*

*Атпаң-согаң баскан кызын чаптаан мени
Ачам көргөш, арны чырып, хүлүмзүрээң.
(«Ачамның чазыкканы»).*

*Чогувастаан салымымның чечээ салдааш,
Чоолбургай эзремге кээп доктаай бээр бе?
(«Сугда чечек»).*

Шүлүкчүнүң «Хензиг үе чечектелии», «Бөдүүн сөске илереткен» деп сонеттеринде риториктиг айтырыглар сеткил-хөөннүң ажык кыйгызы бооп дыңналыр:

90 *Ырлавайн, айлаң-кушкаш шыдажыр бе?*

*Ыстаан чүрээм шүлүк чокта чурттай аар бе?
Ыглавайн, эжинден кым чарылганыл?
Ынакшылга алыспааннар бар бе ынчаш?
(«Бөдүүн сөске илереткен»).*

*Сагыш-сеткил хөлзээшкинин шүлүктерим
Чазамыктап, чассыг хөөннүг болдулар бе?
(«Хензиг үе чечектелил»).*

Олар номчукчу кижини бодандырыптар, саймаарадыптар күчүлүг. Артык Ховалыгның сонеттериниң тема, идеялары янзы-бүрү: төрөөн чер, мөзү-шынар, поэзия, ава, ынакшыл.

Артык Ховалыгның сонеттерин бижээниниң аайы-биле ийи кезекке чарып болур: ооң чогаадыкчы ажыл-чорудулгазының эртеги үе-чадазында болгаш бо чоокку чылдарда көстүп келген сонеттери. Кайы-даа үе-чадада бижээн сонеттери номчукчунуң кичээнгейин хаара тыртып, сонуургадып чоруур. Оларда хөй-ниити ужур-дузалыг чүүлдерни чечен дыл-биле, мерген бодалдар-биле сиилбип көргүскен. «Дээди ыдыым — Айым, Хүнүм күчүлүүн» деп бир сонет ооң бадыткалы:

*Дээрде чыраан Сылдыстарның чаражын!
Дээди ыдыым — Айым, Хүнүм Күчүлүүн!
Октаргайны эргилдир-ле саарылган,
Омакшылды шаңнаан Оттуң Буянныын!*

*Тыва ышкаш чараш черге кижичи бооп,
Төрүттүнген салымымның экизин!
Дыка арыг Богда шажын өөредиин
Дөзөп алган чонумайның аас-кежиин!*

*Эне-Сайның шаалаажы өпейлээн,
Эргим, уян аялганың тааланчыын!
Ыдык, күштүг Кызыл-Тайга кызы боор
Ындыг буян чаяалгамның онзазын!*

*Ырлаксанчыг, ынаныштыг салымныг
Ыя-ла каш тыва чонум — хайырам.*

Сонет шекспир хевиринге бижиттинген: үш катрен болгаш

түңнел ийи одуруг. Бо сонет чоргаарланган сеткилдің кыпкан чалбыыжы-биле бижиттинген. Бир дугаар номчулгазындан-на сонет чер-чуртун мактаан, алгаан деп көрүп болур. Чер, чуртунуң болгаш бойдуштуң дугайында шүлүкчүнүң сеткил ханып, мөгөйишкени илереп кээр. Мында ажыглаан «*Дээди Ыдыым*», «*Ыдык күштүг*» деп эпитеттерниң дузазы-биле шүлүктүң күчүзү улам күстелип турар. Шүлүкчү боду боду-биле чугаа кылып турары бо шүлүкке онзагай аянны, лириктиг хөөннү кирип турар. Оон аңгыда мында лириктиг бодал «*Чаражын!*», «*Күчү-лүүн!*», «*Буянныын!*», «*Экизин!*», «*Аас-кежиин!*», «*Тааланчыын!*», «*Онзазын!*» дээн магадаашкыннарны илереткен сөстөрни ажыглаанындан улам дыңзып келген.

Артык Ховалыгның сонет жанрынга хөйү-биле бижип турары ооң поэтиктиг бодалының, философчу көрүжүнүң күстелип, дыңзып келгениниң түңнели болур. Маңаа критик Антон Калзаңның бижээни бир түңнели башка кирип кээр: «*Талант күжү-биле ажа халыттынмас, чүгле назы-хар дуржулгазының күжү-биле ажа халып болур — угаанның ындыг бедиктери турар*». Шүлүкчү Артык Ховалыг мерген угаанның өйүндө келгени база назы-хар дуржулгазы-биле бедиктерни ажа халыпкан ийикпе ооң поэзиязы улам чаартынып, сеткил-сагыштың янзы-бүрү өңнерин тулдур илереткилээр апарган. Ооң сонеттериниң хөй кезии үш катренден болгаш чаңгыс ийи одуругдан тургустунган хевир-биле бижиттинген, мерген угаанны сирип, ону ажыдып каарынга улам дөгүмнүг болган.

Артык Ховалыгның бижип чоруур темалары амыдыралдың аңгы-аңгы арын-шырайлары дег, хөй янзы. Чүден-даа шүүт чокка шүлүк сыптап аптары — шүлүкчүнүң чүрээниң изиг одунуң хөрлээзи. Ону шүлүкчү чамдык одуругларда мынчаар илередип турар:

*...Чуглуп келген чалгыглардан
Шүлүк дыңнап, бижип алдым.
(«Аялгадан шүлүк»).*

*...Өршээлдиг-ле Өндүр Дээрим
Өөрүшкүзүн, оожургалын
Угаан-биле, бодал-биле
Уруг бодум илип алдым...
(«Өршээлдиг-ле Өндүр дээрим»).*

Артык Ховалыгның хөөнү — тыва бойдуштуң бир хылы. Ол хылга тынар агаар — поэзия херек, ол чокта чурттап шыдавас кылдыр чаяттыңган. Ону шүлүкчү боду бир шүлүүнде шагда-ла өчүй каапкан:

*Чаңгыс сөстен
Удазыны үстүне бээр,
Чарылгыже
Ундарап кээр сеткилимни!
(«Хөөн үнү хөлчок уян»).*

Шүлүкчү поэтиктиг чуруушкун дузазы-биле бодун бир шүлүкте мынчаар көргүскен:

*Делегейниң
Азарганчыг чамы-дыр мен.
Аккан сугнуң
Дендии хензиг дамдызы мен.
(«Элезин- кум»).*

Мында бодал чоннуң көрүүшкүнү болгаш ооң философия-зынга чоок. Ындыг тода болгаш чечен бижээни шүлүкчүнүң уран-шидизиниң чогулмчалыының база бир херечизи болур.

Артык Ховалыг — арыг лирик шүлүкчү. Ооң поэзиясында тоожуушкун аяны дыңналбас, артык, тудуу сөстер көзүлбес. Артык Ховалыгның лириказы ооң сагыш-сеткилиниң байлааның, күзел-соруунуң дыңзыының илередикчизи. Ол боду тускай үнүг, тыва поэзияда туружун тыпкан мерген шүлүкчү болур. Бодунуң күзел-соруун болгаш туружун эртеги бир сонединде мынчаар илереткен:

*Бодумнуң-на көрүжүмнү илередип,
Бодум үнүм дунук-даа бол, үндүр ырлаайн.*

Ольга ДАМЧАЙ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХООМЕЯ

Восприятие — категория, обозначающая готовность и способность человека воспринимать те или иные явления, поступающие из окружающего мира стимулы. Сюда входят субкатегории: осознание — готовность или желание воспринимать, избирательное (произвольное) внимание — образует диапазон восхождение от пассивной позиции до более активного отношения к явлениям действительности.

Реагирование — категория, обозначающая активные проявления, исходящие от самого человека. На данном уровне он не только воспринимает, но и откликается на то или иное явление или внешний стимул, проявляет интерес к предмету, явлению или деятельности. Субкатегории: подчиненный отклик, добровольный отклик, удовлетворение от реагирования.(2)

Попытаемся исследовать особенности восприятия хоомея представителями других культур.

«Хоомей — феноменальное искусство народов Саяно-Алтайского культурно-исторического ареала» (3). Мы не знаем, когда родилось горловое пение. Видимо, в глубокой древности, когда тюркоязычное сообщество представляло собой суперэтнос. Персонажам героического эпоса, тувинцев, алтайцев приписывались способности петь «голосами ста птиц», пением перекрывать рев водопадов, завораживающим пением привлекать внимание и людей, и таежного зверя. Слух красавицы — дочери небесного Курбустуг-хана — услаждают сладкоголосые девушки, играющие на музыкальных инструментах, и юноши, исполняющие хоомей, дух — хозяйки Танды — влюбляется в охотника за его

прекрасное искусство горлового пения и одаривает богатой добычей.

Песенное творчество тувинцев, искусство хоомея привлекло внимание исследователей еще в конце XIX века.

В 1893 году Н. Катанов писал: «Остроумия и сатиры в сойотских песнях больше, потому что они к импровизации способные, нежели наши минусинские татары». (3)

В 1909 году этномузыковед А.В. Анохин отмечал «Из всех тюркских племен сойоты самое певучее племя... У сойот 95% поющего элемента» (3).

В газете «Минусинский листок» за 11 января 1915 года И. Сафьянов писал: «На все случаи жизни сойоты слагают песни, придумывают сказки, но ничто так не волнует их простые, возлюбленные души, как весеннее пробуждение природы. Любимые дети ее — они тогда совершенно теряют головы и поют, почти без конца. Поют о красоте своего края, о широте его степей, поют о многоводном красавце Улуг-Хеме, о горных вершинах Тану-Ола, о прекрасных цветах и дивном аромате их. Поют о птицах, о насекомых, о дикой волшебной красоте своих заповедных лесах, о белом мраморе Хаярхана... Это преклонение перед матерью всего сущего великой волшебницей — природой является могучим лейтмотивом сойотской поэзии» (3).

Когда читаешь эти строки, в воображении возникает образ исполнителя хоомея и чарующие звуки его пения.

В 1987 году американский этномузыковед профессор Теодор Левин писал: «Народные мелодии тувинцев тесно связаны с природой. В них переплелись и свист ветра, и шум вековых кедров, и журчание горных ручьев... На природе песня без слов (хоомей) звучала естественно и свободно, звуки ее таяли в голубом небе. Это была чистая и могучая мелодия гор, которая заставляла сердце ушаченно биться в груди. Я зачарован этой мелодией» (3).

Попробуем выстроить гипотезу о том, как воспринимали искусство горлового пения славяне в древности. Это были представители, живущих в условиях интернационализации всех сторон жизни, толерантных, открытых к диалогу культур.

В былинах «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» сюжет простроен на том, что прямоезжая дорога в Киев-град замуравила, заросла травой, по ней давно никто не ездит, ни зверь не пробегает,

ни птица не пролетает, так как там засело некое существо — Соловей-Разбойник и создает неудобства: никого не пропускает в стольный град. Приходится добираться до Киева окольными путями. Отличительной особенностью Соловья-Разбойника является его способность поражать все живое необыкновенным свистом:

*Засвистал Соловей по-соловьиному.
А в другой зашипел разбойник по-змеиному.
А в третьи зрявкает по-звериному... (1)*

Человеческая фантазия не может придумать ничего такого, чего не существует в природе. Значит, необыкновенный свист все-таки имел место быть еще в былинные времена. И Соловей-Разбойник — не просто плод воображения, а представитель носителей культуры необыкновенного свиста.

Мы полагаем, что Соловей-Разбойник — это степной сосед оседлых славян-кочевник. А необыкновенная способность его к чудесному свисту — искусство горлового пения.

Для жителей равнин, где текут величавые, раздольные мелодии:

*Вижу чудное приволье,
Вижу реки и поля,
Это русское приволье,
Это родина моя!*

Для них хоомей, при первичном восприятии, видимо, казался таким необычайным, устрашающим явлением, что вызывал панику, душевное волнение. Творческое воображение народа гиперболизировало эти ощущения до размеров катастрофы: от этого свиста войска замертво падают, нет от него спасения ни человеку, ни зверю, ни птице. Только герой Илья Муромец может спасти народ от этого чудовища — Соловья-Разбойника и его свиста.

Уже в XIX веке сказители эту способность к необыкновенному свисту приписали татарину — нахвальщику (Т.Иевлев, Дунай., г. 2 стр. 225; у П. Воинова, г. 3, стр. 207; у В. Тяросова, г. 3, стр. 21).

*Тут ехал татарин неверный,
Да посвистывал ен да по-змеиному,
Да покрикивал ен да по-звериному.*

Татарин — человек и ной веры, но все же человек — уже нет страха, ощущения опасности, враждебности. Свист воспринимается более спокойно, но отчуждение имеется. Пришло **осознание**

Да посвистывал ен да по-змеиному,
Да покрикивал ен да по-звериному.

Татарин — человек и ной веры, но все же человек — уже нет страха, ощущения опасности, враждебности. Свист воспринимается более спокойно, но отчуждение имеется. Пришло **осознание** явления культуры, **внимательное** отношение к нему. (2)

Некоторые сказители способность к свисту — реву стали приписывать и русским богатырям: Илья Муромцу (В. Тяросов, г.3, стр. 23.)

*Заревел-то стары казах по-звериному,
Засвистел-то стары казах по-соловьиному,
А зашипел-то стары казах по-змеиному.*

*Алеше Поповичу (А. Петров, г. 3, смтр. 86,
Засвистел де Олеша по-соловьиному,
Заревел де Олешенька по-звериному,
Зарычал же Олешенька по-туриному,
Зашипел он Олешенька по-змеиному.*

Факт механического перенесения эпизода одного сюжета в другой — здесь очевиден, но очевидно и то, что произошло **освоение** необыкновенному свиста: уже нет страха, отчуждения, враждебности. Необыкновенная способность приписана любимым героям, что свидетельствует о принятии явления иной культуры — **о реагировании**.

Освоение звуков природы, творческое осмысление, воплощение восприятия природы в мелодиях хоомей понятно всем народам, несмотря на разность культур, на разность природно-климатических условий. В этом волшебная сила искусства.

Чыны горловое пение бытует у многие тюрко-монгольских народов, постепенно завоевывая мир. На симпозиуме «Хоомей» состязаются в мастерстве исполнения горлового пения тувинцы, монголы, алтайцы, башкиры, хакасы, якуты, шведы, американцы, японцы. Интерес к хоомею представителей столь разных культур, попытка овладеть этим искусством свидетельствует о том, что горловое пение становится достоянием человечества, частью мировой художественной культуры.

Новая жизнь древнего искусства наблюдается в попытке синтеза с современностью, в использовании элементов горлового пения в современных авторских песнях.

Неизгладимое впечатление оставило исполнение хоомея американским слепым музыкантом Полом Пенем, особенно его диалог в стиле кантри с неповторимым исполнением хоомея Ондаром Конгар-оолом. Искусство сближает народы и континенты. Пол Пен ушел из жизни, а память о нем осталась.

Все чаще используют горловое пение в качестве музыкального сопровождения в танцевальном жанре. Это придает особую атмосферу загадочности, подчеркивает экспрессию танца. Это ярко выражено в творчестве танцевальных коллективов Тувы.

О восприятии хоомея европейцами говорят народные хоомейжи – носители уникального дара, хранители и пропагандисты древнего искусства тувинского народа Ховалыг Кайгал-оол, Кошкендей Игорь. Их наблюдения сходятся в том, что после исполнения номера некоторое время в зале стоит тишина, только потом, как бы очнувшись, зал взрывается аплодисментами. Тувинский же зритель начинает аплодировать, не дожидаясь окончания песни. Замечено, что европейский зритель во время концерта закрывает глаза, погружается в мир звуков.

Этот феноменальный вид искусства понятен и привлекателен тем, что истоки его в природе. Каждый воспринимает его по-своему – в этом прелесть недосказанного, что можно самому думать и постигать тайны очарования хоомея. Доктор исторических наук, профессор Н. Абаев считает хоомей космической музыкой, видом медитации, которая успокаивает, возвышает, облагораживает душу.

Видольд САПЕЛЬЦЕВ

ДВЕ ВСТРЕЧИ С МЕССИНГОМ

Когда в разговорах заходит речь о человеческой психике, мне сразу вспоминается феномен Вольфа Мессинга, его необычные способности влиять на людей, управлять ими, даже предсказывать грядущие события. Несомненно, это был один из выдающихся людей двадцатого столетия.

По счастливой случайности мне удалось дважды побывать на его сеансах и дважды пожать его руку под аплодисменты зала. Дело было так.

Ранней весной 1958 года я, студент музыкального училища города Иркутска, был на занятиях. Шел урок советской музыки.

Молодая преподаватель Ирина Юрьевна Харкиевич, кстати, первый в нашем учебном заведении кандидат наук, искусствовед, позволяла время от времени разговоры на отлеченные темы. Мы — это Тан Гребенцова, Стас Окульский и я — были уже взрослыми, ответственными, время нашего обучения уже заканчивалось, и мы тоже были не против обсудить мировые проблемы. Не могу вспомнить, кто из них троих произнес фразу:

— А завтра в филармонии выступает Вольф Мессинг.

Таня и Стас сразу объявили, что они уже билеты купили, а я стал спрашивать, кто это — Мессинг. Ирина Юрьевна с явным восхищением стала рассказывать, что она видела на выступлениях этого артиста необыкновенного жанра.

— Он может выполнить любое плжение, которое ему мысленно продиктуют. Обычно задания бывают нехитрые — отыскать в зале какого-то человека, взять у него из кармана что-то — платок, расческу, кошелек, часы. Или привести его на сцену и уже там найти нужный предмет. Все в восхищении, зал аплодирует. Но рассказывают и про очень непростые задание. Был случай, перед ним на стол на сцене положили мешок с деталями какого-то мотора. Завязали ему глаза и он, технически неграмотный, перебирая эти железки, собрал мотор. А рядом стоял автор задания и мысленно диктовал ему порядок действий.

— Вы это сами видели? — спросил Стас.

— Нет, об этом и других занимательных заданиях в начале каждого такого своеобразного концерта рассказывает его ассистент. Затем она обращается к залу и приглашает на сцену несколько человек — пять, шесть. Это — контроль, жюри. К ним поступают из зала записки с заданиями, они же наблюдают за точностью их выполнения. Потом старший в жюри зачитывает записку с заданием, исполнение которого происходило на глазах всего зала.

Это напомнило мне выступление гипнотизера, которое я когда-то видел. Тогда я был, конечно, поражен. Я был школьником и ничего о подобном не слышал.

— А гипнозом он тоже владеет? — Мне это было очень интересно.

— Да, конечно, и он это тоже демонстрирует. Ведь первый его случай, о котором всегда рассказывают, тот, с бумажкой вместо

билета в поезда и кондуктором, который этого не заметил, это и был его первый опыт гипноза. Мысленного внушения.

— Да, очень интересно. Но как попасть на этот сеанс? Очень мне захотелось.

— Что тут поделаешь? — отозвалась Ирина Юрьевна. — Такое всем интересно. Билеты давно распродано.

И тут пришла мне мысль. И, судя по всему, в голову.

— Стас, а ты билет купил?

— Давно, как только афишу увидел.

— Тогда давай сделаем так: ты даешь ему задание провести меня без билета в зал и посадить на стул на сцене.

Все засмеялись — неплохо придумано, пусть выполняет.

И урок советской музыки продолжился.

В иркутской филармонии один вход. За входной дверью — небольшой «предбанник» с окошком кассы и входом в вестибюль. Здесь мы со Стасом и встретились. Он прошел в зал, а я остался ждать «вызова». Мимо меня проходит счастливый народ, неудачники читают объявление на кассе «Все билеты проданы».

Вот уже зашли все опоздавшие. В «предбаннике» весьма прохладно — еще не весна, вечером лужи замерзают. Подмерзаю и я. Слушаю.

Шум в зале затих, доносится женский голос, хотя слов не понять. Так проходит минут пятнадцать. Холодно. Потом небольшой шум в зале опять тишина — и аплодисменты. Значит, вышел Мессинг.

Стою, жду. Время идет — я пританцовываю. Из зала последовательно доносятся звуки: голос старшего из жюри, небольшой шум, тишина, снова голос старшего — и гром аплодисментов: «Задание выполнено». Снова и снова этот цикл повторяется — раза четыре, а за мной не идут. Грустновато...

И тут снова шум, но другой — топот, гул голосов — народ повалил из зала в вестибюль.

— Это за мной, — понял я.

Дверь в вестибюль распахнулась, первым, держа Стаса за руку, стремительно вышел Мессинг, быстрым взглядом окинул помещение, цепко взял меня за левую руку, точнее, за рукав пальто. А из вестибюля народ пытается тоже выйти, посмотреть, что здесь делается. Стас и Мессинг, который буквально тащит меня, расталкивая толпу, движутся в зал мимо стоек гардероба. Везде

народ, наверное, вышли все из зала. Так троицей мы в зал и движемся: впереди Мессинг, справа от него я, слева — Стас, которого он буквально тянет за правую руку. Внезапно в конце стойки гардероба Мессинг буквально останавливается, толкает меня к прилавку и начинает одной рукой расстегивать мое пальто. Я сразу раздеваюсь, пальто и шапку хватает изумленная гардеробщица, и мы снова почти бежим в зал, на сцену. Зал шумит, все бегут по местам.

Мы стоим на сцене напротив друг друга, Мессинг левой рукой держит руку Стаса, нервно крутит головой, зачем-то снимает мои очки, потом снова их надевает (я ему помогаю). Потом резко почти бежит к жюри, у одного из мужчин из кармана пиджака достает расческу, кидается ко мне и причесывает мою волосы (скорее символически). После этого отступает на шаг, отпускает руку Стаса и весь как бы опадает, расслабляется. Все, звание выполнено. Зал притих, «Старшина» встает и читает задание.

— Мой товарищ не смог купить билет на Ваш сеанс. Прошу провести его, раздеть, причесать и посадить на сцену.

Гром аплодисментов, общий смех в зале.

Мессинг поклонился в зал и повернулся ко мне.

— Скажите, а кто это задание придумал? Вы?

— Да, это я придумал.

— Очень хорошо, оригинально, очень хорошо. — И крепко пожал мою руку своей мягкой, теплой и мускулистой рукой. Лицо его морщинистое, темное, только что напряженное, как будто успокоилось, острые глаза глядели мягко, с улыбкой. Зал аплодировал.

Мне уже поставили на сцене стул, и я, безбилетник, сидел выше всех и все видел. Было много несложных заданий, но мне запомнилось одно. Мессингу завязали глаза, ему помогли спуститься в зал, и он пошел по проходу, расставив руки. Сзади в двух шагах от Мессинга шел мужчина, мысленно направляя его движение. В середине зрительного зала Мессинг остановился, повернулся направо, пошел между рядами, пока не дотронулся до плеча юноши. Юноша встал, и на этом задание завершилось. Поязка снята, Мессинг снова на сцене, зал аплодирует.

По дороге домой Стас объяснил причину задержки.

— Понимаешь, начинать с задания члена жюри не принято — публика всегда ожидает, что все заранее спланировано и ее

обманывают. А я, ты знаешь, человек дотошный, хочу все знать из первых рук. Я в жюри и напросился. Пришлось подождать, пока моя очередь подойдет.

— А как ты ему надиктовал задание?

— Вот тут вышла загвоздка. Я встал перед Мессингом, он взял меня за правую руку левой и я начал мысленно читать текст моей записки: «Мой товарищ не смог купить билет», ну и так далее. Мессинг начал суетиться, двигает мою руку в разные стороны, но не понимает, что я хочу. Тогда его ассистентка, догадавшись в чем дело, говорит мне:

— Сосредоточьтесь, думайте о том, что надо делать, что делать надо.

— Я понял, что должен приказывать (или внушать) ему действие — идти к выходу. И Мессинг сразу потянул меня за руку в сторону вестибюля, он буквально потащил меня за собой. Так я диктовал ему все последующие действия, и все пошло как надо. Заминка вышла с расческой. Я диктую — надо его, то есть тебя причесать, вот он и засуетился, очки снял, надел. А сперва надо было отыскать расческу. Как только я себя это представил в **ДЕЙСТВИИ**, он снова увлек меня к члену жюри с расческой. Остальное ты видел.

Оказывается, надо представлять и диктовать ему **ДЕЙСТВИЕ**, направление **ДЕЙСТВИЯ**. Уже позднее мне стал известен принцип такого «чтения мыслей» Мессингом. Идеомоторный акт — так называется почти незаметное мышечное движение руки человека в ответ на мысленный образ. Мессинг очень тонко улавливает **НАПРАВЛЕНИЕ** движения, которое ему «указывает» взятый за руку человек. При этом он сам мелкими суетливыми движениями как будто сбивает руку с нужного направления, чувствует сопротивление этим «провокациям» и уверенно увлекает, буквально тащит за руку диктующего задание. Остановка, поворот, движение руки вверх, вниз — все это Мессинг легко различает в этой нарочито торопливой сумме движений. Так же по руке он читает о своих ошибочных действиях и сразу находит верные решения. И все благодаря созданию эффекта нервной, якобы беспорядочной суеты.

Прошли годы. Окончено консерватория. Параллельно пришло увлечение медициной: иглоукалывание, внушение,

самовнушение, даже гипноз. Увлекательные дела, скажу я вам! Когда видишь конкретные результаты, подчас на уровне чуда, как же это поднимает дух! Но... это уже другая история.

Летом 1972 года я был в Иркутске и снова увидел афишу о гастролях Вольфа Мессинга. Встретился со Стасом — и вот мы снова в зале филармонии. В этот раз публики было меньше, были свободные места, и мы скромно сели в последних рядах.

Все шло по традиционной схеме: выступление ассистентки, выбор жюри. Задания — исполнения. И где-то в середине представления Вольф Григорьевич, обращаясь к залу, сказал:

— Когда я в прошлый раз выступал в вашем городе, мне было дано задание провести на мой сеанс человека, который не смог купить билет. Если сегодня этот человек находится в зале, я прошу его подняться на сцену.

Это было неожиданно для меня. Стас начал подталкивать меня:

— Иди, тебя же приглашают.

И я пошел к сцене через весь зал. Народ поднимается мест, смотрит.

На сцене Мессинг пошел мне навстречу, с улыбкой протянул руку с крепким рукопожатием.

— Еще раз спасибо за оригинальное задание. Когда же это было? — Четырнадцать лет назад.

— Нет, это было тринадцать лет назад, — возразил с улыбкой Вольф Григорьевич.

— Может быть, я ошибаюсь, — не стал я спорить.

Мессинг широким жестом руки представил меня залу. Я поклонился. (аплодисменты). Мы еще раз пожали друг другу руки, и я под аплодисменты спустился в зал. Сеанс чудес продолжился.

В этот раз Мессинг показался мне усталым. В глазах не было той привычной пронзительной остроты. Ему было уже много лет. Прожита жизнь, которая сегодня видится как большое приключение, как игра, в которой участник часто становится жертвой. Изнурительная концертная жизнь, наконец, загадка своего собственного феномена, которая мучила его всю жизнь — все это можно было бы прочитать в его облике. Так я понимаю сегодня. Тогда не просто старый усталый человек, живущий силой своего духа и необыкновенного дарования.

ОМАР ХАЙЯМ И ТРАДИЦИИ РУБАИ

Чем было рубаи до Хайяма? Интересный вопрос. Представляя собой одну из древнейших форм персидской поэзии, оно пришло в литературу из устного народного творчества. Рубаи (иначе его называют таране) до сих пор является распространенной формой фольклорной поэзии в Иране, Афганистане, Средней Азии. В фольклоре Рубаи или таране — это любовный куплет, исполняемый от лица юноши или девушки. Вот четверостишие, записанное в Ширазе в середине нашего века:

*Два яблока, два апельсина пошлю тебе,
И две граната в цвет рубина пошлю тебе
А если буду знать наверно, что держишь слово,
И сердце собственное выну, пошлю тебе.*

Встречаются также «профессиональные» таране, слагаемые и передаваемые погонщиками караванов, длительное время странствующими вдали от дома (в тувинском фольклоре — это похоже на песню караванщиков, «чи! сийрт!кчулерини! ыры»). Эти стихи называются «чужбинными» (гариби). Имеют свой устойчивый круг лирических тем, главным образом «разлучных». Часто четверостишия, бытующие устно складывались в большие тематические циклы, которые исполнялись под музыку как песни.

Еще одно четверостишие совершенно в духе Хайяма:

*Ты спяну уронил кубшин вчера из рук
О камень рухнувшись, заговорил он вдруг:
Стал грудой черепков в единый миг, хоть я
Таким же, как и ты, был только что, мой друг.*

Приведенный пример свидетельствует о том, что рубаи Хайяма благодаря быстроте устного распространения стали популярными и вызвали массу подражаний еще при его жизни. Именно это и способствовало возникновению такого литературного явления, как «странствующие» четверостишия. На столь редкий в письменной авторской литературе феномен обратил внимание один из первых русских переводчиков поэт В.А. Жуковский. Он

обнаружил большую группу четверостиший, включаемых средневековыми переписчиками не только в «Рубайят», но и в собрания других поэтов. Таким образом, очертить реальные границы творчества самого Хайяма с помощью апробированных методов текстологического анализа оказалось невозможным. Но, тем не менее, специалисты не оставляют попыток выделить подлинное авторское ядро «Рубайят». И все же есть во всем тематическом и жанровом разногласии, объединенном именем Хайяма, довольно узкий круг четверостиший, изумляющих своей логической точностью, философской весомостью и дерзкой иронией. В этих стихах поэтический почерк Хайяма, крамольного философа, скептика и богоборца, неповторим и узнаваем. Эти стихи - спор с Богом о разумности и справедливости мироустройства, спор, который бесстрашный ученый, вечно сомневающийся и бунтующий, вел всю свою жизнь. Хайям насыщает народную песенную форму не свойственными ей ранее темами рефлексивной лирики, характерными для иных видов поэзии. Например, размышления Хайяма о «тайной нити в основе творения», где слышим муки сомнения, которые передаются и нам: может быть и нам тоже суждено постигнуть тайну мироздания и сущность бытия:

*Где эти люди, мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как суетловили много о сущности бога,
Весь свой век бородами трясли - и бесследно ушли...*

Любознательный поэт всегда стремился проникнуть в суть вещей, изучал логику, естественные науки, очень увлекался астрономией, геометрией и алгеброй, а также богословскими науками. У Хайяма великий ум и прекрасная память.

Свои наблюдения, сомнения и другие размышления он любил выражать в форме рубаи:

*То, что Бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, взаймы не прося.*

*Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.*

*С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.*

*От безбожья до Бога — мгновенье одно!
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!*

*Жизнь — мираж. Тем не менее — радостным будь.
В страсти и опьянении — радостным будь.
Ты мгновенье жил — и тебя уже нет.
Но хоть бы на мгновение — радостным будь!*

*Мы — источник веселья — и скорби рудник,
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек — словно в зеркале мир, — многолик,
Он ничтожен — и он же велик.*

*Мы попали в сей мир, как в силос — воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нет и дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.*

*Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей — будь счастлив теперь!*

*Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они — рабы имен. Составь себе лишь имя,
И ползать пред тобой любой из них готов.*

*Когда я молод был, все тайны бытия
Казалось, я раскрыл. Ах, ошибался я!*

*Мне разум говорит: «Ты ничего не понял,
Бесплодной и пустой прошла вся жизнь твоя».*

*Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны — то кто бракодел?*

*Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца.
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.*

*На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути
Мы худо действуем, а ты нас злом караешь
Меж нами и Тобой различья нет почти.*

*Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.*

*О, как безжалостен круговорот времен!
Им ни один из узлов не разрешен.
Но сердце чьем-нибудь едва заметив рану,
Уж рану новую ему готовит он.*

*Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль,
Юность — птица: не помню когда прилетела,
И когда унеслась, легкокрылая, вдаль...*

Рубаи Хайяма в таком же духе можно цитировать и еще и еще... А ведь Хайям не был единственным поэтом, задававшим Богу, себе, небу такие мучительные вопросы. Но он был первооткрывателем этой темы в рубаи, освоив крошечное замкнутое пространство четырех строк для разговора с Богом о месте человека во Вселенной. Опираясь на свой острый и аналитический ум, используя опыт фольклорного и литературного красноречия, он создал удивительно гибкую жанровую форму, способную вместить глубины философской мысли. Язвительность автора скептический склад его ума способствовали тому, что в образном арсенале рефлексивной лирики попадались и «чужеродные», четверодущие, более свойственные жанру пасквиля и осмеяния. В персидской классической поэзии чрезвычайно устойчивой была традиция афористической мудрости: многие поколения поэтов трудились над созданием ярких, запоминающихся и емких словесных формул «на все случаи жизни», часть которых становилась пословицами и крылатыми выражениями, обретая вечную жизнь в устной передаче. Традиционная рубаи - это размышления поэта (певца) о смысле жизни, человеческих пороках и добродетелях. В этих жемчужинах поэзии сочетается глубина, мудрость и отточенность формы.

Мария ХАДАХАНЭ

КЛОЧОК ШЕРСТИ

Жили-были старик и старуха. Не было у них ни скота, ни детей. Принес старик дрова на спине и говорит жене:

— Плохо без коня приходится дрова на себе таскать. Был бы конь — погрузил. Соберем-ка клочки шерсти с караганника да кобылу купим.

Обрадовалась старуха:

— Я на этой кобыле в гости буду ездить. Давай с утра шерсть будем собирать.

— Когда эта кобыла принесет жеребенка, тогда на ней и покатаемся. А если ездить на жеребой кобыле, повредим жеребенку. Иди сама собирай шерсть, а я не буду, — рассердился старик.

— Если мне на той кобыле не кататься, я тоже не буду клочки собирать.

Так они перепирались целый день, не уступая.

Проезжал старик-сосед верхом на кобыле, а за ней жеребенок скакал. Раньше не было ее у старика.

— Где ты взял кобылу с жеребенком, сосед?

— Собрал клочки шерсти с караганника и купил. А кобыла была жеребая.

Тут старик со старухой побежали в степь. А только ни одного клочка шерсти на караганнике не нашли — кто-то уже все собрал.

МАНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
(рассказец)

— Что это за тобой слежку устроили?— спросила меня женщина, живущая на нашей улице, через дорогу. — Уж до того оно заметно!..

— Ну так.. не актеры же!— с досадой бросила я и одновременно обрадовалась: «Значит, не мне одной мерешится...» А что, ведь убеждали меня в обратном: «Кажется, тебе все это, милая! Не обращай внимания...»

Разговорились как-то две мои соседки о том, что у нас во дворе сараи начисто опустошаются. Одна из них потом на меня указала:

— Ей вот окна фонарями высвечивают по ночам...

— «Та-ак — подумала,—не одну меня бессонница может посетить, когда волей-неволей захочется окно раскрыть, на звездное небо посмотреть и подышать свежим воздухом...» Но откуда вора́м знать, что вовсе не из-за них мне не спится, ведь я не слышу отдаленных, каких бы то ни было, звуков?! Созерцание ночного мира—это же не преднамеренное наблюдение за ними!..» Потому и следили, видно, за мной, а за ними — другие, кто ради интереса, кто по долгу службы.

Однажды выхожу из дому—а, ставших уже привычными для меня, «клопов»-то и нет (это я выразилась так со злости, чтобы дошло до ушей преследователей: «Ну во-от, зашевелились опять клопы!..»).

Должно быть, холодно уже стало часами стоять «на посту» моим младовозрастным «шпи́кам». А из старших, говорят, посадили уже кое-кого. Сама-то я не в курсе всего, а проинформирована опять же соседями.

От собственной «мании преследования» избавилась тут же, как узнала, что «обчищены» сараи в нашем дворе (а у меня его и не было никогда, то есть сарая). И подумала: «Теперь сами воры заболеют ею». Так оно и было.

Были дедушки Хоорээра сродни фантастическим рассказам известного героя — барона Мюнхгаузена. Но необычайные ситуации, в которых оказывается Хоорээр и из которых он всегда выходит достойно, полны тувинского национального колорита.

ОБУЗДАЛ МАРАЛА

В молодости у меня была такая болезнь, паренек: мне постоянно хотелось бродить по тайге, плыть на салике по бурливым таежным речушкам. Наверное, я не мог бы и дня прожить без этого. Вокруг меня на сотни километров не было таежных дебрей, где бы я не был и которые бы не знал, как свои пять пальцев.

Моя любовь к тайге была взаимной: она относилась ко мне милосердно. Я гордился несметными богатствами и дарами тайги, как своею собственностью.

... Тогда, кажется, было лето, самый разгар его. Я пришел в местечко Балдырган, что в верховье Чаа-Холя. Ты, сынок, наверное, видел солонцы на южной его стороне? Кто только не приходит туда: и маралы, и медведи, и косули — вся живность тайги, словом.

Был яркий солнечный день. Проходя мимо этих солонцов, я заметил спину какого-то зверя — не то марала, не то косули. Головы не видно: зверь, вероятно, облизывал солонцы.

С собой у меня не было ни ружья, ни ножа, потому что не для охоты я шел сюда. Но мое охотничье сердце так и взывало — не пропусти добычу! Я подкрался к ней — и хват за обе ноги! Честно признаться, такого могучего зверя никогда не встречал. Уж на что я сильный, а этот зверь меня, как пушинку, поволок по земле, и не считал я, сколько раз поднимался с земли до неба и

опускался обратно. Долго мы так возились, а потом чувствую, противник мой начинает уставать. Но и у меня колени трясутся, словно прутик в струях быстрой речушки, пот ливнем льется по спине.

Тут взглянул я внимательно на своего противника. Им оказался огромный — с гору! — марал. Охнул я: как только смел на него напасть с голыми руками?!

Однако быстро сообразил, что делать: развязал аркан, что с собой всегда носил, заарканил марала и привел его домой.

Целый месяц я ухаживал за ним. Он привык ко мне, мы стали друзьями. Но марал часто смотрел печальными глазами на тайгу, откуда я привел его, иногда даже из его глаз скатывалась слеза. И мне стало жаль: скучает зверь по родному таежному простору. Может, его маралиха ждала, кто знает...

Я отпустил его на волю.

С УТЕСА

Чего мне, старику, за свою долгую жизнь не приходилось видеть! Если встану — высок, если схвачу — силен. Таков я был. Слава моя гремела по арбанам и сумонам, был я и добрым охотником, и чабаном. И вообще говоря, смерти я не боялся.

Раньше как-то ходил по орехи в тайгу в верховьях Чаа-Холя. Молод был тогда, силен: мешок наполнял кедровыми шишками так быстро, что и чаю сварить не успеешь. Сижу как-то раз спокойненько на вершине высоченного утеса и курю. Отдав-шись думам, не замечаю ничего вокруг.

Вдруг слышу рычание какого-то зверя. В одно мгновение вскочил с места. Гляжу, в каких-то двух шагах от меня огромный медведь, похожий на вывороченные корни старого тополя, стоит на задних лапах, вот-вот подомнет меня. Я прямо остолбенел:

мед-ведь, если уж он напал на чело-века, бывает жесток и неумолим. Не было у меня при себе ни ружья, ни ножа. Все же жить-то мне еще не надоело. Хотел было увернуться, но куда там — угодил прямо в лапы медведя! Ты представляешь, сынок, что значит находиться в лапах самого хозяина тайги! Хотя откуда, конечно, тебе знать это.

Затрещали мои кости! Но и у медведя кости похрустывали от моих объятий. Нелегко было, видимо, меня побороть, тогда он захотел сбросить с утеса. Мысль человека срабатывает мгновенно, и я решил, что нельзя оставлять без наказания этого наглеца.

Медведю все же удалось столкнуть меня, но я успел схватить его за лапу, и с утеса мы полетели вдвоем. Поскольку медведь в несколько раз тяжелее, он обогнал меня и был уже далеко впереди. Между тем я заметил, что за мной летит моя трубка. Я схватил ее на лету — и за голенище. Потом заметил, что в ладонях у меня что-то зажато: три орешка! Я успел пощелкать их. Когда упал на землю, сперва не мог вздохнуть. Пришел в себя и вижу: медведь лежит подо мной. Оказывается, я упал прямо на него. Прорычал несколько раз медведь и издох.

В подобных случаях главное — не падать духом.

СЛУЧАЙНО

Если говорить, положи руку ни сердце, то современная молодежь иногда меня удивляет: вырастет парень настолько, чтоб поднять руку с пустым ветром, и начинает увлекаться аракой. Потом валяется в самом непотребном виде, дерется. А я вот, сам видишь, сынок, какой старый, а до сих пор спиртного в рот не брал.

Вернее, было однажды, когда я выпил, но это просто случайно получилось.

Как-то вернулся с нашего зимника, где чинил кошару. В конце лета ночи темные — хоть глаз выколи. Хозяйка уже спала, поэтому я решил сам себя накормить. Насыпал в чашку тары, налил из большой бутылки молока, стал есть. Мне показалось, что это — не молоко, а кумыс. Я обрадовался: с детства любил хойтпак. Решил, что жена хотела угостить и приготовила его для меня. Съел тару и запил остатками кумыса. Потом... началось: голова кружится, все нутро жжет, в глазах плывет. Несмотря на это, настроение у меня поднялось, стало весело.

Обычно при людях я стеснялся петь, чаще мурлыкал про себя, а тут меня разобрало: во все горло запел свою любимую песенку:

О чем, шон-шон,
Я думаю, ден-ден,
Откуда знать, оой-оой,
Моим друзьям, шуу-шуу!

Хозяйка проснулась:

— Ты что это среди ночи разорался?

— Что такое... ста-старушка? — ответил я непослушным языком, который перестал мне подчиняться.

Жена перепугалась. Вскочила с постели и сразу — за бутылку.

Оказывается, родственник мой, проезжавший мимо, оставил мне полбутылки «Шампанского».

Назавтра голова чуть было не расколослась на части, рвало меня так, что, казалось, все нутро выворотило наружу.

С тех пор как пьяного увижу, становится тошно от одного его вида.

КОНЬ С ТЕЛЕГОЙ

Как-то проходил я мимо байского аала. Вижу, трое здоровенных парней сидят возле юрты и греют на солнце голые животы. Увидев меня, они в один голос стали кричать:

— Э-эй, Хоорээр, иди-ка сюда!

Я в сердцах обругал этих бездельников, что надумали мешать путнику, но направился к ним.

— Соври что-нибудь. И вообще, ты умеешь обманывать? — спрашивают у меня.

— Не знаю, — отвечаю.

Они о чем-то пошептались между собой и говорят:

— Если ты сумеешь нас обмануть так, чтобы мы втроем оказались на вершине вон той горы, то дадим тебе этого вот коня с телегой. Ну, а если у тебя не получится, то заработаешь по десять ударов кнутом от каждого из нас! — И так расхохотались, словно великую мудрость изрекли.

Я согласился с ними, стою и думаю. Покачал головой и говорю им:

— Ээ, братцы, давайте наоборот: не в гору вас обману, а с горы, идет?

Бездельники согласились и живо побежали. Когда они достигли вершины горы, я спокойненько сел на телегу и поехал.

— Ээй, Хоорээр, ты почему коня с телегой угоняешь? — кричат те с горы.

— Вы же сами просили, чтобы я вас обманул. В следующий раз будете умнее! — ответил я им и поехал домой.

Если бы не заставил на гору подняться, то как бы я исхлестан был, а, паренек?

*Москваның А.М. Горький аттыг литература институтунуң
дээди курстарына кандидат БЕЛЕК-БАЙЫР НУРЗАТТЫҢ
шүлүктери.*

ПЛАЧ ОБ ИНОХОДЦЕ АЯН-КУЛА

На снегу лежишь, стройный мой иноходец саврасый.
Твои сильные крепкие ноги бьются в паутине кровавой.
О Аян-Кула, горе мне.
Горе.

Гнали вора. Стремительно и неукротимо,
Словно снежный буран под свинцовыми пулями шел ты,
А теперь лежишь не снегу, и печень чернеет от горя,
О Аян-Кула, горе мне.
Горе.

Мне бы слуха лишиться, чтоб не слышать
твоего человеческого стона.
Мне бы зренья лишиться, чтоб не видеть
твою перебитую ногу.
Мне бы сердца лишиться, чтоб не знать о судьбе
твоей скорой.
О Аян-Кула, горе мне.
Горе.

Богатырь мой бесстрашный,
Жеребенок мой маленький,
Друг мой несчастный.

Я тебя провожу с благодарностью, провожу тебя лаской.
Норов твой не годится для медленной жизни калеки,
Иноходец мой гордый — я сам одарю тебя смертью.
О Аян-Кула, горе мне.
Горе.

Справят той твой последний люди в юртах родного аала.
Крепким чаем запьют вареное сочное мясо.
Чтоб достойно тебя проводить, в путь высокий
отправлюсь —
Вознесу твою голову на лиственницу перевала.
О Аян-Кула, горе мне.
Горе.

*Авторизованный перевод
Черлиг-оола Куулара и Инны Принцевой.*

ЗИМНЯЯ ШУТКА

На машине, споря с ветром,
Мчусь по снежному асфальту,
По Саянским перевалам —
Ждут друзья и ждут дела.

На одном из поворотов,
не успел моргнуть я глазом —
заяц выскочил из леса!

Прыгнул прямо под колеса —
Хорошо, что у машины
Не подводят тормоза!

Напугал меня до смерти
Белый заяц — и упрыгал,
Нет — ушел неторопливо,
Постепенно растворился
Средь деревьев и снегов...
Я ж остался на дороге,
Весь покрытый белым инеем,
Радуясь, что белый заяц
Жив, неробок и здоров.

И, вздохнув от облегченья,
Я взглянул в ночное небо,
Где каталась в снежных тучах
Ярко-желтая луна.
И на миг мне показалась,
Будто ярче засветила
И на снежную дорогу
Будто лунную дорожку
Протянула вдруг она.

Вот ведь радость —
Жив мой заяц!
Он не сгинул в темноте!
Он нашел свою тропинку,
Потому что лес бескрайний,
Все звериные дорожки
И людские наши тропы
Освещает темной ночью
Ярко-желтая луна.

Перевод Инны Принцевой.

АЛГАП ЧОР БИС

Ырлаар-хааржак ойнап келди, хөңнүм частып,
Ында хөгжүм, чараш ырны таалап дыңнап,
Чаа-ла душчуп, ынакшыжып турганывыс
Сагындырып, сагыжымче моорлап келди.

Сени ынчан чыыра тыртып куспактапкаш,
Аянныг чааш, эргим, чараш болганыңдан
Четчип бышкан кызыл-кат дег эрниң ошкап,
Аажок чассып, мага ханып таалап турдум.

Сен дег мени кым-даа ынчаар эргелетпээн.
Мен дег сени кым-даа ынчаар чассытпаан боор.
Медерелди оскунуп аар чыгыы кылдыр
Сеткиливис ханызыңдан чассышкан бис.

Сагыжымны өпейлепкен ыры төнүп,
Чаагай эргим сактыышкынны үзе кирди.
Ынчалза-даа бистер ийи ынакшылды,
Ырыда дег, ам-даа алгап ханмайн чор бис.

* * *

Хөлечик-даа эвес мен ийин,
Өскээр билип албайн көрүңер.
Хөреңгилиг төрелимге
Өмүнээмден дузам-дыр ийин.

Дуза дилээн үем турган,
Соң даартагы хүннү бодаайн.
Турам-биле төрелимге
Човавайн ажылдап берейн.

* * *

Ишти-хөңнүм ээнзиргей,
Илип алыр бодал-даа чок.
Дазырткайнып кыпкан оттуң
Даажын дыңнап, муңгаш ор мен.

Сеткилимнің тырткыыш, дээгин
Чеже тыртып ажытсымза,
Бодалдарым, канчап билир,
Боошкунундан хосталырын.

Суугуда кыпкан оттан
Өөм ишти чылып келди.
Өргээм болур хөңнүм эжи
Чулчургайым чым сырт кылды.

Сеткилимнің тырткыыш, дээги
Адырлы-даа берген ышкаш.
Ажыттыңган өргээмден боор
Сериин сырын ужуп үндү.

Дазырткайнып кыпкан оттуң
Даажы мени сергедипти.
Сериин сырын — бодалдарым
Сеткилимден чалгын херди.

Өргээм болур хөңнүмөйдөн
Чараш шүлүк бодарады.
Шайым, чемим үндезини —
Өөмде одум хып-ла турзун.

* * *

Кышкы эртен дүннү өттүр үнүп келгеш,
Кыпкан дең дег, черни дески чырыдыпкан
Хүннүң чашкан херелинден булут саарлып,
Дүжүп баткан сылдыстар дег, ак хар чагды.

Кааң аяс, бүргег-даа эвес хирезинде,
Кылаңнажып тоглап баткан сылдыстар дег,
Хыраа харны чарашсынып элдепсинип,
Карактарым чылчырыктап көрүп тур мен.

Чаа үнген чылдың аяс хүнүндө бо
Чайынналып оожум баткан харны дозуп,
Бурган башкы бисче ыткан белээ боор деп,
Булуттуг дээр адаанда мен өөрүп тур мен.

* * *

Буруулуг мен.
Буруумну мен долу-бүрүн
Хүлээп тур мен.
Күжүр бодум хайзы бастым,
Канчаптар мен.
Хаайым ажып, муңгак ор мен.

* * *

Ырмам сынды, бүзүрелим оңду,
Ыыттаар сөс чер тыппас-тыр мен шынап.
Кандыг кончуг кижги боор сен берге,
Хамык бодум шылай бердим, анчыын.

«Ам-на даарта болзун аа» — деп сөглээш,
Анаа ыыг чок чиде бээр сен, элдеп.
Аамайзып артып калган мээң-даа
Ажыл-ижим саадай берди, кончуун.

Даарталап-ла сөглээн сөзүң дизии
Бүдүн айга чедир шөйлү берди.
Таанда чүгө ынча дыка мегелээр сен,
Бүзүрелим сеңээ ылап оңду.

Чөгенип-даа турзумза, сээ сүмем:
Дуза дилеп келген кижээ аазааш,
Тудуп кылган ажылыңны күүсет,
Сөзүң бергеш, адың сыкпа, өңнүк.

Азарганчыг ачы-үре
Авазының хырнынга

Төрүттүнер хүнүнге дээр
Төл бооп чоорту ботталыр.

Тыны биле ханы тудуш
Төлүн ие — ачы-үрезин
Дыш чок тос ай тургузунда
Доруктуруп аадып чоруур.

Азарганчыг үрезини
Ынай чаш бооп хууларга,
Ыглап, човууртап күжүр ие
Аарып хилеп божуп алыр.

Хензиг үрен төрүттүнгеш,
Өртемчейге чырык көрүп,
Өзүм ышкаш өрү чүткүп,
Херлип-шөйлүп, доругуп кээр.

Ийи кижиги үрезин
Хини-биле тудуштуруп,
Кижиги кылдыр бодараткан
Иевиске ынак болуул.

Оларларның ачызында
Аяс дээрни дээвиір кылып,
Алдын хүнге дөгеленип,
Олбук черде чурттап чор бис.

ИЛИП ААР МЕН

«Ажылыңны баштай кылып калзыңза» — деп,
Авазының химиренип шыжыкканын
Сагыжымда чедип келген бодалымче
Чардыгар дээш, херекке-даа албайн баар мен.

Ишти-хөңнүм сагыжымны дүвүредип,
Угаанымче аалдап келген бодалдарны

Уттундуруп читпейн турда, сөстөр-биле
Илип-кожуп алзымза дээш, оруптар мен.

Уругларым авазы-даа ону билгеш,
Ажылымга шаптык болбайн, ыыды чидер.
Аалчы болуп, менде келген бодалдарны,
Угулза дег, саазын долдур илип аар мен.

Сагыш-хөңнүм илереткен шүлүүм дооскаш,
Эртине тып алган ышкаш аажок өөрүп,
Эң-не баштай кадайымга номчуп бээр мен,
Чайгаар бодум сорук кирип, амыраар мен.

* * *

Аай-дедир көжүп-шимчээн хайым чоннуң
Шырайлары шириин, муңгак, ажынган дег.
Шыланчыг-дыр — көргөш безин коргар-дыр мен.
Амыдырал байдалының хайы ол бе?

Ам бо шагда кижилерниң каржы, доңгун,
Аразында хайыра чок апарганын.
Хензиг эпчок байдал тыптып келирге-ле,
Хербектешкен калчаа ыттар сагындырар.

Аажызы хей шак бо берге үе-шагның
Аас-кежик дүлгүүрүн тып ажыдыпкаш,
Дүгдүнүпкен шырайларга алдын хүн дег,
Хүлүмзүрүг, өөрүшкүден сөңнезимзе.

Ам бо шагда кижилерниң каржы, доңгун,
Аразында хайыра чок апарганын...

ТОС-КАРААМ

Сүттүг шайым дээжизин
Өрү дээрде бурганымга
Чүдүп-тейлеп чалбаргаштың,
Өргүп чажар тос-караам.

Тос-караамдан чаштаан шайым
Бурганнарга чедир ушсун.
Булуттуг дээр адаанда бис
Тодуг-догаа, менди чоруул.

Арат чонга буян сөңнээр
Артыш сывы, дазылындан
Суйбап тудуп, чазап алган
Сураглыг эт – тос-караам.

КАРАК ЧИВЕШ АРАЗЫНДА...

Хайлыг бачыт болур дээнде, черле хей-дир.
Карак чивеш аразында «чык-дарс» дээн.
Чычааныңның караа бузук, шилдер тоглаан,
Сыдырылгаш, хаайы санчок мылчырылган.

Кезек када аймай берген алаң кайгап,
Канчаптар-даа аайын тыппайн көрүп ор сен.
Ыш-бус бурулаан, муңгаралдан хөңнүң аарып,
Ыглаар чыгыы кайгап тур сен, канчаптар боор.

Харам чокка деринни төп күженгештиң,
Акшаны чыып, шыгжап тургаш, садып алган
Кайгамчыктыг кылаң хөлгең харааданчыын.
Алгаш дораан үстүрүптүң, эх, кончуун...

Каалама дески кара орукка-даа
Халдып орда, чаагай-ла ийин, ыңчалза-даа
Багай чүве болур дээнде, хензиг када.
Бажың халаш дээри безин мыя мында...

ХАРЫ КИЖИ

Хөңнү чымчак танывазым хары киж
Сээң-биле харылзажып чугаалашкаш,
Хөөннешкен аялга дег, таарзынганым,
Четтиргеним илередип, хүлүмзүрдүм.

Сенден үнген бир-ле чылыг, эргим күштен
Сеткил-хөңнүм чымчап, хоюгуп таалаан-даа дег.
Кандыг кончуг чараш чаңныг кижиге боор сен,
Катап-катап үнүң дыңнап, хөөрөп турза.

Хары кижиге, шупту улус сени дөзөп,
Кайгамчыктыг болур болза, ханывыста
Кайы шагдан хоран болуп хайнып чоруур
Кара сагыш бистен арлып, эстип каар боор.

Хары бодуң кандыг эргим кижиге боор сен,
Катап-катап үнүң дыңнап, хөөрөп турза.

СООК ХАРДА ЭЗИМ ДОЛДУР...

О богда, кудай-дээрим, канчап бардың?
Орлан-шоваа сылдыстарың караңгыда
Аажок чидиг кылаңайнчып, дыңзыг соогун
Ажыңадыр согун-биле аткан дег-дир.

Дайын чарлап, черде бисче халдаан-даа дег,
Дазырадыр аткан соогун улам киткеп,
Хүнден хүнче оккур болуп, дыңзып-ла тур.
Хүрээленгеш, камгаланып чыннып тур бис.

О богда, кудай-дээрим, канчап бардың?
Ожургап көр, өршээл дилеп чалбардывыс.
Дыңзыг соогун оккур оък дег согуннарын
Тыртып-тыртып, бисче углай салбайн көр.

О богда, кудай-дээрим, элик, хүлбүс
Соок харда эзим долдур алгырып тур.

КӨВҮРҮҮҢ ЧАА!

Мөөрөп-хайнып агып чыдар
Хоомай эвес терең Эрзин,
Моорлап келген чонуң уткуур
Көвүрүүң чаа, чоргаар-дыр сен.

Хөгжүлдениң күчү-күжүн
Көвүрүүң бо бадыткап тур.
Эрзин хемим, чоргаарланып,
Эрес чалгыың шулурай-дыр.

Аалдап келген улус безин
Чаа чараш көвүрүүңнү
Аянзынып мага ханып,
Сагыш өөрүп көрүп эртер.

Сени кежир чаптылыпкан,
Сеткилге киир эки кылган
Көвүрүүңнү топтап көргөш,
Хөңнүм өөрүп, амырадым!

Эрзин хемим, ол-бо чарык
Эриктериң тудуштурган
Коя-чараш көвүрүглүг,
Хоомай эвес, сүрлүг-дүр сен.

АРЫГ СУГНУҢ ДҮВҮНДЕ САЙ ДАЖЫ ДЕГ...

Баштайгы мээң амыдырал-чуртталгам
Аайлашпайн барганы дээш, муңгаралдан
Агып баткан караам чажы ажыг сугже
Багай хөңнүм дүлнүп дүже бээр часкан.

Муңгаралга бектеткештиң, сузум хадып,
Авазынга хостурган чаш хураган дег,
Арбын чонум аразынга өскүссүрөп,
Мугулай бооп, кээргенчигге санаткан мен.

Саваажок бак бужар эндег кылбаан-даа бол,
Таныыр улус таваржырга, дужуп чадап,
Сагыш-хөңнүм хейде човап, түрөп-хилеп,
Чазыг кылган кижиде даа дег, чаштып чордум.

Мегелеткеш, бүзүрелим оңган меңээ
Салым-чолум ийи дугаар тыныжы бооп,
Чайгаар келген ынакшылдан тынгарылгаш,
Менди-чаагай амыдырап эгелээн мен.

Ийи дугаар амыдырал туткан дижип,
Эрткен үем коптарбаңар эжим-өөрүм.
Эр мээң хөңнүм балыглавайн, өршээп көргөр.
Ийи дугаар хөөкүй эжим муңгарай бээр.

Салымымның кандыг болуп аайлашканын
Чажыргаш чоор, таныыр чонум шупту билир.
Арыг сугда сай-даштары кандыг ийик,
Амыдыралым шак ындыг көскү ийин.

* * *

Аа богда, коргуп, ыядып, дүвүреве,
Хамык улус сени соора билбейн барбас.
Нарын, берге, шыңгыың черле аажок ийик,
Анчыгзынма, хир-чам сеңээ боравас мен.

Бодум буруум сенче чууй каап семевес мен.
«Богум, чудум» мээңии-дир деп бадыткап каайн.
Кайын сени тамыдыва чыгай бээр мен,
Халактава, адың-сывың арыг, акым.

Чоннуң караа көскү болгаш, шынчы болбайн.
Сеңээ кым-даа бүзүревейн барбас ийин.
Сезинмейн көр, сени кым-даа бактавас боор,
Чоргаар сының эглиш дивес, кортпайн көр.

Канчап билир, чамдык улус соора билзе,
Белиңневе, арның кызып дүвүребе.
«Мээң багым, буруум-дур» деп бадыткаар мен.
Халап-тыр оң, эмин эрттир арыг боорга.

ЧЫЛЫЙ БЕРДИ

Каржыланып чаңнап келген
Чыккылама кончуг соокту,
Харын саарып, кудай-дээрим
Чымчадыр чаап чавырыпты.

Дендеп турган чывар-соокту
Дээрден баткан маңган ак хар
Черже сиңир хөмген-даа дег,
Черле чүгээр чылый берди.

СООК-ЛА СООК

Март ай шагда келген-даа бол, чылыыр хөөн чок.
Магаданчыг часты манаан улус-ла хөй.
Соок кыш элдеп, солчур өйү келген-даа бол,
Чоруксавайн, халашпайн туруп берди.

Чылыыр туржук, хүнден хүнче соок дыңзып,
Чылыг частың үлүүн былаап канчаары ол?
Кижиге туржук, амытаннар, ыт-куш безин,
Хилеп-човап, шылаан дег-дир, сооктуң анчыын.

Магаданчыг час ам кажан бисти өөртүп,
Кышты үдеп, чылыын сөңнеп келир ирги.
Март ай шагда келген-даа бол, амдыызында
Хырааланган соңгам муңгаш, соок-ла соок.

2010

ЭЖИИМ СЕПТЭЭЙН

Дүвүлүг хат саарылдыр чашканнаан хар,
Кыжырткайнып човууртаан дег чарык эжик,
Кыпсынчыг дүн, караңгы үт, соок дүмбей.
Дүлгээзинниг сагыш саарзык, муңгаранчыг.

Баш муңгаш, уйгу келбес, тиккиңейнип,
Ханада шак даажы-биле чаржалашкан
Караңгыда чүдээн чүрээм согуун дыңнап,
Багай бодум удуп чадап, түрөп хондум.

Даңны атсы дүвүлүг хат мени бастып,
Чарык эжиим дыдыындан хөй харын чажып,
«Таптыг-дыр бе, орбак-самдар боорга» дээнзиг,
Чаңнап-чаңнап, оожургап соксай берди.

Ам-на болзун, самдар эжиим чамап алыйн.
Агаар бойдус безин мени шооткан дег-дир.
Багай бодум чөгенчиимни билип тур мен,
Бажым аарыын эмневейн, эжиим септэйн.

* * *

Хөрлээлендир көстү үрүп,
Хөңнүң өөртүр чүгле мактап,
Көскү сени эмин эрттир
Хөөретпейн көрээл, эжим.

Көзээн отта тиккен сүт-даа
Хөөрөп ашса, хуюкталыр.
Хөлүн эрттир мактаткаштың,
Хөңнүң чутка боражып боор.

СУРГААЛДАР

Калчаа далай чалгыы күштүг-даа болза,
Харлыг кыжын доъш алдынче кире бээр.
Эгүүрде нүгүл кылып чоруур болза,
Эрлик Оранының тамызынга дүжер.

Даштыг эрикче үндүр шелдирипкен балык
Амы-тынын боду камгалап ап шыдавазы дег,
Дайын-чаа, өш-өжээн бодап чоруур киж
Амы-тынын боду камгалап ап шыдаваз.

Сүт-биле сугнуң холуксаазындан
Сүттү чүгле языты-мелегей ылгап шыдаары дег,
Амыдыралы эки бе азы багай бе деп чүвени
Амытанның кылган үүлезинден билип ап болур.

Үүле деп чүвени тода билип алган киж
Хенертен шажынга бүзүревейн баар болза,
Актыг шынның оруун көрүп турза-даа,
Хенертен согураара берген биле дөмей болур.

Үргүлчү таакпы тыртып чоруур киж
Таакпы ыжы хоралыг деп билбези дег,
Үргүлчү нүгүл кылып чоруур киж
Нүгүлдүг үүле хоралыг деп билбейн чоруур.

Үр үе иштинде таакпылавайн баргаш,
Таакпы ыжы хоралыг деп билип каары дег,
Үргүлчү нүгүл кылбас апаргаш,
Нүгүл бүгү назыда хоралыг деп билип каар.

Бүрүлери оңуп калган кургаг ыяшты
Чемишчидип, суггарарга-даа, ажыы чогу дег,

Бүгү улуска дуза кадар сеткили чок кижини
Чеже-даа өрү көдүрүп, мактаарга ажыы үнмес.

Кадыр хаяда өзүп турар чимистиг ыяштың
Кат-чимизин чыып аары болдунмазы дег,
Өскелерге дуза кадар сеткили чок болза,
Эртемниг-даа кижини эртем-билиин чок-биле дөмей.

Кодан-суурга коргунчуг үер келир болза,
Хаанның-даа бажыңын үер алгаш баары дег,
Өлүр үүлези келирге, ооң мурнунга
Хаанның-даа оглу болза өлүмден чайлап шыдавас.

Хоранныг үнүштүң чечээ чараш-даа болза,
Хол-биле дээри болдунмазы дег,
Кара сагыштыг кижини чеже-даа чараш болза,
Хамык улустуң сеткилин чаалап ап шыдавас.

Шалбалаткан эмдик дезиг аът
Шалбадан кажан-даа адырлып шыдавазы дег,
Чораан серинге-ле нүгүл кылып чоруур кижини
Човулаңдан кажан-даа адырлып-шыдавас.

Куруг хумуңну кудукче кажан-даа
Куду алзы бадырары белен болгай.
Үргүлчүнүң нүгүл кылыр кижиге
Нүгүлдү кылыры база белен болур.

Долу суглуг хумуңну кудуктан
Дедир үндүрериниң аары дег,
Нүгүлдүг үүле кылырындан
Буянныг үүле кылыры берге.

Шинчилевейн чүдүүр болза,
Хомудалга алзып болур.
Чиирде амзап, хынаваaska,
Хораннагаш, аарып болур.

Сугда эштип чоруур киж
Суггур чаъстан өттүм деп медегевес.
Кургаг черде чоруур киж
Кудук-чаъстан өттүм деп медегеп чоруур.

Эзрем далай дүвүнде
Эрээн-шокар балыктар бары дег,
Кара чер кырында база
Кандыг-даа сөөк кижилер бар.

Көрүнчүкке көрдүнгештиң
Хирин-чамын көөрү дег,
Көскү-хөөннүң саймааралын
Киж боду миннип, хынаар.

Чемишчидилге чок хөрзүнге
Чеже-даа үрезин үнмези дег,
Бай киж Буян кылбас болза,
Баскырап, ядарап каар.

Хоозун чугаа көвүдээрге,
Ажыл-иштиң бүтпези дег,
Хоран ыяштың чимизи хөй-даа бол,
Аңаа хол дээп, чыып аары болдунмас.

Чеже-даа дорт, хөнү үнген болза,
Буъдуу чок ыяш турбазы дег,
Чеже-даа ол боду эки боор болза,
Бурууга онашпас киж турбас.

Чаагай чимистиг ыяш бедик боор болза,
Чаш улустуң холу аңаа четпези дег,
Эртемниг-даа болза, туразы улуг киж
Эш-өөр, чон сеткилинче ол кириң шыдавас.

Монгуш Чочагар очулдурган.

ЧҮДҮЛГЕ-СҮЗҮКТҮГ КИЖИЛЕРГЕ ЭРГЕЖОК ЧУГУЛА ТАРИНАЛАР

Тарина дээрге, буда шажын езузунуң номчулга чалбарыглары болур. Тариначы дээрге, шажын номунда таринаны чалап номчуур кижини ынча дээр. Тариналарны номчуп чоруур кижии аңаа ханы сүзүглелдиг болгаш бүзүрелдиг болза, ынчан кижээ ажыктыг болур деп чурагай номунда бижээн. «Сезик-биле аарыыр, сүзүк-биле экижиир» деп эрте-бурунгу шагдан бээр чоннуң аксындан дүшпейн чоруур чугаа бар болгай. Ынчангаш таринаны номчуп чоруур кижии кандыг-бир аарыглардан, хай-халаптан баш удур камгалалды ап чорууру ол боор чүве-дир. Номчукчуларның кичээнгейинге эң нептереңгей аарыгларга удур дараазында тариналарны киридвис:

1. Бүгү аарыгларны чайладыр тарина:
Ум ми жо пад пад сууха.
2. Куян, сарыг-суг аарыынга удур тарина:
Ум түрэмси түрэмси пэрми пэг сууха.
3. Кыс кижилерниң аарыынга удур тарина:
Ум арадна нама сууха.
4. Балыг-бышкынга удур тарина:
Ум саран хум.
5. Баар аарыынга удур тарина:
Ум зараана та жа зараа суда ми суухаа.
6. Өртеңге удур тарина: (Хоразын чымчадыр)
Ум са са ма ма сод.
7. Чүрек аарыынга удур тарина:
Ум га га за за рим рим.
8. Карак аарыынга удур тарина:
Ум хэн хэн пүн пүн сууха.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Маадыр-оол ХОВАЛЫГ. Самдар.....	3
Вячеслав Бузыкаев. Узник ГУЛАГа.....	16
Владимир КАН-ООЛ. Строитель(глава из повести).....	21
Дозур-оол Тинмей. Маады Лопсан-Осур.....	29
Анна ХАДАХАНЭ. Сон души – не ее стихия.....	41
Игорь ПРИНЦЕВ. Хлам.....	49
Железные крылья.....	50

ПОЭЗИЯ

Эдуард Мижит. “Суровое чудо зеркал”.....	52
Первая волна.....	53
“Любовью целовала ночи...”.....	54
Подорожник.....	55
“Легко танцую, жизни пламя...”.....	56
Поэт.....	57
Свеча среди зеркал.....	59
Юрий НЕКРАСОВ. Поэзия Менги Ооржака.....	59
Менги ООРЖАК. Бездомный щенок.....	61
В родном краю.....	61
Верлибры.....	62
Ожук дажы.....	64
Чертверостишья.....	65
Артык ХОВАЛЫГ. “Случается порой...”.....	66
Четыре дара.....	67
“Цветок завянет – не жалею...”.....	67
“Зачем сажаешь этот сад?...”.....	68
<i>Перевод В. Гардеева</i>	
Нина СЕРЕНОТ. Звезда.....	68
<i>Перевод Саяны ОНДУР.</i>	

ЮБИЛЕИ

Инна ПРИНЦЕВА. Знаки судьбы дикого мальчика.....	70
Уран ДОНГАК, Арина ДУГАРЖАП. Салым-чаяанныг эртемен – Зоя Самдан.....	79
Сайлыкмаа КОМБУ. «Бодум үнүм дунук-даа бол, үндүр ырлаайн...» (Артык Ховалыгның шүлүктөрүндөн эскериглер).....	85

Ольга ДАМЧАЙ. Особенности восприятия хоомея.....	94
Видольд САПЕЛЬЦЕВ. Две встречи с Мессингом.....	98
Борис КАЗЫРЫКПАЙ. Омар Хайям и традиции рубаи.....	104

САТИРА и ЮМОР

Мария ХАДАХАНЭ. Клочок шерсти.....	109
Людмила САНЧАЙ. Манья предследования...	110
Монгуш. ОЛЧЕЙ-ООЛ. Обуздал марала.....	111
С утеса.....	112
Случайно.....	113
Конь с телегой.....	114

ШҮЛҮКТЕР

Байыр-Белек НУРЗАТ. Плач об иноходце Аян-Кула.....	116
Зимняя шутка.....	117
Алгал чор бис.....	119
“Хөлечик-даа эвес мен ийин...”.....	119
“Ишти-хөңнүм ээнзиргей...”.....	119
“Кышкы эртен дүннү өттүр...”.....	120
“Буруулуг мен...”.....	121
“Ырмам сынды...”.....	121
“Азарганчыг ачы-үре...”.....	121
Илип аар мен.....	122
“Аай-дедир көжүп шимчээн...”.....	123
Тос-караам.....	123
Карак чивеш аразында.....	124
Хары кижиги.....	124
Соок харда эзим долдур... ..	125
Көвүрүүң чаа!.....	125
Арыг сугнуң дүвүнде сай дажы дег... ..	126
“Аа богда...”.....	127
Чылый берди.....	128
Соок-ла соок.....	128
Эжиим септээйн.....	128
“Хөрлээлендир көстү үрүп...”.....	129
Лопсаң ТҮПТЕҢ кешпи. Сургаалдар.....	130
Чүдүлге сүзүктүг кижилерге эргежок чугула тариналар.....	131

Литературно-художественное издание “Улуг-Хем”

На русском языке

Редакторы выпуска: *Г.И. Принцева, Ч.Ч. Куулар.*

Набор и верстка: *Н.С. Суван-оол.*

Корректор: *Г.И.Принцева, Ч.Ч. Куулар.*

Редакция журнала “Улуг-Хем”. 667000, г. Кызыл,
ул. Щетинкина-Кравченко, 57.

Формат 60x84¹/₁₆. Физ. печ. 8,5 л. Тираж 300 экз.

Заказ № 880.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных оригинал-макетов в ОАО «Тываполиграф»
667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1

